

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин

Глава 1

Мать-мачеха

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа. В природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Значит, природа человеку и мать, и злая мачеха.

С этого начались все наши сказки.

* * *

У края дороги, среди лиловых колокольчиков цвел кустик мяты. Я хотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветах. Не хотелось расстраивать бабочку из-за своего удовольствия, и я решил подождать немного и стал записывать, стоя у цветка, одну свою мысль в книжку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал, а когда кончил, опомнился – оказалось, что бабочка все сидела на цветке мяты в том же положении.

Но так не бывает! – и чуть-чуть кончиком ноги я толкнул стебелек мяты. Бабочка сильно качнулась, но все-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке?

Осторожно я взял бабочку за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва.

А когда я стал ее тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светло-желтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал ее. А мимо проходили дачники и говорили: «Какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!»

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека рождается чувство гармонии, радости, счастья.

В природе то, что у человека считается постыдным борьба за существование, пол, бешеная злоба и все прочие прелести бытия – обнажены. Спрашивается, почему же мы, входя в природу, чувствуем радость?

Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это – какое-то чистое и единственное человеческое чувство и мысль, соприкасаясь с природой, – вспыхивает, оживает; сам человек встает весь – происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии.

Итак, милые люди, усталые горожане и дачники, вы правы тем, что не хотите видеть в природе ту самую борьбу, от которой так устали в городе.

* * *

В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек, мало того что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение.

Собака в зеркале видит в себе другую собаку, но не себя.

Понять себя самого в зеркальном изображении скорее всего может только человек.

Вся история культуры и есть рассказ о том, что увидел человек в зеркале, и все будущее наше в том, что еще в этом зеркале он увидит.

* * *

Человек, организуясь в веках, захватывает в состав своего тела всю природу, во всем ее составе, как вселенную, и так, что части, более близкие к животным и растениям, называются телом, а части, более близкие к самому человеку или к тому, что нет в природе остальной и присуще только ему, называются душой.

Многие силы природы, обращаясь у человека в его душу неузнаваемо преображаются.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так, например, ветер, способствующий перенесению пыльцы с мужского пестика на женское рыльце, называют половой страстью в телесном определении, а в душевном – любовью.

Во свидетельство такого преобразования любви поэты с незапамятных времен говорят о любовных бурях.

Человек делает машину по образу своему и подобию и части ее называет по-человечески: пальчики, спинка, головка, шейка. Но вот перед ним не машина, а природа, где все само собой делалось и откуда вышел сам человек, – какие имена давать существам природы? В природе нет слова, кроме слов человека, вот почему человек и природу называет своими словами: есть «незабудки», есть даже «анютины глазки».

* * *

Дело человека – высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир.

В природе нам дорого, что жизнь одолевает смерть, и человек в природе подсказывает существование бессмертия и на том торжествует.

В природе осенью все замирает, а у человека в это время рожь зеленеет. В природе жук простой жундит о бессмертии, а у человека – Моцарт и Бетховен.

Счастье везде одинаково: и в природе, и в человеческом обществе. Это неведомая нам рука бросает тысячи семян, чтобы одно проросло, и когда оно прорастает – это счастье.

Так елки сеют своими шишками, осинки, одуванчики. Так тысячи тысяч людей берутся за кисть, за перо, за смычок, чтобы один вырос и дал новый посев.

Даже лишь созерцающий природу мысленно вносит в нее свой порядок. Вот в том-то и дело, что человек, в большинстве сам того не зная, переделывает природу с каждым шагом своим, и сама сущность его революционна. Обижаться на человека нельзя. Потому что наша мера жизни коротка. Мера берется на веру.

* * *

Небо безоблачное, травы достигли высоты, дошли до своего предела и зацвели, кипит жизнь пчел, шмелей, шиповник цветет. Но я, все зная, не смотрю на меру, я царь природы и делаю больше, чем все они.

Не надо смотреть туда, в сторону умирания, – надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплотить его – значит творить.

Встречал на лавочке зарю наступающего дня, «равнодушная» природа охватила наш человеческий мир. Это не равнодушие, а большая жизнь, великий путь, предоставленный муравью: иди этим путем – и ты, муравей, станешь тем же самым царем природы, каким показал себя человек.

Долго смотрел я туда, и душа моя, расширяясь, восходила, как на гору, и внизу открывался человеческий муравейник жизни людей «промеж себя».

Это не равнодушие, а большой широкий путь человека.

* * *

Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные – все это части разбитого единого существа. А человек в природе – это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство.

Когда глядишь на цветок в природе, то думаешь – не может такого живого прекрасного цветка создать человек. Когда глядишь на венецианскую люстру, то думаешь – не может природа создать такого бессмертно-прекрасного.

Значит, творчество природы и творчество человека различаются отношением ко времени: природа создает настоящее, человек создает будущее.

Природа раскрывается в наших желаниях: полетел бы! – и видишь летающую птицу, и

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
ей удивляешься; лег бы отдохнуть, – и вот тебе мягкий луг, покрытый цветами.

Но планов человеческих нет в природе: планы человеческие составляют природу самого человека.

* * *

Душа человека похожа на море: вечные бури на поверхности, и в глубине тишина. Как бы я рад был уйти от бурь в тишину, но там, в глубине, и темно, и воздуху нет. Нечего делать! Приходится бурю принять.

Говорят, из моря вышло все, на земле живущее, и море всем мать. Люблю море с берега, но плавать по морю мне скучно: вечно тот же круг горизонта, обнимающий голубое.

Да, я вышел когда-то из моря и обратно туда не хочу. Но с берега я все люблю на море – и бурю и тишину. Люблю на камне сидеть на берегу и думать, глядя в море, о жизни на земле.

Глава 2

Сила жизнеутверждения

Поля пустеют, и по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе.

Выйдешь на крылечко, – такой покой! – и вдруг падучая звезда: обрезано все небо на два полунеба, метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой.

Все даром! Какая масса людей проходит даром, как тени, и кажется, все это не настоящие, не интересные люди. Между тем в действительности все они настоящие, все интересные. Стоит только попасть с любым из них на одну тропинку, как откроется неизбежно их природа в ужасающей силе, и тогда понимаешь действительность, все равно как, глядя на мелькнувшую падучую звезду, догадываешься о действительной, мчащейся природе неба, а не спокойной, как кажется нам.

Город ночью. Электрические фонари кричат упрямо: к свету, к свету, к свету! И небо становится рыжим, и вот, бывает, на этом рыжем проглянет одна маленькая звездочка, и с нею тайное первое движение сердца, и бог знает откуда крикнет птица, подтвердит: так оно и есть... И опять наступит эта тишина, но я слышу, слышу – уже где-то в глубине этажей тикают часы человеческой жизни, и вот загремело первое тяжелое колесо, засвистели фабрики...

* * *

Память художника похожа на ожоги живой души вследствие быстроты движения.

Неудачей, мукой, трудом начинается в природе человек, и только если всю муку грядущую принять на себя вперед, можно говорить о прекрасном мире: дойти до того, чтобы не бояться и быть готовым даже на смерть и через смерть видеть мир вновь сотворенным.

* * *

Милый свет утренний, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее! Тут свет один с тобой, он твой близкий, единственный друг, начинает с тобой новое дело...

Это мое счастье – радоваться солнцу так сильно. А что же есть счастье вообще? Конечно, та же радость бытию (про себя) при всяких, даже ужасных условиях до того, чтобы улыбнуться солнцу при последнем вздохе. Радоваться небу, солнцу, траве, выйти на дорогу, обрадоваться встрече с человеком и разделить с ним путь до его села, и в селе этом чтобы просто обрадоваться всем людям, поговорить, попеть с ними и расстаться так, чтобы дети долго потом вспоминали про веселого странника.

Это счастье никак не связано с удачей, но часто удача бывает от счастья; даже напротив, только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым. Удача – это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину.

Кстати, в мещанских романах с «хорошим» концом описывается всегда удача, а не

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
счастье, и омерзительны они именно тем, что ставят счастье в зависимость от
удачи (1920).

* * *

Неудачник – вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже
неудачным. Неудачник – это особая мера, тип, мироощущение.

Моя неудача – не есть неудача, потому что я ощущаю большое, к которому должен
пробыться в опыте долгой жизни. Это – мое испытание.

Прыгает большими скачками вверх раненный в голову зверь и не движется с места.
Смотрю, как прыжки его вверх становятся короче, короче, и когда он совсем
перестает, я подхожу посмотреть: какой он большой!

Моя радость охотника борется, не оставляет места для жалости, и пусть: через это
я привыкаю быть равнодушным и к своей неизбежной будущей смерти, – ведь тоже
когда-нибудь растянусь... Одно только страшно, что кто-нибудь так же тогда
подойдет, посмотрит и скажет: «Какой он был маленький!»

У деревьев нет докторов, помощи ждать неоткуда, и они сами себя лечат, затягивая
раны свои душистой смолой. Бывает, рана давно затянута, а смола все бежит и,
скопляясь, превращается в ком. Я этот ком обыкновенно завязываю в уголок
носового платка и пользуюсь, как духами, здоровыми для дыхания и мне очень
приятными...

Так вот и вы, любители природы, когда в лесу рассеянно берете в руку кусочек
смолы и наслаждаетесь ароматом целебного бальзама, то помните – этим бальзамом
лечатся деревья.

Скрытая сила (так и буду ее называть) определила мое писательство и мой
оптимизм. Моя радость похожа на сок хвойных деревьев, на эту ароматную смолу,
откуда-то наплывающую при поранениях от сильной душевной боли рождается скрытая
сила поэзии.

Там, где самим хорошо, редко двери бывают открыты для гостей. Вот почему поэзия
и не бывает в «хороших домах» уверенных и довольных людей.

Голодный повар – как это может быть? А вот бывает же: поэт похож на голодного
повара, – он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным. И что
ужасно, как будто оно в отношении писателя так и должно быть: сытым писателя так
же трудно представить, как голодным повара.

На реке вечером был холод, но цвела черемуха и соловей пел: соловью только бы
цвела она...

Вот это утонченное наслаждение поэта петь и в бедности, и при всяких самых
дрянных условиях многие принимают за добродетель.

* * *

Ты, соловей. Сколько страданий, сколько горя, сколько отупения в бессмысленном
каторжном труде, и усталости мертвой без утешения, и расставанья безвозвратного...
Но ты, соловей, пой!

Ночная птица соловей поет, слышат все, а певца не видно. А если и увидишь при
свете, то что прибавит к песне вид серенькой птички?

Смерть токовика. Свинец попал ему в бок и поразил сердце, но он, верно, подумал,
что это ударил его противник, потому что подпрыгнул и упал, и крылья его уже
хлопали в агонии, а он, из горла вырывая звук любви, токовал...

* * *

Читатель, как ближний по духу и дальний по расстоянию. Тот и ближний, которому
пишешь, кого ждешь к себе, тратя дни, ночи, всю силу ума и сердца. Этот ближний
находится от писателя дальше всех: вот оттого так и трудно вызвать его, оттого
художник седеет, желтеет и морщится в его ожидании, потому что он, ближний по
духу, и есть дальний по расстоянию...

Не знаю, будет ли это верно для всех, но мне так представляется, что вся наша

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
радость на земле бывает от друга, если же кому не удастся найти себе друга среди людей, то иной делает себе друзьями животных от кошек и собак и до всего сущего, так что обнимает дружески все н. а земле: и солнце, и луну, и горы, и мельчайший жгутик подорожника на своей тропе.

Таких людей, не умеющих устроить себе счастье, таких обиженных, что их даже не замечают, называют, смотря по силе способности, чудаками или художниками.

Их большое значение в том, что, созерцая их творения, в сущности, счастливые люди начинают замечать свое счастье, понимать его и делать жизнь на земле.

Иногда, записывая что-нибудь себе в тетрадку, как будто опомнишься – кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определенно чувствую, что именно делаю: я сверлю.

Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи. Есть конец этому сверлению.

Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, – это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе.

* * *

Из ранних дневников. Все, что я думаю, – было думало и передумано. И я могу лишь дать другие оттенки тому же самому. Сущность жизни неподвижна. Формы ее изменчивы. Мы все работаем над изменением ее формы. Когда человек любит – он проникает в суть мира...

Вижу край зеленой одежды мира. Хочу о ней писать, хочу ловить все, что летит, и вьется, и реет вокруг. Дальше и дальше от центра. Все ловить. Все хватать. И всегда беречь в глубине души тайную тягу к тому, что скрыто под зеленым покровом. Никогда не называть это. Вечно чувствовать. Называть только то, что вокруг, что вьется. Тогда будет Поэзия...

Отдать себя жизни, пусть ранит она сердце, – чем больше ран, тем глубже свет. И каждый человек будет открытая книга, и по одному звуку голоса другого человека будешь сразу узнавать, кто он такой, что с ним было, и чем он мучится, как он ранен... А то можно забыть себе в голову гвоздь, и так с гвоздем всю жизнь прожить и ничего не узнать...

Первая и самая большая радость, которую я себе позволяю, это доверие к людям. Быть как все. Страдать оттого, что я – не как все...

Я один. Я слышу, как бьется мой пульс. Я вижу, как я тихо качаюсь от его ударов. Я слышу дыхание лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со мной. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром.

Звезды зажглись. Тайна легла над землей. Господи! Оставь так! Оставь меня таким, как я есть, как я сейчас. Господи, дай мне силы не оторваться и встретить вместе со всеми Солнце! (1905–1912).

* * *

Всякое творчество похоже на поиски голоса в радиоприемнике: когда находят согласную волну – слышится голос. Так и творящий человек лично ему только данную волну (талант) приводит в согласие с одной из волн, существующих вне его, исходящих из неизвестного мира, похожего на большую радиостанцию.

Это согласие является одним как ритм, другим как смысл и мера всему, но тем и другим при этом слышится голос извне, как при согласной волне слышится голос с радиостанции..

Пространство и время – это когда смотрят на сторону. А в себе, внутри, в душе – в самой личности человека – там нет ни пространства, ни времени. «Моя птичка, – говорится о мечте в киргизской загадке, – в одно мгновение долетает до рая».

В душе и мечте нет времени, но мечта в полете своем встречает препятствия, и их периодическое повторение создает то, что мы называем временем и пространством.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

Но не все из души уходит навстречу препятствиям. Есть, как мы говорим, что-то «за душой» у человека, лежащее вне пространства и времени. И это то самое, на что мы глядим и равняемся, с кем советуемся в глубине нашей и о ком каждый из нас может сказать: это ты, мой друг!

Искусство наше словесное, живопись, зодчество, скульптура и все другие являются в мелкой жизни маяками, светом большого единого духа.

Поведение или метод в искусстве – это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души, как на другую планету.

С другой стороны, душа человека вообще одна, и сигналы какой-то души – есть сигналы единства.

Как это выходит, что человек бросает всех своих близких, родных, друзей и всю свою душу открывает совсем незнакомому человеку с ясной верой в то, что с близким жизнь изживается, а начинается настоящая жизнь за пределами нашего повседневного опыта и связей?

* * *

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло. Значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть личностью, чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто индивидуум знает только себя.

Индивидуализм – есть подчеркнутая слабость.

Прощай, снежок, ты растаял, и больше мы с тобой никогда не увидимся. Придет зима, и придет с ней, конечно, снег, но это будет другой снег, а ты больше никогда не вернешься. Прощай навсегда!

И дым из трубы, и это облако, и все – все пройдет, и перед собственной смертью ты будешь один, – вот это и страшно, что все, все, связанное с тобой, пройдет, не будет даже твоей могилы, когда совсем ничего от тебя не останется, а ты все будешь повторять: я-я-я!

Капля и камень. Лед крепкий под окном, но солнце пригревает, с крыш свесились сосульки – началась капель.

«Я! Я! Я!» – звенит каждая капля, умирая. Жизнь ее – доля секунды. «Я!» – боль о бессилии.

Но вот во льду уже ямка, промоина, он тает, его уже нет, а с крыши все еще звенит светлая капель.

Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!» Камень большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет здесь лежать, а капля живет одно мгновение, и это мгновение – боль бессилия. И все же «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

* * *

Знаешь ли ты ту любовь, когда тебе самому от нее нет ничего и не будет, а ты все-таки любишь через это все вокруг себя, и ходишь по полю и лугу, и подбираешь красочно, один к одному синие васильки, пахнущие медом, и голубые незабудки?

От холода все остановилось, и в особенности это заметно на липах: листья кучками вышли из почек и не расходятся. Но мне так хорошо теперь идти по лесной тропе! Мне кажется, все существа в природе остановились и обратили на меня внимание, и все, советуясь друг с другом, по-своему говорят:

– Подождем старика, пусть он нас догоняет!

Вот почему я всегда так хорошо себя чувствую в майские холода, весна в ожидании меня задерживается, позволяя мне поближе к ней подойти. Есть у меня для молодежи своя собственная мысль, и я знаю, не без пользы для себя они меня поджидают.

Мне хочется им сказать, что здоровье человека не в сердце, не в почках, не в

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
корнях, не в листве или в спине. Конечно, слов нет, хорошо человеку, если у него все это тоже здорово, как у быков. Но самая суть чисто человеческого здоровья это, когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне – то должно быть и всем хорошо.

Если поблизости нет человека, чтобы вместе порадоваться, то один пишет другому письмо или поет ему песенку. Так здоровый человек встречает весну, хотя пусть он на костылях, или ему много лет, и за молодым бежать он не может.

Это нужно понять молодым, что при утрате чего-нибудь внешнего в человеческом здоровье образуется внутри него какая-то замена, и часто замена эта ведет его к такому лучшему, что о старом он не горюет и молодым не завидует.

Так и в лесу в майские холода мне кажется, что молодежь мысль мою о человеческом здоровье понимает, и все останавливается и поджидает меня, чтобы я об этом сказал.

Я это знаю во время творческого подъема и даже просто благоговейного труда: так бывает здорова душа, что тело и вовсе не чувствуешь.

* * *

Термос души. Черемуха все еще только зацветает. Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана Царевича с Марьей Моренной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновение я вдыхаю в себя ту любовь.

И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, не лишается желанья поднести ландыш к носу. Мало того! Он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом

Поэзия сложнее аромата цветка, но и она близка к способности человека возмещать утраченное.

Есть радость, когда никого не надо и ею насыщаешься сам в одиночку. Есть радость, когда хочется непременно ею поделиться с кем-нибудь другим, и без друга почему-то эта радость не в радость и может даже обратиться в тоску.

Друг мой! Я один, но я не могу быть один. Как будто не падающие листья шелестят над головой моей, а бежит река живой воды, и необходимо мне дать ее вам. Я хочу сказать, что весь смысл, и радость, и долг мой, и все только в том, чтобы я нашел вас и дал вам пить. Я не могу радоваться один, я ищу вас, я зову вас, я тороплюсь, я боюсь: река жизни вечной сейчас уйдет к себе в море, и мы останемся опять одни, навсегда разлученные.

Я кричу! Но мой крик в золотой пустыне возвращается ко мне обратно, и я, как первобытный дикарь, древнейший человек, делаю из глины первый сосуд и заключаю в него для друга моего перебегающую жизненную силу.

И это все равно: там была вода и глина, теперь у меня дух мой и слово, и я из слова делаю форму.

* * *

Прошел по Якиманке и заглянул во двор дома 42, где в сарае столько лет стоял мой автомобиль. Было что-то в моем многолетнем увлечении автомобилем большее, чем заслуживает от человека вещь.

Только прошлый год я догадался бросить машину и ездить просто в такси. Такая обуза свалилась с меня, и как приятно чувствовать свою жизнь без машины!

А жизнь? Если с годами придет время и я почувствую, что пора бы расставаться с этой своей машиной?

Это мне кажется хорошо, и это просто счастье дожить до того, что с жизнью станет не жалко расставаться.

Но вот странность: жизни не жалко, но если я представлю себе, что придет когда-нибудь время и я брошу перо, то мне кажется это невозможным и недостойным себя жить без охоты писать. Мне кажется, эта охота моя больше жизни...

Дым из трубы поднимается вверх, высокий, прямой и живой, а снег падает, и сколько бы ни падало снегу, дым все поднимается. Так вот и я себя в жизни чувствую, как дым.

Ничего тебе не сделать, ты пропадешь, если только не поставишь свою лодочку на волну великого движения, и твое личное «хочется» не определится в океане необходимости всего человека. Так ли я думаю?

Вокруг меня лес, и могучие стволы столетних деревьев, и цветы внизу, и папоротники, и мхи, и ручьи, и птицы сверху глядят на меня, и белка играет тяжелыми шишками. Все так понятно, все подтверждается и выговаривает: «Ты правильно мыслишь!»

Прихожу и становлюсь на работу среди людей и смотрю на их дело и на свое: все правильно.

Топи, топи, Михаил, все эти мысли в действии, держись простоты «Кладовой солнца», всем понятной. Пусть у тебя будет разговор со всем народом, с людьми образованными и необразованными, старыми и молодыми, русскими и нерусскими.

* * *

Сегодня после теплого небольшого утреннего дождя так чудесно в природе, и так хочется писать! И так нужно писать, именно когда самому хорошо, иначе непременно поведет перо на сомнение или на какую-нибудь дрянь.

Мне кажется, что когда самому хорошо, тогда и явится из-под пера что-нибудь свое и новое, а то будет или пессимизм, или перепевы.

Точно, как вчера, погожий день вышел из тумана, а ночь была лунная.

Погода и благодарность – родные: одна родилась в природе, другая – в душе человека. И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности.

И вот в это чудесное утро благодарю за чудесные темнеющие стручки акации с ее маленькими птичками, и нагруженные подарками для белок еловые вершины, и за всякую вещь, переданную человеку от человека: за стол, за табуретку, за пузырек с чернилами и бумагу, на которой пишу.

...И так во все это росистое утро радость прыгала во мне и не смущала печаль человеческая. Чего мне и вправду смущаться, если так рано, что все горюны еще спят. Когда же они проснутся и загорюют, обсохнет роса, и тогда я еще успею печаль их принять к сердцу.

Горюны всего мира, не упрекайте меня!

Охота на дупелей. Рожь молотят. Со всех сторон слухи: дупеля показались. Там видели одного, там двух... Это значит, наступила собственно охотничья осенняя пора.

В отношении дупеля я испытываю такое же трепетное состояние, как весной, но только в этой тревоге есть большая разница: тогда боишься, что не только вся весна, а вся жизнь, собранная в эту весну, мимо пройдет, и мечешься из стороны в сторону, хватаясь за все, как бы не упустить, как бы не упустить!..

При начале осени, напротив, предмет тревоги точно определен: боишься только, как бы не прозевать дупелей! А все остальное в начале осени является как достижение, как момент усиленного раздумья после трудов.

Мне дорог в это время заутренний час, я счастлив, что до рассвета теперь могу час провести с лампой в ожидании утра. Но особенно дорог утренний полумрак возле болота.

На темнорыке я стою, прислонившись к пряслу, отделяющему ржаное сжатое поле от

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
болотного кочковатого луга, и время от времени прикидываю ружье на небо и землю, проверяя, видно ли мушку. Я знаю по опыту, что на рассвете больше найдешь дупелей, – мне представляется, будто они на рассвете родятся из тьмы и росы.

Вот я пустил собаку и начинаю действовать, мне больше некогда предаваться созерцанию; вот пастух заиграл, через час, много через два, выйдут коровы. Конечно, я слышу очень хорошо, что бормочет осенний тетерев и что кричат журавли и летят надо мной; и это не пропадает – что розовый свет, и голубой свет, и зеленый свет вокруг меня, и показывается, значит, солнце.

Я всей душой чувствую нежное, и бодрое, и раздумчивое, и умное утро, но я действую, я сам только что родился из тьмы и росы, – я действую, мне надо спешить!

Вот ревут коровы, вот впереди показывается подпасок, за ним красные коровы, потом черные, потом бурые, – много коров, много овец, а сзади старик пастух с огромной трубой.

Идите, идите, луг очищен мной! Я сажусь на кочку, отдыхаю и закуриваю.

Как хорошо в предрассветный час полуодетому прямо с постели открыть дверь, выйти во тьму, захватить пригоршню пушистого, только что вылетевшего из облаков снега, потереть им лицо, шею и вернуться в теплый дом: какой у снега в этот утренний час бывает аромат!

Да, если дома тепло, и можно быть сытым, и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета.

* * *

Некоторые приписывают мой хороший вид питанию и воздуху! «Вы прекрасно выглядите, наверное, по своему обыкновению, в лесу живете. Как охота?»

Я всегда вежливо отвечаю, что лес и охота самые лучшие условия для здоровья... Мой лес! Моя охота! Если бы только побывали они в болотных комариных лесах, часами бы погуляли под песни слепней! И тоже – охота моя! Внешней обыкновенной охотой я скрываю, оправдываю в глазах всех мою внутреннюю охоту. Я охотник за своей собственной душой, которую нахожу, узнаю то в еловых молодых шишках, то в белке, то в папоротнике, на который через лесное окошко упал солнечный луч, то на поляне, сплошь покрытой цветами.

Можно ли за этим охотиться, можно ли кому-нибудь об этом прямо сказать?

Прямо никто не поймет, конечно, но когда имеешь целы убить куропатку, тогда под предлогом куропатки можно описывать и охоту свою за той прекрасной душой человека, которая частью приходится и на меня.

И вид мой хороший («прекрасно выглядите») происходит не от воздуха болотных лесов и не от питания: оно самое обыкновенное. Я надеждой живу и радостью своих находок, и я имею возможность этим питаться, потому что более или менее хорошо подготовился на тот случай, если на вопрос мой кукушке о том, сколько мне жить, она, не докончив свое «ку-ку», ответит мне «кук» и улетит.

Чтобы лес стал как книга, – нужно сначала не по верхушкам глядеть, а нагнуть голову и вникнуть в мелочи. Это не очень легко, потому что хочется смотреть на вершины. Много нужно в себе пережить, чтобы захотелось с любовью и радостью глядеть себе под ноги. Надо, чтобы стало тесно в себе, и очень больно от этого, и почувствовать малость свою, и возненавидеть претензии вместе с птицами летать по вершинам.

Тогда в глубокой уничтожающей тоске опускаешь глаза и встречаешь маленькое чудо какое-нибудь – вот хотя бы этот папоротник с такими сложными листьями, такой нежной зеленью, и, самое главное, что он, достигнув теперь уж значительной высоты, до сих пор не может совсем выправить то колечко своей верхушки, которым он пробивал себе путь из-под листвы. Я увидел его тогда и обрадовался, вспомнив при этом пушкинского богатыря-младенца, как он понатужился, выбил дно из бочки и освободился.

После долгого удивленного разглядывания внизу попала пушинка в глаз, захотелось

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вверх посмотреть и вот тогда открылись вершины во всех своих подробностях, во всей своей красоте. Так нашелся выход из себя.

* * *

В лесу не в полночь бывает самое темное время, а перед самым светом.

– Как темно! – скажет кто-нибудь.

И другой ему отвечает, поднимая голову:

– Темно? Значит, скоро будет светать.

Иду вперед силой веры своей в лучшее, а путь расчищаю сомнениями.

В мыслях у людей бывают сомнения, предваряющие утверждение: человек сомневается лично, а к людям приходит уже со своим утверждением. Так точно и в жизни у людей бывают постоянно несчастья, и сильные люди переносят их легко, скрывая от людей, как сомнения.

Но когда после неудачи приходит радость, то кажется всегда, что эта радость нашлась не только для себя, а годится для всех. И радостный, счастливый человек бьет в барабан.

Так, сомнения, неудачи, несчастье, уродства – все это переносится лично, скрывается и отмирает. А утверждения, находки, удачи, победы, красота, рождение человека – это все сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения.

Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения.

Глава 3

Материнство художника

Есть у художников такое же отчетливое в сознании, как у матерей, время свое, как составная часть большого времени, где все мы современники.

Кажется, этот срок вынашивания образа такой же необходимый, как в природе срок матерей, и его невозможно отсрочить и невозможно сократить без опасности выкидыша.

На башенных часах этого времени нет, но каждый, кто что-нибудь делал серьезно в искусстве, знает условия современности в творчестве.

Есть особое материнское чувство жизни, рождающее образы, как живые существа. В свете этого чувства каждая мысль превращается в образ, и как бы коряво ни писала рука, и как бы ни брызгало перо на плохой бумаге – образ родится и будет жить.

И есть мастерство, заменяющее материнское чувство, посредством которого можно писать, как только захочется. Но все это не значит, что мастерство не нужно художнику: оно необходимо ему, но при условии подчинения материнскому чувству.

Наливной час. Рост художественности в человеке требует иногда того безучастия со стороны художника, как глядит беременная женщина, безучастная, бездумная: наливной час, когда человек спит, а природа сама для него работает.

Она ничего не думает, а дитя растет.

* * *

Мне вспомнилась моя старая мысль, где-то счастливо напечатанная, я сказал тогда: «Кто из нас думает больше о вечности, у того из-под рук выходят более прочные вещи». А сейчас, вероятно, приблизившись к старости, я начинаю подумывать, что не от вечности, а все от любви: высоко подняться может каждый из нас всевозможными средствами, но держаться долго на высоте можно только сильным излучением любви.

А что есть любовь? Об этом верно никто не сказал. Но верно можно сказать о любви только одно, что в ней содержится стремление к бессмертию и вечности, а вместе с

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
тем, конечно, как нечто маленькое и само собою понятное и необходимое, способность существа, охваченного любовью, оставлять после себя более или менее прочные вещи, начиная от маленьких детей и кончая шекспировскими строками.

При чтении «Записок охотника». Чувство современности, по-видимому, рождается из веры на пути ее к делу: это дитя веры и дела.

Вера без дел мертва. А любовь? Дело любви – это дети, но если не дети? Если не дети, то все: всякое дело на свете должно быть делом любви. Так вот и сочинения Тургенева были делом его любви.

Живыми выходят у Толстого образы потому, что он их по-матерински вынашивает, а не сбрасывает, как при заказах на скоростном соревновании. Толстовское непротивление вышло у автора как «обгон» своего великого чувства материнства художника.

Художница развернула новый большой холст...

– Идешь к свободе, – сказала она, – а попадаешь в неволю, куда большую, чем раньше было.

– Знаю, – ответил я, – но ведь так все, девушка выйдет замуж и начинает рожать детей – неволя такая! А выходит все-таки лучше, чем если бы осталась вековухой. Вот и я когда-то взялся за перо – думал попасть в край непуганых птиц, а попал в тиски писателя, и все-таки рожаю и торжествую, рожая.

Каждая мать в беременности своей переживает аскетизм средних веков и в рождении радость возрождения. Сколько в ней содержания! А мужчина ведь только творит, и если, случится, рождает, то только при помощи женщины. Свободная, творящая женщина сейчас в моде, но не она венец создания.

Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет.

Сколько труда вкладывает человек около хлебного зернышка, и все-таки оно прорастает само, и вся природа в себе так нерукотворна!

Там, где-то возле хлебного зернышка, и зарождается поэзия. Зерно идет на хлеб, а эта какая-то сила питает души.

* * *

Каждое хорошее произведение вытекает из души так спокойно и просто, что никак не принимаешь эти первые и самые важные строки за решение долгой и мучительной борьбы. Эти первые строки являются всегда неожиданно.

Все хорошее, в том числе и хороший рассказ, происходит не только от личного усилия, нет, оно само поспекает, как яблоко на стволе человеческой личности.

Гриб растет только до того времени, пока его не найдут: после этого он делается предметом потребления. Так точно и писатель растет... Одну книгу возьмут, и опять из той же подземной грибницы, пользуясь теплым дождиком, надо расти, пока не придет, и не откроет тебя потребитель, и не срежет тебя под корешок. В молчании под сенью листьев и хвои совершается творчество.

Ничего не могу сказать вам о том, как мне после Севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло!

А когда счастье приходит – уходят слова.

Смотрел и всматривался в стадо молодых гусей, дивился, что ничем не заняты, а потом: как же ничем? Они растут и ждут.

И запомнил себе: пусть мои мысли тоже сами растут, и я буду ждать.

Никогда не выдумаешь такого, что в жизни самой обыкновенной бывает. И потому – выдумал или сказал – это серебро, а что было и ты промолчал, а оно само сказалось – вот это золото.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Когда в жизни своей мы подходим к необходимости решения трудного вопроса, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А некоторые поступают так не решают трудного вопроса, а терпеливо доживают до решения.

Зяблики рассыпались, будто маленькие каскады воды, падающей с уступа на уступ все ниже и ниже.

На торфяном болоте поднялась утка, и вслед за ней чвакнул с плеском, выдрался из кустов и взлетел селезень.

Пара бекасов металась вверху, раскатываясь барашками, с поля Износились песни жаворонков.

С великим треском по тонкому льду, сохранившемуся в древесной тени, с плеском на лужах, вскочил и пошел взбуженный заяц. Я успел узнать – это была беременная зайчиха.

Но вот именно этот заяц подсказал наконец-то мне самое главное, что было бесконечно значительнее всех этих звуков весны.

Когда стихли эти звуки от зайчихи, то открылась моему слуху вся сила огромного молчанья, всеобщей тяжелой беременности среди незначительных звуков лесных и полевых самцов.

Самки сядут на яйца, самцы веселей будут петь. Но чем больше будет веселых звуков в лесу, тем сильнее для понимающих будет выступать и значить сила молчания. Не тем ли и в поэзии сильно слово, что открывает нам силу молчания?

Глава 4

Чувство мысли

Поэзия – это предчувствие мысли.

Я живу достоверностью сердца, где таится самая сущность всего преходящего в бессловесном созерцании. Искусство мое состоит из чередования удачных и неудачных попыток заключить эту достоверность сердца в слова разума.

Какой-то молодой критик на ходу мне сказал, что в моей «Лесной капели» я дал вовсе не пейзаж, потому что пейзаж имеет в литературе не самостоятельное значение и всегда, даже у Тургенева, отделяется от сюжета. Но у Пришвина не отделяется, и это вовсе не пейзаж.

– А что же, если не пейзаж, не природа?

– Не знаю, что...

– Так знайте же: это сердечная мысль.

Сердечный ум. То, что мы, русские, в просторечии называем «ум», мало имеет общего с тем умом, который переводится на иностранные языки и для всех означает «разум». Наш ум не зависит от образования, развития и всего подобного, относящегося скорее к хитрости, чем собственно к уму.

Первое в нашем уме, что он от природы такой, значит то же, что дар или талант. Второе свойство нашего ума, что он непременно находится в согласии с сердцем. Так что общее понятие разума в нашем языке разбивается на две категории: одна – все, что от разума, ближе к хитрости, и то, что ближе к мудрости, то есть к сердечному уму.

Сердечная мысль есть величайшее богатство души, и для нее должна быть создана особая наука вроде политической экономии, обращенная к духу: наука о том, как нужно создавать, охранять и расходовать сердечную мысль и порождаемое ею родственное внимание к миру.

Инженерам душ: сила сердечной мысли – вот единственная сила, которой строятся души.

* * *

Талант «неизъясним» (по Пушкину), но все-таки первое условие – подпочва поэзии.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Это особое чувство, похожее на перенасыщенный раствор, в котором кристаллизуется и осаждается мысль.

Талант именно и есть способность приблизить другого к себе и за него выступать, как за себя. Значит, талант поэта есть та же сила любви, превращенная в слово.

Поднимать свои чувства от сердца вверх к голове, там их рассматривать, прояснять, проявлять, дополнять, так разделенные мертвой водой головы опять опускать, опять соединять в живой воде сердца и потом, подняв вверх, стальным пером черным по белому начертать узоры мыслей, – вот в чем искусство писателя.

* * *

Есть слова, которые, сцепляясь одно с другим и повторяясь, ведут, как тропинки, внутрь себя самого.

Сколько ума в стихотворениях Лермонтова, того ума, с которым борется каждый поэт и подчиняет его, как служебную машину. Этот ум у поэта как кость у борца, как сталь у кинжала. Переход к действию в творчестве начинается не от мысли, а от какой-нибудь возможности, хотя бы, например, от попавшего на глаза клочка бумаги, на котором захотелось бы написать. Написать... и пойдет.

Мне сегодня представилось, что так легко можно написать свою долго носимую в душе вещь, если трудные главы не выписывать, а оставлять в наброске. Важно добраться до «интересного», когда будет писаться само собой, и оно определит, оформит материал предыдущего.

Как доберусь домой, так и начну и кончу.

По секрету сказать, глупость необходима в поэзии, как весенние лужи земле, но дело поэта подвести людей к этой луже. Там каждый находит свое отражение и, дивясь, говорит про себя: «А ведь я это за глупость считал». И, расширяясь душой, радуется, что он такой же, как все, и приближается по себе к пониманию всех, казалось бы, раньше недоступно умных людей.

Начало непременно глупо, в том смысле глупо, что оно является преодолением логического разума: нужно мысль свою логически довести до последнего конца, потому что логически мыслить – значит стареть. И когда эта мысль дойдет до конца и умрет, то из этой старой шкуры змеи выползет молодая, живая, бессмысленная инициатива.

И в этом смысле всякое начало глупо. Часто в сказках даже и нарочито глупо: «жил-был у бабушки серенький козлик...»

Стоит припомнить начало любого своего рассказа, чтобы в глупости его почувствовать выползание молодой змеи из старой шкуры.

Каждый великий поэт вершиной своего творчества соприкасается с душевным миром детей. Так, наверно, создавался и фольклор: народный поэт, не показывая лица своего, вершиной своего творчества соприкасался с вершинами народного духа.

Испытанием таланта писателя для взрослых может служить маленькая вещица, годная в детскую хрестоматию.

Наивность при других хороших данных – почти сила, которой можно долго двигаться: наивный человек ведь слеп лишь на самое близкое, что знает даже дурак. И вот эта наивность, минуя близкое, всем видимое, может дать зрение на более далекое, во всякой случае такое, чего обыкновенно не видят.

Но если наивность прошла, то вернуть ее так же невозможно, как девственность.

Сильно талантливый человек не может быть очень «умным», потому что при одном уме – злость и холод, а талант греет, и ум на таланте как бы на теплой лежанке.

Пропотеешь на охоте и высохнешь, дождик польет, высохнешь, опять пропотеешь, и так густо, что вот кажется, через рубашку трава проросла, и по траве паутина легла, и в строгое холодное утро паутина поднялась мельчайшими каплями росы и засверкала.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Тогда все книжное, начитанное, надуманное исчезает, и если приходит в голову мысль – верь ей! Это своя мысль, проросшая из своей головы, как мох из пенька.

* * *

Живи с теми же самыми людьми и вещами постоянно, и все равно, если ты поэт, ты должен увидеть их так, будто никогда не видел. Сила первого взгляда есть основная сила поэзии.

Поэзия – это дар быть умным без ума.

От чужой мысли всегда веет холодом, и она оттого похожа на планету когда-то горевшую, а теперь холодную и освещенную чужим светом.

Но есть в мире мысль, еще никем не высказанная, как планета, на которой органическая жизнь еще впереди. Это мысль, еще не открытая людьми, но мы ее чувствуем.

Мне кажется, если не ошибаюсь, наше искусство истинное и есть сильное выражение этого чувства мысли в своем чаянии, в своем стремлении к будущему. Думаю, и социализм в существе своем есть то же самое чувство мысли о правде.

Мысль у меня приходит, как комета в тумане светлом с хвостом. Когда «мелькнет» мысль – в самом начале я ее чувствую, как светящийся кометный туман, а самая мысль не покажется, забудется. Но это неверно; раз чувство мысли показалось, то и сама мысль, рано ли, поздно ли, непременно придет.

* * *

Кончается чудесный сухой сентябрь, дни мои отрываются от меня, как с дерева листики, и улетают.

Я слегка опускаю поводья, и моя лошаденка сама трусит, освобождая меня от забот.

Просека длинная, как дума моя, и поздней осенью жизнь не мешает моей думе.

Грибов уже нет, и муравейник уснул...

Все знают, что горе надо забывать, но мало кто понимает, что и всякий успех, счастье надо встречать, принимать и, сложив достижение в кладовую свою, как можно скорее тоже забывать.

И радость и горе надо забывать, а понимать надо только мысль в ее вечном движении.

Долгое время жизни моей попадали в меня пульки и дробинки, откуда-то в душу мою, и от них оставались ранки. И уже, когда жизнь пошла на убыль, ранки эти бесчисленные стали заживать.

Где была ранка – вырастает мысль.

* * *

Художник не может выразить мысль свою силлогизмами. Но у него есть особое чувство мысли, как бывает, не вспомнишь имени, а самого человека чувствуешь и не можешь другому объяснить, кто же он.

Так и чувство мысли делает художника безмолвным обладателем ее, и с помощью своих художнических средств он открывает нам и самую мысль.

Труднее всех художников, конечно, художнику слова, потому что трудность выражения чувства мысли здесь легко подменяется и умерщвляется логикой.

Является какое-нибудь желание, соединенное с мыслью, правильное. Но если дальше подумать о том, что из этого выйдет, то впереди ничего не видно, мысли не хватает, и остается одно желание.

Вот если тогда подождать в желании и представить во времени, то вскоре является ясная мысль, а желания больше нет уже. И жалко становится прошлого, что не удержал желания и позволил жизни засмыслиться.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Учиться надо на себя смотреть со стороны и в то же время чтобы свое горячее не остывало.

* * *

Когда садишься писать и не складывается в голове как надо, попробуй довериться перу и начинай писать, что придется. И бывает, напишешь, доверяясь перу, такое, чего никогда не придумал бы.

Таков был Шаляпин: такого не выдумаешь.

Гений видит не то, что другие, потому что обращает внимание на невидимые для всех стороны предметов, но человек гениальный еще не вполне свободен: он находится в плену у своего гения («отдаться своему гению»)...

Совершенно гениального человека я знаю одного: Шаляпина, он «безмысленен», как глыба.

Я первый раз видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина, тут в кабинете было человек десять каких-то... Разговор был ничтожный.

Вдруг Шаляпин, словно во сне, сказал:

– Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два было о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета – все о Казани, о полах, о купцах, безо всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью.

Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел, нашего какого-то, может быть, полевого или лесного, но подлинного русского бога видел. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал: «Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем!»

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый... Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил – от церкви, Мережковский – от Пушкина, а Горький – от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии.

Талант не делается, с талантом рождаются, и это есть то же самое, что у животных называют «инстинктом». Наверно, каждый рождается с каким-то талантом. Когда я напал на свой талант, на эту способность все постигать, минуя ученье, я обратился к солнцу, как к источнику жизни, и прославил природу.

* * *

Нравственность есть отношение силы разума к силе чувства. Чем сильнее чувство и чем ближе к нему разум, тем больше человек в его человеческом деле.

Есть чувства, восполняющие и затемняющие разум, и есть разум, охлаждающий движение чувств.

Страшен, кто обошел свои природные страсти холодным умом и огонь души запер в стены рассудка.

Глава 5

Внимание

Как материя и энергия сводятся в конце концов к единому источнику жизни, так и все виды талантов сводятся к единому источнику творческого внимания.

Особое замечательное свойство внимания, что оно подчинено воле, что им можно управлять, им можно пользоваться в делах добра, равно как и зла.

Внимание само по себе есть пассивное состояние? Нет, именно активное, и это

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
подчеркивают, когда говорят: он обратил внимание или он принял во внимание.

Вот почему внимание есть основная сила творчества..

Основы творческого поведения состоят именно в охране расхода этой силы. Так я замечаю, что в путешествиях внимать всему новому до конца могу не более трех месяцев, после чего делаюсь на всяком месте обывателем и, как все обыватели, ничего не вижу возле себя.

* * *

Набегающие мысли как набегающий прибор: придут и уйдут, и твоя забота удержать у себя прибор и не дать уйти ему в море.

Вошел в мокрый лес. Капля с высокой елки упала на папоротники, окружавшие плотно дерево. От капли папоротник дрогнул, и я на это обратил внимание. А после того и ствол старого дерева с такими морщинами, как будто по нему плуг пахал, и живые папоротники, такие чуткие, что от одной капли склоняются и шепчут что-то друг другу, и вокруг плотный ковер заячьей капусты – все расположилось в порядке, образующем картину.

И передо мной стал старый вопрос: что это создало передо мной картину в лесу, капля, упавшая на папоротник, обратила мое творческое внимание, или благодаря порядку в душе моей все расположилось в порядке, образующем картину? Я думаю, что в основе было счастье порядка в душе в это утро, а упавшая капля обратила мое внимание, и внутренний порядок вызвал картину, то есть расположение внешних предметов в соответствии с внутренним порядком.

Внимание – это основной питательный орган души. Каждый может заметить в себе, как внимание охватывает что-нибудь особенное, складывает его, и оно хранится, ничуть не обременяя память. Просто говоря, мы о нем ничего не думаем до встречи внимания с чем-то, вызывающим мысль из состояния, подобного «спящей почке» в растении.

Тогда мгновенно то и другое между собою соединяется, и эта находка сознания иногда бывает такой яркой, что человек хлопает себя по лбу и говорит себе сам вслух: «Так вот оно что!»

Внимание есть питательный орган души – всякой души одинаково, великой и маленькой. Разница только в том, что при находке великий человек возденет руки с благодарностью, а маленький человек щелкнет пальцами, присвистнет и побежит за добычей.

* * *

Молодой снег и тепло. Я шел по улице и находил себе шаг внимания, когда так шагаешь тихо и мирно, что дело свое не мешает вниманию при усилии передвижения.

Это и на лодке бывает, на самой легонькой, парусиновой, с одним двухлопастным веслом: найдешь необходимое движение, забудешься, и душа, как стрекоза голубая, летает низко над волной, над травами, цветами.

Тогда, если взять книжку и быстро записывать, то нужно только успевать записывать, и все потом это годится. Так находят и выписывают свою правду природы художники.

Грибы – это школа вниманья. Доходит до того, что кажется, будто от силы вниманья и рождаются грибы.

Вот почему и говорят, что твой гриб от тебя не уйдет.

Вокруг дома отдыха был большой лес без границ, и никто из нас и всех существ, живущих в лесу, не знал, где земля Госфонда, где колхозная и где самого дома отдыха.

Недавно вышло постановление наверху о том, чтобы дома отдыха оградили свою землю решетками. Наш дом отдыха имел большие средства и сделал себе решетку на славу. Вся она была из металлических труб, один высокий квадрат приваривался к другому электросваркой, внутри квадрата, наискось пересекая друг друга, впаяны были толстые проволоки, наверху радиусами возвышались над всею решеткою непролазные

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
острия-стрелки. И вся эта высокая роскошная решетка была окрашена в зеленый цвет.

Но как ни затаивалась зеленая решетка в зелени леса, она все-таки свое дело сделала, и лес окруженный, и лес за оградой разделился даже по имени: внутренний лес стал называться парком, лес за решеткой как был дикий лес, так и остался диким.

И так все разделилось в этом сплошном когда-то и цельном лесу.

Вчера смотрел на лес за решеткой Юсуповского дворца, и чары решетки понял из обрамления: нужно обрамить смотримое. Так что решетка и обрамление есть то же, что «сосредоточить на чем-то внимание». Чары «решетки» есть свойство внимания.

Творческое внимание состоит в том, что внимающий «всему» вводит это «все» в рамку, благодаря чему устраненное ограничением «все» вмещается в частное, и это частное через художника получает законное право отвечать за целое.

Так что внимание есть вмещение целого в часть, вселенной в сверкающую росинку утреннего ириса.

* * *

Вернуться к молчанию в том смысле, что говорить для себя, а молчать от внимания к другому. Просить молчания – значит просить внимания к человеку.

Разговор выявляет свое первенство, а внимание рождает друзей. Вот почему разговор серебро, а молчание золото.

Надо оставить дома заботы, исполниться внутренним желанием радости, не торопясь идти, размышляя, внимать. Тогда все отвечает твоему вниманию – какой-то голубой колокольчик кивает, какая-то моховая подушка под сосной приглашает присесть, белка, заигрывая, пустит сверху прямо в тебя еловую шишку.

Нужно смотреть в природу внимательно и мыслить по-человечески. И вот, когда в мыслях заблудишься, к тебе в поправку, в помощь, показываются чудесные существа и, улыбаясь, сверкая росой и красками, радуясь, возвращают тебя на верный путь.

Я этому верю, я это знаю наверное, что так бывает, и потому позволяю себе думать о всем, что только захочется, и даже обо всем недозволенном.

Я мыслю, как мне только захочется, уверенный в том, что природа поправит меня и покажет, как надо мыслить всему человеку.

Глава 6

Искусство как поведение

Трудность писателя не в том, чтобы набрать материалу, а сохранить при этом набирании свою личность.

Мне вспомнился при этом один старик, засыпанный при взрыве какого-то дома. Он очнулся под развалинами и, нащупав уцелевший термос с чаем, стал пить по глотку, экономя до последней возможности целебную жидкость. Через четыре дня его откопали, и он остался живым.

Так и писатель теперь засыпан материалами, как кирпичами, и не собирать ему надо под материалами, а сохранять под их тяжестью свою живую душу.

В том-то и дело, друзья мои, что при всех своих добрых намерениях нельзя просто деловым отношением выполнить свой жизненный долг. Надо какое-то время оставить и той силе, которую называют «жизнь», а самому отойти, поразмыслить. Надо в эти минуты, часы или дни даже прямо отказаться от самой желанной своей цели. Как это сделать – отказаться? Тут нужна целая школа жизни: не так нужно отказываться, чтоб из гордости оборвать связь с жизнью. Так надо отказаться самому, чтобы дело продолжало делаться само собою, пока ты отдыхал. Тогда ты, возвращаясь к делу, получаешь готовое и радостно доделываешь, и приходишь к желанной цели.

* * *

Всю жизнь своего сознания имел смутную потребность в постоянном источнике неизменного радостного, бодрого и умного питания духа. С этим я в свое время

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
занимался самообразованием и того же я ждал себе от писательства. И я нашел в поэзии действительно источник радости.

Но это источник непостоянный, то покажется, то спрячется, в зависимости от каких-то внешних причин. Поэт – зависимый человек и свободен лишь когда «божественный глагол до уха чуткого коснется». А то, чего я ищу – постоянного источника радости, – находится на пути подвига.

И тема моя «искусство как поведение» есть попытка сделать поэзию подвигом, превратить ее в «святое ремесло».

Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством, как механизмом. Но я хорошо изучил, при каких условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества. Я не управляю творчеством, как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили у меня прочные вещи: мое искусство слова стало мне как поведение.

* * *

Рано встал и росистым утром под звонкую песнь соловья собирал в себя сладость бытия. Вот как отчетливо теперь вижу происхождение тревоги своей и слабости: это бывает, когда забываешь собраться..

Способность собирать себя самого и есть вот именно обретение свободы и, конечно, силы. Для этого нечего жалеть времени, потому что собранный в себе человек меньше подвергается случайностям, отнимающим время.

Чем тише едешь, тем больше видишь движение жизни. Даже после велосипеда не сразу придешь в себя и начнешь понимать жизнь.

Машину освоить – это не баранку вертеть, а научиться, сходя с машины, быстро приходить в себя.

Голова наполнена смутными мыслями, глаз увидел предмет, и то, что было смутно в себе, вдруг отчетливо разобралось на предмете, и в сердце радость: «Так вот оно что!»

Тогда опишешь этот предмет, и окажется он в вашем описании для других как бы вновь открытым, выкопанным из-под пепла забвенья.

Но если вы просто будете подходить к предметам без себя самого, то будете описывать всем известное и скучное.

* * *

Спрашивать писателя о «тайнах творчества», мне кажется, все равно, что требовать от козла молока. Дело козла – полюбить козу, дело козы – давать молоко.

Так и о творчестве – надо спрашивать жизнь, нужно самому жить, а не спрашивать художника, влюбленного в жизнь, «каким способом мне тоже влюбиться?».

Надо выйти из себя и отдаться тому огню, в котором сгорает жизнь.

Наблюдать же можно со всех сторон одинаково, откуда ни подойди, потому что жизнь круглая и горит, как солнце, везде одинаково.

* * *

Что остается надолго, то рождается от цельной личности в муках и радости, совершенно так же, как в природе рождается жизнь. Добраться бы в себе до этого синтеза рождения личности, как ученые добираются до синтеза белка, – вот соблазнительный и опасный путь творчества!

Соблазнительно потому, что хочется власти над этим, хочется занять первое место в природе и управлять этим творчеством, как механизмом. И в то же время это очень опасно, потому что рассудок становится врагом твоей личности.

Мне кажется, величайшую радость жизни, какая только есть на свете, испытывает

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
женщина, встречая своего младенца после мук рождения. Я думаю – эта радость включает в себя ту радость, какую частично испытываем и все мы в своем счастье. Так вот и хочется мысль, найденную для своего обихода в искусстве о поведении, распространить на всех.

Но я могу быть цельным только на восходе солнца, когда все еще спит, а другой утром спит и цельным бывает глубокой ночью. И мне скажут, что Сальери был в поведении, но у него ничего не выходило в сравнении с Моцартом – человеком без поведения.

В том-то и дело, что поведение в моем смысле не есть школьное поведение, измеряемое отметками. Мое поведение измеряется прочностью создаваемых вещей, и с этой точки зрения Моцарт вел себя как следует, как творец цельной личности, и не подменял ее рассудочным действием.

Так вот я хотел бы сказать и о себе, что моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и отсюда все мое поведение: пишу – значит люблю.

Приходил некий молодой писатель. «Пишите, как живете, – сказал я ему. – Представьте себя самого: вы идете и что-то думаете. Вы думаете о себе самом, о своем деле и каким вам показаться среди людей. Вот так и пишите, о своей душе, о своем деле и как вам выйти на люди».

* * *

Вот что меня немного смущает в моей печали и моей радости. Если печаль придет, я чувствую не предмет печали, а будто около сердца у меня натягивают, подвигая колки туже и туже, особую струну печали. И вот она уже поет свою песню... А что приходит в голову под эту песню, то как снопы в молотилку: все обращается в горе – любовь моя, слава, Россия.

И наоборот, если натянуты струны радости, то, если погода и плохая, сделаю себе на бумаге хорошую, если в природе хорошо, я иду бродить, и на каждом шагу мне чудеса открываются.

Утром я встаю и чувствую: поет струна радости.

– Встал с правой ноги! – говорит Ирина [соседка] за дверь. Или чувствую струну печали.

– Встал с левой ноги! – понимает Ирина.

И так в продолжении дня это бытие определяет мое сознание.

Но я не хочу, нет, нет! Я ищу в себе такое сознание, определяющее мое бытие, я хочу сам распоряжаться струнами бытия, я хочу, чтобы искусство мое стало моим поведением, а не прихотью моего бытия.

Я пропустил первую порошу, но не раскаиваюсь, потому что перед светом явился мне во сне белый голубь, и когда я потом открыл глаза, я понял такую радость от белого снега и утренней звезды, какую не всегда узнаешь на охоте.

Вот как нежно, провеяв крылом, обнял лицо теплый воздух пролетающей птицы, и встает обрадованный человек при свете утренней звезды, и просит, как маленький ребенок: звезды, месяц, белый свет, станьте на место улетевшего белого голубя! И такое же в этот заутренний час было прикосновение понимания моей любви, как источника всякого света, всех звезд, луны, солнца и всех освещенных цветов, трав, детей, всего живого на земле.

А потом я увидел ясно черным по белому все немудрые проделки с людьми Кашея и задумался над самим собой: как же мне-то все-таки удалось сбросить с себя Кашееву цепь?

Мелькнул в памяти один поэт: он свои действительно драгоценные стихи понял не как дар жизни, а свою собственную жизнь заменил этими стихами. Так он забыл свой священный родник.

В конце концов его погубило «положение» поэта.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Но, с другой-то стороны, как же быть? Если творчество есть сила освобождения от цепей: то это же самое творчество может и сковать цепь: как сохранить силу творчества до решимости схватиться с самой смертью?

Раздумывая об этом, приходят к мысли, что сила творчества сохраняется теми же самыми запасами, какими сохраняется на земле вечное детство жизни во всех его видах. И тут опять простота: иной, сознательно облегчив бремя жизни сокращением детей, погибает, другой, размножаясь, безгранично счастлив в своем муравейнике.

Весь секрет в обеспечении себе такой простоты, такой нивы, которую сладко пахать, и другой этому не завидует: у него под ногой тоже нива, в руке такая же соха, такая же веревочка к лошади, все то же, да вот я иду бороздой и песни пою, а он идет и ругается.

Тайну творчества надо искать в любви. Все мы помним, что когда в юности кто из нас влюблялся, то, бывало, и все люди на свете хороши. Так в творчестве есть мысль – не мысль, а что-то единое сердца, ума и воли.

Писать можно, чувствуя себя образованным и отчеканенным человеком, как Анатолий Франс пишет; или же как русские пишут, будто поднимают какой-то вопрос, для обсуждения с другом.

* * *

Беллетристику, как таковую, нельзя перечитывать, а можно повторять лишь поэзию и мудрость. Но читается беллетристика и пишется легче всего.

Беллетристика – это поэзия легкого поведения. Настоящее искусство диктуется внутренним глубоким поведением, и это поведение состоит в устремленности человека к бессмертию.

Река питается скрытыми родниками: все ею пользуются, а за рекой родники. Так и у писателя пишется. А пишется тем, что у него за душой. И все мы потихоньку спрашиваем: а что у него за душой?

Очень часто: писатель блестящий, а за душой ничего. И еще я сравниваю поэзию с невестой, у которой бывало раньше приданое: что за невестой, что за поэзией, что у писателя за душой?

Все знают, что за душой у Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, и все мы знаем тоже поэта, – стоит его назвать сейчас, и все скажут в один голос: «Пишет очень легко и забавно, только у него нет ничего за душой».

Можно самому быть пьяницей и вообще с собой можно делать, что только заблагорассудится, но если рядом с этим рождается поэзия, мы прощаем поэту его поведение. Есть поведение, невозможное для поэзии, и есть поведение, как путь в поэзию.

Талант сам по себе, как сила природы, не ценится, и тот писатель, у которого только талант, обыкновенно живет короткое время для современников. Важно, через какие препятствия пробился талант.

Самое главное препятствие для выявления таланта – интеллект со своей логикой и нравственность со своей стыдливостью, целомудрием. Правда, ведь талант – сила природы, действует вопреки логике и вопреки морали, как живая текучая вода подземного родника.

Только, если ей удалось пробиться между камнями и через множество других препятствий, [она] становится рекой. И мы любуемся в реке ведь не так водой, как берегами.

Так и в художественных произведениях талант автора интересен нам главным образом тем, как он разворотил, в какие сочетания поставил горы человеческого интеллекта и общественных чувств.

Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших иногда полон музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Обтяпал двадцать кустов черной смородины, и когда устал, то почувствовал обман мечты, завлекающей делать сад. Будь у меня земля в то время, когда зарождалась эта мечта, и выйди я тогда на эту работу, я был бы отличным садовником. Но сада у меня не было, я стал работать над словом и вырастил сад из слов такой большой, что в нем тысячи гуляют и миллионы пройдут в нем.

Теперь вся эта работа тяпкой в сравнении с тем, как я работаю над словами возле той же мечты, представляется ничтожной. Дивный пример какого-то поведения.

Взял бы и сказал людям и дал бы им простое средство в руки, а вот пойдешь и скажи! Нужно целую вселенную в себе самом открыть, чтобы сказать эти простые слова. Чувствуешь про себя мысль, знаешь, а сказать не можешь.

И такая вся природа: все знает, а сказать должен человек.

Глава 7

Свобода и необходимость

Посмотрите на птиц небесных: вы думаете, легко им жить?

Летят – шишки под крыльями, повеселятся денек весной – и в гнездо, сиди, не шевелись, а потом вывели – таскай весь день червей. Выкормили – опять в дорогу, опять шишки под крыльями. И попить и поесть ей не радость, кругом враги: клюнет и оглянется, клюнет и оглянется.

А после всего этого посмотришь на птицу – и нет краше ее ничего на земле, и нет ничего свободнее: свобода, говорят, как птица.

Свобода – просто избитое слово, оно стало похоже на огромный хомут... не всякое животное может пролезть через этот хомут, и воз остается на месте.

В истинной свободе этот хомут по шее всякому животному и воз по силам, так что не слышишь – везешь воз или не везешь. И эта свобода есть лишь другое название любви... Нет, свобода это еще не любовь. Свобода – это путь любви. Или: свобода – это свет любви на кремнистом пути жизни.

Моя свободная с виду охотничья жизнь для многих молодых служит соблазном, и я часто получаю письма в таком роде:

«Научите меня так устроиться, чтобы тоже, как вы, постоянно ездить, охотиться, писать сказки, чтобы такая свободная жизнь признавалась за большое, хорошее дело».

Мой ответ на эти письма:

«Есть такой час в жизни почти каждого человека, когда ему предоставляется возможность выбрать себе по шее хомут. Если такой час в собственной жизни вы пропустили, то прощайтесь навсегда со свободой, если же он у вас впереди, ждите его с трепетом и непременно воспользуйтесь. Наденете хомут сами на себя – и будете свободны, пропустите свой дорогой час – и на вас наденут хомут, какой придется».

Свобода – это когда хомут хорошо приходится по шее, необходимость – когда он шею натирает. Успейте же выбрать себе хомут по шее и будете свободны так же, как я».

В состав свободы входит способность служить: я служу свободе, я не потребляю ее, и моя служба приходит к накоплению моей свободы в том смысле, что если я захочу чего-нибудь, то и могу достать. И так точно жил скупой рыцарь, только у него в сундуках было золото, а у меня в моих папках слова.

Если воздух давить – он твердеет, и нам известно вещество – твердый воздух. Так, если и человека заставить рассчитывать свое время и дорожить свободной минутой, он в эту минуту свободную будет давать совсем новое, чего в мире еще не было.

У воздуха – твердость, у человека – свобода. Воздух под давлением становится твердым, а человек, понявший необходимость ограничения, становится свободным.

* * *

Привезли вчера для удобрения клубники птичий навоз, такой вонючий, что он

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
испортил майский воздух, из-за которого я, может быть, здесь и живу. Но что
делать? Как ни люби майский воздух, все равно, чтобы наслаждаться клубникой,
приходится в мае нюхать птичий навоз.

Без навоза не вырастишь розу, но поэт все-таки будет славить розу, а не навоз,
то есть удобрение. Надо показывать самую розу и оставить немного навозу,
перегнившего, осоломленного, чтобы показать рядом с красотой добро, рядом со
свободой и необходимостью, из которой она выбралась.

Нет большей тайны жизни, как то, что из навоза вырастают цветы. И ты, художник,
помни всегда, что и у людей навоз необходим и тоже тем пахнет: ты зажди себе нос
и выращивай благоуханные цветы.

...Итак, исход этому моменту – трагический.

А есть в душе еще момент восстания на эту систему борьбы, осуждающую каждого из
нас отдавать свою жизнь в заем будущему.

Не хочу быть удобрением, хочу жить, радоваться, благодарить за жизнь и тем
самым, что я живу, радуюсь, благодарю, я без всяких усилий создаю для будущего
больше, чем стал бы приносить ее непосредственно в жертву будущему.

Вот я, как художник слова, это чувствую, – живу и даю жизнь другим, и мое тайное
убеждение такое, что если бы у человека превозмогало чувство благодарности за
жизнь и радость, как превозмогает оно у рожавшей женщины, и если бы... Но это
невозможно, и этим невозможным для всех – поэты живут...

* * *

Если жить красотой и строить мир красоты, то какая-то этика должна сама попутно
явиться. И наоборот, если человек любит и поступает по любви, то наверно это
будет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет живой.

...а было раз, что ранней весной билась, билась зеленая трава из-под листьев и
хвои – не выбилась, и закисло, запрела листва, покрылась мошком, и по моху
брусника взялась под елками, черника...

Восточные люди крах личного усилия объясняют судьбой: судьба! У социалистов
судьба – экономическая необходимость, у моралистов – долг, у художников – скука.
Больше всех личное начало развито у художников, и потому у них отчетливее
определилась эта надличная сила под именем скуки.

Мы знаем, например, в творчестве природы чудесные дни, но их мало: серых дней
больше. И знаменитая весна в действительности проходит больше в томительном
ожидании. Хорош золотой дождь семян при посеве ржи, хороши всходы, хороши земля,
и цветение, и наливание, и созревание, и жатва, но все это только моментами, а
захотите посмотреть в действительности: две недели колосится, две недели цветет,
две наливается, две созревает – какая скука! И в конце концов художник борет
скуку обыденности личной волей – в этом и есть чудо искусства и подвиг
художника.

Художник своей творческой властью преображает жизнь так, что в ней нет как будто
ни судьбы, ни экономической необходимости, ни долга, ни скуки. Каждый под
влиянием искусства поднимает голову повыше, разделяя с автором чувство
победителя скуки: в этом и состоит мораль искусства и его полезность.

Можно восхищаться выходной древесиной: какая чудесная и сколько ее вышло из
леса! Но можно восхищаться лесом и без мысли о полезности для наших печей.

Вот и поэзия подобна лесу: сложена в строфы, как древесина в кубометры. Но она
может быть и поэзией, которая живет в нас и образует нашу душу.

Что меня в свое время не бросило в искусство декадентов? Что-то близкое к М.
Горькому. А что не увело к Горькому? Что-то близкое во мне к декадентам,
отстаивающим искусство для искусства.

Само по себе искусство для искусства – нелепость, как нелепость – искусство на
пользу.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Искусство есть движение, современное жизни, с постоянным качанием руля то вправо – за людей, им на пользу, то влево – за себя. Само искусство без всякой мысли о непосредственной пользе.

В мое время (декадентское) писатели открыли секрет писания, что надо писать о себе. В наше время, наоборот, пишут не о себе. То и другое неверно: писание о себе приводит к пороку, писание о другом – к добродетели вне искусства, к пропаганде.

В искусстве же слова необходимо познать себя и это самое представить как узнанное в другом.

Наши пишут теперь о другом, не зная себя, а в мое время писали о себе, не видя другого. Я тем спасся от декадентства, что стал писать о природе.

* * *

Ярки и велики весенние звезды, только редко из-за дождя и туманов приходится видеть их весной. В эту ночь ярко доходила луна последний свой четвертак, все звезды выкатились, и мороз сделал последнее усилие в борьбе своей с весной воды.

Разве не силен мороз? Но и этой силе приходит конец, и поутру при восходе солнца, звеня тонкими льдинками в белых цветах, смеясь, разбегаются ручьи в разные стороны.

Как прекрасны эти белые цветы на тонком льду, под которым бурлит, и бубнит, и звенит, и цедит свою воду ручей. Я часто думаю о морозе, разглядывая эти белые цветы – эти как будто никому не нужные в природе белые знаки над бурлящей водой. Беспольные знаки, зачем они?

Но вот приходит человек, склонился и разбирает, рисует, догадывается и бесполезное и ненужное опять пускает в природу, как ее же величайшую силу искусства и красоты, перед которой само солнце кажется лишь круглой красной печкой земли...

По выходе из музея античной скульптуры. Всякая человеческая голова на улице была значительна и скульптурна, как будто вынес с собой луч художественного прожектора. Вот если бы это всегда нести внутри себя, и с этим ходить по улицам!.. Так что есть и красота бесполезности... Чем, кому полезен был юноша Антиной, утонувший в 130 году на двадцатом году своей жизни? И вот – его статуя... Но когда я вышел из музея и головы людей на улице предстали мне скульптурно, у меня поднялось сочувствие к человеку, – музей потому оказался полезным, что «чувство доброе он...».

Беспольная красота! Но только так всегда в природе: красота не в труде и не для труда; она бесполезна сама по себе, но почему-то всегда встречается около того места, где совершается общая необходимая, неумолимая работа. (Так Г. Успенский нашел свою поэзию в беспощадном труде крестьянина.)

Трутни. Наша классическая литература, как, наверное, и всякое искусство во всем мире, рождалась, но не творилась. Ночью, наполовину проснувшись, представил себе писателей, разделенных на творящих, то есть трутней, существующих для забавы или отдыха, и рождающих, тех, кому надлежит оплодотворить пчелиную матку.

Совершенно как на трутней, смотрело общество на артистов и держало их и кормило только для своего оплодотворения, называемого «пользой». Иногда, в борьбе своей за рождаемое, ревнуя о нем, общество бросалось, разъяренное, на своих творцов, как пчелы на трутня, и даже проглатывало, как паучиха проглатывает или убивает не успевшего скрыться оплодотворившего ее паучка.

А если заглянуть в историю поглубже, то с каких это времен у нас эта «польза» противопоставлялась «игре»? С каких это времен эту пользу артист на Руси чувствовал как смерть свою личную в деле избияния трутней! С каких времен этот единственный оплодотворяющий (вроде Пушкина, Гоголя, Толстого) собирает в себе могучую силу в борьбе за игру (Моцарт) против пользы (Сальери) и так, все-таки играя, делается единственным оплодотворителем самки.

Так, среди тысяч и тысяч погибающих в творчестве трутней один какой-то единственный, играя, рождает новое и потом признается полезным.

Остается и входит в состав культуры только рожаемое.

* * *

Игра со свободой. Вечером в постели, желая, по обыкновению, почитать ей на сон грядущий стихи, я взял Пушкина, и мне открылась «Гавриилиада». К моему удивлению, она нисколько не смутилась этой кощунственной поэмой: то, что когда-то пугало царя и митрополитов, не оставило на нее никакого впечатления. Прочитав в жизни множество всяких стихов, она привыкла понимать, что и у величайших поэтов вполне хороших стихов очень немного, и, читая книгу, на плохое не обращает внимания.

Это и понятно, иначе было бы невозможно сохранить целомудренное отношение к жизни.

А когда мы перешли к чтению других, чудесных стихов, то вдруг, как никогда, стало понятно, что стихи Пушкина были – свобода и смелость, каких не было ни у одного русского поэта, и что сама «Гавриилиада» явилась не из кощунства, а из этой игры со свободой.

Последний момент творчества совершается всегда без труда, и этот момент, собственно, и есть творчество, это: дух веет, где хочет. Трудом тут не возьмешь одним, но нельзя ни на что рассчитывать и без труда.

Если талант у тебя и ты делаешь все без труда – это значит, множество людей работало для твоего освобождения. Пользуйся свободой, не угашай духа, не зарывай талант в землю, но помни, что ты произошел от тех, кто в поте лица добывал свой хлеб на земле, и ты несешь в своем таланте их поручение.

Есть целый мир, как великое данное, получаемое мной без труда. Мой личный труд есть только средство добиться права на обладание этим наследством: одному это легче дается, другому труднее. Есть, наверное, счастливы вроде Моцарта, кому это право дается одним вдохновением, другой, как осел, идет в гору с тяжестью и до снежной вершины никогда не дойдет.

Альпинист и осел. Альпинист поднимается в гору, и с каждым шагом вперед под ним раскрывается новая картина, каждое усилие вперед тут же и вознаграждается. И рядом же по другой тропе поднимается осел, навьюченный палаткой со съестными припасами альпиниста. Альпинист учится у осла, как надо ступать, как экономить свои силы. И это именно осел освободил его, осел несет его бремя, а альпинист восхищается видами и создает поэтические образы гор. Конечно, благодаря ослу альпинист может сочинять стихи, но в то же время альпинист знает еще, что ослу стихов не сочинить, он же сам, если возьмется за ослиное дело, то, может быть, не так много, как теперь, а что-нибудь и сочинит. И это передается ослу, несущему бремя: так-то, конечно, так, благодаря ослиному труду поэт легко и приятно поднимается в гору, но все-таки есть задняя мысль у осла за ушами, что, сколько ни нагружай на него, осла, тяжестей, хоть до смерти перегрузи, стихов он никогда не напишет.

Это очень злая мысль у осла за ушами, и не может у него расширяться душа навстречу красоте, и никакие стихи, никакие пейзажи не обрадуют его так, чтобы он забыл свою заднюю мысль.

Осел презрительно называется ослом не за ум: у него довольно ума, вообще – осел умное животное. Нет, того человека презрительно называют ослом, кто несет свое жизненное бремя не свободно, а имеет за своими ослиными ушами какую-то злую, заднюю мысль с непрременной претензией за свой ослиный труд получить признание, как за творчество.

Без ослиного труда не обойтись и Моцарту, но Моцарт прячет свой ослиный труд, как ничтожный, в сравнении с тем благом, которое получено им даром. Возможно, что в этом «даром» скрывается труд миллионов, но не миллионы, а Моцарт остается в истории.

Итак, какой же смысл этой притчи? Я думаю, тот простой смысл, что ослиное бремя необходимо для человека, как смерть, но человек, свободно берущий на себя бремя, должен брать его бескорыстно и не рассчитывать, что он за ослиный подвиг рано или поздно получит способность жить без труда и сочинять стихи.

В творчестве при всяком повелительном Надо! необходимо рядом с этим спросить- А может быть, и Не надо? Вот силой борьбы этого Надо и Не надо в личности автора и оценивается созданная вещь: это валюта вещи.

Но иногда созданное дается кому-то очень легко, силой просто таланта. Тогда это значит: до него боролись другие за Надо и Не надо. Значит, талант – это способность лично выразить то самое, за что боролись многие бессознательно. И оттого личность является двигателем сознания и культуры.

Глава 8

Труд и творчество

Трудовой процесс, если он свободен, кончается творчеством.

* * *

Надо писать, когда кажущаяся трудность писания исчезнет и все, что надо написать, представится до крайности просто Сознательный путь к этому желанному спокойствию – простота искания, опыты, постоянный труд и, может быть, еще произвольные колебания надежды и отчаяния в том, что из всех этих забот что-нибудь выйдет.

И теперь, как сорок лет назад, каждый рассказ свой отправляя в редакцию, в глубине себя одеваю в рубашку смирения. Но они прекрасны, эти рубища! Они состоят из крови и нервов настоящего артиста... И когда я нахожу в себе эти сомнения – я артист.

Перед тем как хорошо написать, рушатся леса трудных придумок и открывается совершенно простой путь, и все дается на этом пути так легко, что кажется, будто вовсе напрасно перед этим трудился.

Когда рассказ плохой, говорят. «Надуманно, потом пахнет». А когда хотят похвалить, то: «Как будто само сделалось».

Вот тут и выводы в искусстве трудодни!

В творчестве всякий «каторжный труд», всякий «невыносимый долг» становится сладким и легким. В творческом труде человек только и отдыхает.

* * *

У молодого писателя все сводится к теме – будь тема ясна, написал бы скоро напором души. У старого же мастера тема нависла, как туча, а написать трудно, и знаешь, как надо, а вот слишком много нависло, и духа не хватает обнять это все и написать.

Вот почему почти всегда великие художники жизнь кончали моралью.

В поисках темы вот что бывает ужасно: кажется, вот нашел себе тему и пришел наконец желанный человек, больше не надо искать, а только сидеть бы и работать. И случилось, как-то между делом взгляд взглянул на яблоко, и захотелось его написать, и когда написалось яблоко в совершенстве, то оказалось оно лучше того лица человека, которое столько лет ждал.

Утешение жестокого искусства лишь в том, что если бы ты не тратил себя на поиски желанного лица, то и яблоко тебе в совершенстве написать не удалось бы. Так что труд поисков не напрасен, надо непременно искать, надо даже прямо тему ставить и план, только надо помириться с тем, что найдешь, может быть, совсем не то, что искал.

Когда после долгого опыта жизни поймешь наконец, сколько труда ложится на всякое настоящее художественное произведение, сколько труда, сколько жизни людей расстроено, то начинаешь понимать, почему так мало настоящих хороших художников.

Почему за это дело так мало берется людей и так мало у них выходит? Потому что поумнели и, как старая дева, поняли: трудно рожать детей и возиться с ними всю жизнь, гораздо лучше и легче оставаться старой девой.

Самое трудное в деле писателя не писание: писание – это самое легкое. А трудно переживать то время, когда не пишется. В то время, как люди занимаются игрой, –

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
писатель прячется. Книга, выпущенная автором, всегда есть обман уже по одному тому, что содержит лучшее его жизни и не раскрывает, какой ценой далось это лучшее. Автор отдает обществу свои сливки, а сам снятым молоком питается (как и всякий подвижник).

Человек, который замечает свои поступки и про себя их обсуждает, – это не всякий человек. А человек, который живет и все за собой записывает, – это редкость, это писатель. Так жить, чтобы оставаться нормальным и быть с виду как все и в то же время все за собой замечать и записывать, – до крайности трудно, гораздо труднее, чем высоко над землей ходить по канату.

Вот почему труд настоящего писателя рано или поздно, иногда и после смерти, находит высокое признание.

Талант есть у всех, только его надо знать, а когда говорят «бездарь» – это значит, человек изменил своему таланту, а претендует быть кем-то: это претендент на чей-то трон, и я его терпеть не могу.

Целомудрие. Даже и целоваться на людях стыдно. Показывать это можно уже, когда родится ребенок.

Так и в творчестве тоже правило: показывать можно только уже готовую вещь.

* * *

Никогда не останавливался перед чем-нибудь только из-за того, что другие за это брались и среди них были люди, может быть, и способней тебя. Это неверно! Твой кончик счастья виден только для тебя, и за него потянуть можно только тебе одному.

Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу, он верит, что твой гриб от тебя никуда не уйдет и никто твоего гриба не заметит. И хороший охотник не боится чужой стрельбы, напротив, «стреляют, – думает он, – значит, там-то и дичь». Так идет счастливец на гам и стрельбу, и оттуда на него прямо и зверь; недаром же говорят: на ловца и зверь бежит.

Из темы выходит План, и в процессе делания является Красота, после чего исчезает и тема и план. Тогда, если действительно вышло красиво, никто не упрекает художника в том, что вещь его вышла из плана и говорит совсем о другом, чем задано в теме, потому что красота выше всего, и наши нравственные усилия, наши темы и планы становятся мусором.

Но мы не имеем прямого доступа к красоте и должны непременно мучиться в поте лица для добывания темы, для постройки и осуществления плана; мы должны непременно мучиться, трудиться, в то же самое время убежденные в том, что дух веет, где хочет, что красота приходит сама.

Красота есть победное окончание борьбы – победа!

Поэзия не подчиняется планированию. Об этом сказано у Пушкина в сказке о золотой рыбке.

Всякая мысль, с которой тыходишь в лес, даже грибы собирать, есть твой план. Но чтобы лес понять, ты должен свой план забыть.

Если же ты будешь о плане думать и тем насиловать лес, то образы тебе не покажутся.

Образы не выносят прямого насилия и по существу своему автономны, как золотая рыбка автономна, хотя и состоит на службе у старухи.

Глава 9

Стиль и форма

Позвали меня однажды в один литературный кружок, и я, казалось, при общем внимании и понимании – часа два трудился рассказывать о своих собственных путях, показывая, с чего настоящие писатели берут свое начало.

Я был так уверен, что молодые люди меня хорошо поняли, и осмелился сказать такие слова:

– А вот так-то писать романы, чтобы только «мастерить», этому каждого я могу научить в два месяца.

Послышались голоса:

– И напечатают?

Я ответил:

– Мало ли печатают вещей...

В ответ послышалось:

– Научите, научите!

Молодых людей тургеневского времени соблазнял очередной идол: так называемый стиль. Сам Тургенев, великий стилист, смеялся над этим идолопоклонством в искусстве. Вот в наше время надо тоже зорко следить, чтобы голое умение не заняло места этого поверженного идола. Надо уберечь детей наших от соблазна «мастерить» произведения искусства и печь их, как печет повар блины, – сотнями на одной сковородке.

Кажется, вот тебе все тут: рассказ, как вкусный блин, сошел со сковороды, вот она, горячая сковорода, пеки блин другой. Но тут, в деле искусства слова, оказывается, что на каждый новый блин требуется новая сковорода.

Может быть, тут и таится загадка таланта, стиля, вдохновения, всех родов мастерства: почему каждое новое произведение искусства требует для себя новой формы, почему настоящий актер трепещет, выходя на сцену в старой роли, почему художник не может в точности скопировать свою картину, почему Рафаэль и Рембрандт существуют в одном экземпляре, почему Лев Толстой не может в точности переписать свою рукопись...

* * *

В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным путем.

1944 год. Май. Задача: написать четыре детских рассказа и сделать на эти деньги на даче забор... За вчерашний день я ошкурил семь столбов и две слегы. Хочу сэкономить и построить забор сам...

– Как тебе не стыдно, – сказала мне жена, – можно ли связывать писание свое с забором!

– Отчего же нельзя, – ответил я. – У Ньютона яблоко упало, и это связалось со всемирным тяготением. А у меня забор – и полная-полная неизвестность, что из этого всего выйдет.

...Плотники вкопали столбы и стали на них с наружной стороны к дороге выпиливать вкладочки для слег.

– Вы их снаружи выпиливаете? – спросил я.

– А как же? – с иронической улыбкой ответили мне плотники.

– Можно и внутри, – сказал я. – Снаружи столбы, а слегы внутрь.

– Столбы наружу! – засмеялись плотники. – Это новая форма?

– А почему бы не подумать и о новой форме? – сказал я. – Вот в моем деле так и требуется, тем только и кормимся, что на каждый раз придумываем новую форму.

– Каждый раз новую? – ахнули плотники. – Ну, это тяжело. Нет, мы делаем всегда по одной форме; как люди установили раз и навсегда, так и делаем: слегы наружу, столбы внутрь.

Поиск собаки – это все равно что стиль у писателя. Несомненно, что, как человек

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
сам с собой, так и писатель рождается со своим слогом.

Но необходимо, однако, изломать этот природный стиль совершенно, чтобы потом он возродился, преображенный культурой, и сделался собственным стилем, а не просто слогом, потому что стиль предполагает усвоенную, ставшую своей культуру.

* * *

Луч творчества. В певучем утреннем разговоре кур есть мотив безумно страстных танцев в таверне оперы «Кармен». Я не могу думать, чтобы куры заимствовали мотив из оперы, точно так же не думаю, чтобы Визе прислушивался к курице, я хочу только сказать, что человеческое творчество универсально: это луч, прорезывающий весь мир насквозь.

Друг мой, из мирообъемлющей страсти рождается стиль художника, и только это имея и зная в себе, учись сдерживать ее и выговаривать осторожно, и так рождается твой стиль художника из личной твоей всепожирающей потребности, а не из простой выучки мастерству.

Творчество – это страсть, умирающая в форме.

Даже простая расстановка вещей, наведенный порядок дает некоторое спокойствие, а создаваемая форма – это счастье. Значит, можно сказать, что творчество – это удовлетворение страсти формой.

Лев Толстой мечтал писать так же просто и ясно, чтобы строчки его на бумаге были похожи на борозды пахаря. Ему этого так хотелось, что при разочаровании от своих попыток писать он брал соху и пахал.

* * *

Стилист. Когда в конце весны все великолепные птицы отпоют всему миру от сотворения его известные и милые песни, то начинает петь всеми этими голосами самая маленькая серая птичка подкрапивник: поет и скворцом, и соловьем, и зябликом, и овсянкой, и щеглом. Люди идут за грибами, за ягодами или сено косить, а он где-нибудь под крапивой вот заливаётся, вот старается, но никто не слушает его пения после тех весенних великолепных птиц.

Может быть, подкрапивник хочет соединить все весенние песни в одну, как делает это человек? Дурачок не понимает, что человеческая песня сплавилась из всех песен мира под действием той же огненной силы, которая плавила миры солнц и планет. Маленький стилист под крапивой схватывает от настоящих певцов только форму песни, не имея понятия и предчувствия о внутреннем непостижимом велении природы, исполнителями которой на все времена и сроки стали великолепные певцы.

Так и с нашими поэтами бывает: один пропоет на весь мир один раз, а тысячи перепевают то же самое на свой лад у себя под крапивой.

Художественное произведение синтетично в отношении автора и безгранично в отношении читателя: сколько читателей, столько в нем оказывается и «планов».

Расположение этих планов делается автором в строжайшем порядке под воздействием неизвестной нам силы, которую в просторечии называют талантом, порожденным природой (художник в природе своей – художник «Божьей милостью»).

Вся тайна этой неведомой силы, по-видимому, состоит в размещении планов. Использовать художественное произведение можно всесторонне, но малейшее прикосновение к размещению расстраивает произведение и лишает его влияния.

Формализм и есть вмешательство разума в расположение планов.

Когда я прочитал свой сценарий К., он признал его отличным художественным произведением, но малограмотным в отношении кинематографа.

– Как же быть? – спросил я.

– Нужно, – ответил он, – взять три полосы, вынести на них все сцены, а потом по-новому кинематографически разместить.

Я испугался и не дал ему размещать.

Думаю об этом смещении планов и представляю себе, как сеятель, подготавливая почву удобрением и взрыхлением, бросает в нее семена. После того он уходит, предоставляя каждому зерну бороться за жизнь свою самостоятельно.

Так действует сила божественная. А сила демоническая нарушает эту гармонию, вливается и смещает планы творчества.

И у демона тоже что-то получается – механизация.

Вспоминаю о смысле нашей встречи с К: формализм – это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мефистофельская потеха. В тот момент, когда К. предложил мне все сцены пьесы моей с помощью ножниц и клея разделить на три полоски и все перестроить по-новому, я понял те сцены из «Фауста», когда он смеялся над всемогущим бессилием Мефистофеля. И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество Божественной силы.

Мало того, я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, Фауст все-таки был прощен.

* * *

Esprit de l'escalier[1]. Нет, у писателя ум не лестничный, напротив: писатель именно и схватывает скорее всех мгновение жизни, но только действие его очень сложное-, мгновение схваченное питает очень длинное действие для заключения себя в форму.

Но в нравственном смысле это одно и то же, что поймать текущее мгновение с заключением в форму, что выхватить из воды утопающего ребенка.

Мысль изреченная только тогда не ложь, если она изрекается в лично сотворенной форме.

Облекаясь в слово, какой-нибудь еще безымянный факт тем самым делается достоянием человеческого общества. И от устного имени переход к имени написанному есть тоже событие, как бы второй этаж сознания.

Поэтому-то вот и видишь часто книги совершенно бездарные и тем не менее значительные. Даже самая элементарная переписка сделанного имеет значение.

Наибольшая тайна в творчестве – это самовоскрешение в завершенности формы.

Когда напечатается, то к написанному что-то прибавляется. Написанное как бы колеблется в битве неравной и страшной, машинопись проясняет, печать утверждает.

* * *

Совершенная форма и есть для художника то самое, что все другие граждане всевозможных профессий сознают как свой гражданский долг.

Попытки иных художников в осуществлении формы без гражданского долга справедливо осуждены, как формализм.

Формализм – это зло признанное, но форма – это добро. Между тем у нас часто сознательно и бессознательно писатели, прикрываясь борьбой с формализмом, сметаю форму. Поэтому, защищая форму, я требую от писателя прежде всего языка.

Один художник, прежде чем серьезно заняться материалом, готовит для него форму, и эта глубоко продуманная форма вбирает в себя материал: это художник формалист.

Другой художник погружается умом и сердцем в материал, который после личного усвоения как бы сам собой вызывает для себя нужную форму.

Формализм – это не только в искусстве, это везде, где средства выставляются за цель. Это даже и там, где литературный старатель описывает шагающий экскаватор вместо человека, для которого он шагает.

Романтизм N. – есть замена собственной жизни представлением.

Настоящий же романтизм, органический, свойственный росту сознания, есть сила,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
образующая в человеке личность, открывающая в человеческой единице то, чего не было раньше в других.

1921 год. Символ – значит объединение, символизировать – значит сводить к одному, но не одним умом по общим признакам, а посредством особой интуиции, дающей начало художественному творчеству. Ум в этом деле играет роль простого работника, носящего кирпичи для здания.

Так называемая чисто «интеллектуальная» работа, без посвящения вначале сердца, есть воровское творчество.

Всякое истинное творчество было и будет всегда символично, и потребность в новейшее время выделить такое понятие явилась ввиду господства чисто интеллектуального (механического) творчества, например, школы натуралистической и всеобщей фальсификации искусства и культуры.

У писателя символ должен быть в сердце и чувствоваться, как «самое главное», о чем нужно писать. Если это самое главное сознается головой и потом к нему подгоняются материалы, то получается «символизм» – литературная школа или теория писательства, которой не воспользуется ни один настоящий писатель.

Символ живет у писателя в сердце, а у читателя в голове: это читатель рассуждает и создает школу.

Мы все понимаем и чувствуем это на каждом шагу, что всякая форма рождается, и даже непременно рождается она в труде, в туге и прямо в мученьях.

Мы тоже знаем, что форму можно заимствовать и облекать в нее любое содержание.

Мы еще знаем, что подобный «формализм» является вреднейшим суррогатом творчества, известным под названием «халтуры», что халтурщики – это не только воры, а еще и воры с претензией на творцов.

И все-таки, зная это, мы стремимся все больше и больше «открывать» методы творчества и давать их в руки вора.

Глава 10

Реализм

Реализм – это значит вещественность, и если это относится к слову, то значит, у реалиста слово не пустое, а наполнено веществом правды. Писатель-реалист – это значит, правдивый писатель.

Правда правдой, но нельзя написать сказку тоже и без вымысла, потому что пусть слово и наполнено веществом правды, а все-таки само-то слово, как сосуд, как форма правды, есть достояние человеческого ума или вымысел. Почему же, однако, и самому вымыслу нельзя быть правдивым?

Так, значит, и будем на этом стоять, что реализм в искусстве слова предполагает сочетание правды, как общего основания человеческих отношений, и вымысла, как личного понимания жизни самим художником слова.

Правдивый вымысел – это верное понимание общего дела.

Правда без выдумки – как самолет без горючего. Правда лежит. Когда же нальют горючего, то правда летит, пересекая меридианы и полюсы нашей планеты. Никакой правды не бывает без выдумки! Напротив! Выдумка спасает правду, для правды только и существует выдумка.

Каждый факт являет собой как бы сморщенную оболочку аэростата, в которую художник вдувает свою силу, и факт, оставаясь фактом, летит.

Нет, мало того, чтобы твоя поэзия привлекала к тебе сочувствие и нашла тебе друзей. Нужно самую поэзию освободить от службы тебе и создать вещь независимую, чтобы все вышло, как воздушный шар: ты его наполнил, и он от тебя улетел.

Правда написанного гораздо фактичнее, чем правда сама по себе – правда не одетая.

Всякое великое произведение искусства содержит, кроме всего, исповедь художника

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
в том, как он, достигая правды своей картины, преодолел в себе давление
жизненной лжи.

* * *

1914–1921 годы. Классики тем и отличаются от романтиков, что больше мерят,
занимаются формой. А романтики зажигают огни.

Маленькие, забытые жизнью взрослые и среди них дети как большие – вот дети
Достоевского.

Так вот и поэту теперь нужно, как ребенку среди забытых и униженных взрослых,
взять на себя их дело свободы.

Бывает, отважные дети берут на себя дело старших. Так поэт отваживается и как
горный лазун – страшно смотреть! – идет вперед.

Метод писания, выработанный мною, можно выразить так: я ищу в жизни видимой
отражения или соответствия непонятной и невидимой жизни моей собственной души.
Встречаясь с достойным писания сюжетом, вдруг получаешь как бы веру, а не
находя, страдаешь неверием. Искусство и есть способность изображать предмет
своей веры и любви.

Народная литература коренится не в потребностях эстетического наслаждения, а в
потребностях веры. Какого-нибудь иностранного критика интересует в моем
произведении только стиль мой, но меня делает автором не стиль, а уверенность,
что изображенное мною существует в жизни. И в этом открытии жизненного я нахожу
и ценность и себя как автора нового произведения.

* * *

Писатель тот, кто умеет следить за собственной личной своей жизнью – это первое,
этого довольно, чтобы сделаться писателем; но, чтобы сделаться
писателем-художником, нужно еще это свое увидеть отраженным в мире природы и
человечества.

Почему я все пишу о животных, о цветах, о лесах, о природе? Многие говорят, что
я ограничиваю свой талант, выключая свое внимание к самому человеку.

А пишу я о природе потому, что хочу о хорошем писать, о душах живых, а не
мертвых. Но, видимо, талант мой невелик, потому что если о живых людях напишу
хорошо, то говорят: «Неправдоподобно!» Не верят, что есть такое добро среди
людей.

Если же станешь писать о мертвых человеческих душах, как Гоголь, то хотя и
признают реалистом, но это признание не дает отрады.

И вот мое открытие: когда свое же человеческое, столь мне знакомое, столь мне
привычное добро найдешь у животных, верят все, все хвалят и благодарят,
радуются.

И так я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны
души человеческой.

У нас понимают под реалистом обыкновенно художника, способного видеть одинаково
и темные и светлые стороны жизни, но, по правде говоря, что это за реализм!

Настоящий реалист, по-моему, это кто сам видит одинаково и темное и светлое, но
дело свое ведет в светлую сторону и только пройденный в эту светлую сторону путь
считает реальностью.

Реализм, которым занимаюсь я, есть видение души человека в образах природы.

Сколько умных, образованных людей направлено к тому, чтобы разобрать простейшее
творчество Михаила Пришвина, раскрыть его секрет и дать его тем, кто хочет
хорошо писать. Самому мне смешно и иногда страх берет: а вдруг раскроют,
что там нет ничего, и меня засмеют?

Но еще страшнее думать, что я сам поверю в то, что мне приписывают, перестану в
лесах сидеть на мокрых пнях и сочинять и куплю себе настоящий писательский

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
письменный стол.

* * *

Конечно, можно и ландыш описывать, но только надо знать, что до конца его все равно не опишешь.

Конечно, можно почувствовать запах ландыша даже с картины, даже из-под пера, но как сам он пахнет – это не сделаешь, до самого ландыша не доберется ни кисть, ни перо. Единственное, что можно сделать художнику – это добраться до другого человека и своим образом ландыша вызвать его собственное чувство ландыша и его понимание.

Так, все образы природы не есть сама природа, а только средства обмена людей между собой. И значит, если я о природе пишу, то пишу я о самом человеке в его сокровеннейших переживаниях.

Богатым людям природа представляется дачей, а бедным – как семя, из которого выходит наш хлеб. Мы же, художники, на фоне природы постигаем движение души человека, подобно тому, как сидящий в поезде по лесам, пробегающим в окошке, постигает собственное движение в поезде.

Пейзажем называется совокупность животных, растений, камней и всяких других составных частей природы, отнесенных к личности человека.

Интимный пейзаж боится свидетеля, и потому так трудно дать гармонию человеческого образа с природой..

Мои записи о природе часто наводят меня на мысль, что поезд нашей человеческой жизни движется много быстрее, чем природа, и вот почему получилось у меня, что, записывая мои наблюдения в природе, я записываю о жизни самого человека.

Так часто бывает, что сам едешь в поезде, и из окна кажется, будто мчится природа. Когда же разберешься хорошенько, то оказывается – природа стоит, а мчимся мы сами в своем поезде.

И нет ли того у всех художников природы, что их проникновенный взгляд в природу, их интимный пейзаж есть не что иное, как попытка проникнуть глубоко в душу человека, в ее неудержимое движение. Во всяком интимном пейзаже движется сам человек.

Вот почему я и сознаю себя реалистом, а не символистом: реалист пишет, как верует или догадывается, значит, свое частное (малое) определяет и растворяет в великом. А символист всю великую действительность видит сквозь очки своих домыслов.

Конечно, и во мне всякий есть человек, но я выбираю из всего себя лучшее, делаю из него человека возможного и называю это – реализм, а не то реализм, как некоторые думают, чтобы вывертывать все из себя без разбору и находить в окружающем мире людей ему подтверждение.

Истинного реалиста можно так узнать, перечитывая его какую-нибудь вещь: если он не реалист, а придумщик, то непременно откроется читателю сюжетная канва, по которой он расписывал. Если же он действительно реалист, то, сколько ни читай, никогда не найдешь канвы: или искусно вывернута, или художник сам поверил в правду своего изображения, забывая от себя совершенно.

Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии, лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (В. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего страстно любимого народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними потому, что натуралисты-народники были мне еще дальше.

Мне всегда казалось, что для художественного творчества нужно, во-первых.. вдруг нечаянно выглянув из себя, увидеть нечто вне себя и, поверив этому внешнему миру, отдать ему, а потом, во-вторых, путем художественной работы передать другим, рассказать как сон.. Искание с верой в существование действительной жизни (реализм).

Вовсе не надо для реалиста, чтобы в действительности было точно так, как он говорит. Нужно, чтобы он верил в действительность того, о чем он говорит, и обладал способностью уверить в этом читателя. У Гоголя – нет действительности, но он всех в ней уверил. И вот – он реалист.

Если хочешь смеяться до слез, до коллик, до упаду, то над чем же больше смеяться, как не над самим собой, потому что исподняя, смешная сторона всех поступков тут налицо...

Но мы не смеемся над самим собой – это невозможно. Есть один выход из этого: свое смешное увидеть в другом, показывать на это, глядеть и хохотать. Первым мастером такого смеха был у нас Гоголь.

* * *

Романтизм, реализм, социалистический реализм, натурализм – всякое подобное обобщение сделано на каменном фундаменте поведения: романтизм требует движения к лучшему, реализм требует правды, символизм – красоты.

Эстетизм есть жертва правдой ради красоты, но служение красоте входит в обязанность всякого художника, и Шекспира не сварить в колбе.

Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и с томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем.

Реализм в искусстве – это есть, иначе говоря, путь к правде: искусство на пути к правде.

Реализм – это, вернее всего, русская школа, тождественная с общим устремлением истории нашей морали в ее движении к правде.

Может быть, и ложь-то бывает особенно велика из-за общего направления к правде. Может быть, и реализм Гоголя является обманом самой правды. Недаром же о Гоголе некоторые говорят, будто всех людей своих он выдумал и заставил всех нас в них поверить.

Но есть какая-то истина в этом движении русского искусства к осуществлению правды, что-то вроде решения богов: «Сотворим человека!» И человек был сотворен.

Два раскрытия полюса жизни: Аксаков и Гоголь. Удивительно, что оба тяготели друг к другу. Один писал гениально о том, что было, другой гениально о том, чего не было.

А кончилось в настоящее время торжеством того, чего не было, и- гибелью того, что было (Гоголь присутствует в революции, а Аксаков, как Гомер, остается где-то в золотом веке русского прошлого).

Есть материализм потребительский: человек потребляет материю для своего счастья. И есть материализм, когда дух человеческий, как бы страшась своей свободы, хватается за материю, как утопающий хватается за соломинку.

Тогда, в этом стремлении удержаться, все предметы, схватываемые духом, становятся такими, как будто ты сам только что родился и увидел их первым взглядом.

Вот таким первым глазом Гоголь смотрел на вещи и так создавал свой реализм, похожий на луч рентгена, проникающий сквозь твердые вещи.

Мало того чтобы хотеть и действовать, нужно еще ясно видеть то, чего хочешь. Если же видишь неясно, то будет погоня за призраком (Дон-Кихот).

Материальные ценности легче видеть, чем духовные, но на них надо учиться видеть точно.

Вещь существует и оправдана в своем существовании, а если выходит так, что вещь становится моим «представлением», то это мой грех, и она в этом не виновата. Поэтому вещь надо описать точно (этнографически) и тут же описать себя в момент

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
интимнейшего соприкосновения с вещью (свое представление).

Попробуйте это сделать, и у вас непременно получится небезвкусное произведение для читателей и чрезвычайно неудовлетворяющее себя самого, а это-то и нужно, чтобы открыть путь.

Так смотрят на мир наши неграмотные крестьяне, и так все мы, образованные и деятельные люди, пожалуй, будем смотреть, когда освободимся от философской заумности. Нужно нам учиться у мужика глазу его, как он смотрит на мир. Вот почему я толкусь всю жизнь среди наших крестьян.

Гению, конечно, не стоит считаться ни с каким этнографическим методом, а просто писать то, что увидит, но ведь это мы своей сложной работой готовим путь к его простоте.

Если я мыслью заполнен, то какой же еще мне нужен мир? Я иду в мире, в нем замечая лишь только чтобы возможно было идти. Но если я мысль потерял, то обращаю острое внимание к миру, чтобы найти потерянную мысль, и мир тогда мне представляется каким-то огромным вместилищем потерянных мыслей, среди которых находится где-то и та, которую я потерял.

В жаркий парной день войдешь в хвойный лес, как под крышу великого дома, и бродишь, бродишь глазами вниз. Со стороны посмотрит кто-нибудь и подумает: он что-то ищет. Что? Если грибы, то весенние грибы – сморчки – уже прошли. Ландыши? Еще не готовы.

Не потерял ли ты что-нибудь?

Да, – отвечаю, – я мысль свою в себе потерял и теперь вот чувствую – сейчас найду, вот тут, в заячьей капусте найду...

* * *

Начинаю недослышать, и когда это случается, то мне кажется, будто говорящий плохо выговаривает слова, и мне за это он бывает так неприятен, что взял бы и передразнил его звуками, как они до меня доходят. Так и в литературе глухие на слово художника критики и читатели свою глухоту сваливают на автора.

Вот почему наше слово должно быть ясным, громким и доступным пониманию, по возможности, каждого.

У Л. Толстого Наташа Ростова обнажена, лишена всякого покрова – и как это хорошо!.. Яснеет задача современного искусства обнажить человека совершенно, лишить его всех покровов религиозно-этических и романтических.

Помнить, что этой же правдой (вот она!) вышел в люди Шекспир. И мне кажется, что милость к человеку надо искать в природе в смысле: «Не хочешь быть человеком среди человеков, так поглядишь в то страшное зеркало: там ты увидишь, какое богатство, какое могущество находится в твоём распоряжении».

Вся природа содержится в душе человека. Но в природе не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше и дальше ее.

Только оглянувшись назад в свое прошлое, человек в зеркале своем видит свою собственную природу.

Глава 11

Наука и искусство

...Можно заметить и признаки грядущей эпохи реализма, то есть синтеза наших творческих способностей: чувства, разума и воли в деле преобразования мира. Изредка появляются как поэтические, так и научные произведения, которые вдруг сбивают людей с проторенного пути.

Все такие творения имеют одну общую черту схождения поэтической мысли с научной посредством чего-то, лежащего в нас глубже того и другого.

Такого рода творения похожи на реку, берега которой сложены волей разума, а самое движение воды первопричин предоставлено сердцу.

* * *

Художественное творчество примыкает по своей природе к творчеству синтетическому – соединяющему в противовес аналитическому, разлагающему творчеству науки.

Это вера наша или сила жизни выносит из глубочайшего подземного колодца бадью с диковинами; искусство удивляется – наука сомневается. Искусство радуется или негодует – наука холодно разлагает диковину на составные части для того, чтобы сфабриковать потом подобную диковину

Наука дает закон и управление жизнью Искусство дает радость жизни, оценку, качество.

В поэзии (искусстве слова) происходит борьба неведомой стихии, похожей на воду, с рассуждением, похожим на берег, и победа бывает только если вода размочит берег.

Мысль человека подобна воде, размывающей первозданную породу скалы не будь воды – скала была бы бесплодной, не будь скалы – вода бы осталась без дела, и только взаимодействие воды и скал намывает плодородную почву.

Вода живая – это вода поднимается на небо и, собираясь пузырь к пузырьку, образует облака. Вода мертвая – вода падающая – рабочая вода. И то же в стихии человеческой: наука – мертвая вода – все разбирает на составные части, искусство составляет и оживляет.

* * *

«Исследование», научный метод, как электровоз, ведет наши вагоны и самих нас. И вот мы приехали в новый край, огляделись вокруг и начинаем судить: не метод, не электровоз, а мы сами, такие же мы, какими были и дома. Итак, научный метод перемещает нас, открывает новую область, но в этой области судим и все оцениваем мы сами.

Если бы иначе было, то как бы понимали неграмотных людей университетски образованные? А в «чем-то», несмотря на разницу образования, люди все-таки понимают друг друга. И это «что-то» существует вне науки, образования, воспитания.

Сколько ни смотри на дерево, никогда не угадаешь, какому листику сейчас очередь падать... Ученый все знает, может сказать, но ему нужно время. Пока он сосчитает листья и узнает, какому падать, весь лист опадет.

Писатель всегда охотник за материалами, он проглатывает их, как окунь пескаря, широким ртом. Но философ проглатывает художественное произведение так же, как щука окуня.

Нашли орех, расколотый надвое, как будто его по линейке пилой срезали, и ученые люди думали, какой зверь мог так ровно разделить орех. Белка не могла, от белки скорлупа рваная, соня орешковая, такая маленькая, тем более не могла захватить орех целиком в рот и распилить. Нечего говорить о мышах полевках и землеройках величиной почти в наперсток. Известный зверь ни один не мог распилить орех на две половинки, а может быть, есть какой-нибудь неизвестный? Нет, все звери в лесу нам известны. Тогда пришел простой человек и сказал: «Леший грыз». А когда все засмеялись над его словами, он всех ученых окинул насмешливым взглядом и сказал: «А если неизвестных зверей в лесу нет и в лешего не верите, то ведь нетрудно и догадаться, отчего раскололся орех». – «Отчего?» – «Нажало спелое зерно изнутри. Очень просто: орех сам раскололся».

* * *

Разговор с профессором о невозможности чем-нибудь одним связать лесных зверей, птиц. Связь всего есть человек, он и свяжет.

Я: Вам никогда не перечислить всех факторов, влияющих на жизнь тех или других существ.

Профессор: А вам никогда их не связать.

Наука для поэта тем ценна, что указывает верный путь, чуть только сбился с

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
чудесной дорожки, наука предупреждает: уходи, здесь чудес не бывает.

Когда не находят причины чему-нибудь и не хотят видеть чудо, ссылаются на случай. Я же все такие случаи принимаю как чудеса.

Смотрел – дивился формам сосен и елей, засыпанных снегом. Сколько я посвятил времени когда-то их фотографированию из-за того, чтобы установить «факт», что вот как бывает. Я будто фотографировал чудеса. Чудо же состояло в самородном явлении формы.

Наука и искусство (поэзия) вытекают из одного родника и только потом уже расходятся по разным берегам или поступают на разную службу: наука кормит людей, поэзия сватает.

Я чувствую себя упавшим семечком с дерева в этот поток, где наука и поэзия еще не расходятся на два рукава. Наука делается кухаркой, поэзия свахою всего человечества.

* * *

В науке считается хорошим тоном показать трудоемкость данной работы. В искусстве, напротив, художники стараются показать, что все сделано одним духом (вдохновением).

Особенность моей работы состоит в том, что я беру материалы не из книг, а из природы, притом сам непосредственно. Вторая особенность, что я материалы эти стремлюсь получить методически, как в науке.

Если о человеке писать, то от соловья берет писатель какой-нибудь признак, лишь бы узнать, что соловей громко поет, серенький, – и будет. Но если о самом соловье писать, то надо через себя самого понять, мгновенно схватить в соловье его соловьиную сущность (личность) и, чтобы быть современным писателем, надо узнать о соловье все, что о нем знают ученые.

Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с незабудкой, а скажи – сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели же вы меня пошлете «изучать» незабудку?

...И когда я понял себя, что я могу быть сам с собой, тогда тоже все вокруг меня стало как целое и без науки.

Раньше, при науке, было мне, что все в отдельности и бесконечном пути, и оттого утомительно, потому что вперед знаешь, что до конца никогда никто не дойдет.

Теперь каждое явление, будь то появление воробья или блеск росы на траве... все это черты целого, и во всякой черте видно все, и оно кругло и понятно, а не лестницей.

Разве я против знания? Нет! Я только говорю, что каждому надо иметь срок возраста жизни и право на знание.

Я не считаю это в себе за невежество, если я о чем-нибудь не знаю и молчу: невежда – это кто говорит о том, чего не знает. И я даже лично для себя усвоил правило, имеющее значение личной гигиены: не очень беспокоиться о своем незнании, тем более ни в каком случае за это не упрекать себя. Необходимость в том или другом знании подсказывается ходом жизни моей, и когда жизнь поспеет для данного знания, оно усваивается с большой радостью.

Быть может, надо иных людей охранять, беречь от поверхностного удовлетворения любознательности.

Знание как залежь торфа или угля, и не тот образованный, кто использует ту или другую залежь, а кто чувствует себя способным скопить в себе такое нечто, чтобы оно в соприкосновении со знанием давало огонь (сознания).

...Встанет из пирамиды образованный египтянин и, рассмотрев наше искусство, все его узнает в египетском рисунке какого-нибудь спущенного хвоста птицы, охраняющей жизнь бывшего фараона. Но тот же египтянин будет поражен, как ребенок, стеклышком цейса, позволяющим видеть мельчайший мир и отдаленнейшую

звезду.

Для художника жизнь на земле – это единство, и каждое событие в ней есть явление целого, но ведь надо носить в себе это целое, чтобы узнавать его проявление в частном. Это целое есть свойство личности.

Что же такое деталь? Это есть явление целого в частном.

Что есть художество? Вот какая-нибудь пичужка сидит на ветке, шишку долбит, и носик у нее кривой, и, с одной стороны, линия этого носика есть часть траектории чего-то огромного, вроде Марса, а с другой, это великое предстоит сердцу умильно, понятно, ответно: восхищение от пустяка, и пустяк – это все!

Мальчик с крыши бросает голубя, и он взвизгивает над Москвой. Какое небо! Но разве думает о солнце и небе мальчик, выпускающий голубя? Зачем это ему, если все небо, все солнце со всеми своими лучами помещаются в голубе. Он думает о голубе, а все остальное видимо в нем само собой.

Наберут люди знаний, а силенок своих не хватает, чтобы обороть их и включить в круг своей личности, так они и торчат, как упаковочная солома из тары, а самой вещи-то и нет. Этим путем создавались учебники для школ по естествознанию.

Я думал о маленькой гвоздичке, определившейся на лугу по образу солнца, и понимал ее существо, как рассказ о солнце, исполненный выразительной силы, и через нее вернулся внутрь того круга, каким обведена природа моего тела и освоена моей личностью.

Мне казалось, что из этого круга заключенной природы можно выглянуть, как выглянула гвоздичка, и всю природу со всеми ее вселенными понять, как свою собственную, и что вот такая ботаника, такая зоология, и геология, и физика, и химия, такая «природа» должна лечь в основу воспитания наших детей, а не учебники, составляемые по частным догадкам ученых.

* * *

Искусство как сила восстановления утраченного родства. Родства между чужими людьми. Искусство приближает предмет, роднит всех людей одной земли, и разных земель, и разные земли между собой, города, даже мелочи жизни становятся такими, будто их делало само время.

В наше время упрямые попытки превратить искусство в публикацию («художественная публикация») исходят из той же потребности создать родство между широкими массами (1923).

Искусство есть в существе своем движение и начинается от желания лучшего: хочется лучшего, чем данное...

* * *

Мыслевыражение – есть такое же конкретное открытие, как географическое.

Вот почему Шекспир – это как материк, а я, например, открываю маленькие чудесные островки, свидетели той же великой, залитой океаном земли.

От поэзии через испытание временем в конце концов остается человеческий документ, как от весеннего ручья камень.

Бывает, весенняя вода прорвет плотину, смоем мостки, и останутся от всех мостков одни колышки, и они-то бывают мерой того, как высоко когда-то стояла вода. Так и памятник Пушкину остается мерой, до какой высоты может доходить полнота человеческой жизни...

Бывает, весенняя вода, спадая, оставляет на лугу льдинки, указывающие на то, как далеко разлилась вода. Так и памятник Пушкину указывает нам высший предел разлива нашей души. А мы смотрим, и надеемся, и ждем, что придет новый Пушкин и установит нам новую даль.

Памятник Пушкину ставится не самому Пушкину: какое дело Пушкину до своих памятников! Он становится только для общества, как мера разлива души человеческой.

* * *

В слове есть скрытая сила, как в воде скрытая теплота, как в спящей почке дерева содержится возможность при благоприятных условиях сделаться самой деревом.

Живописец может видеть предмет только с одной стороны, и оттого он художник прямой, четкий и сидящий. А художник слова устает смотреть только прямо, у него является сомнение в себе и в том, что он видит. «Дай-ка, скажет, я загляну с другой стороны». И это сомнение заставляет его встать и пойти.

С этого сомнения, с этого желания заглянуть на другую сторону и начинается движение.

Если будет вода, и в ней ни одной рыбки – я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летает в нем ласточка – я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми – не лес, и жизнь без таящегося в ней слова – все это только материал для кино.

У каждого яблока на одной и той же яблоньке такое разное выражение. Есть яблоко умное, выглядывает из-за листика выпуклиной своего лобика, а есть наверху любимое мое круглое, с круглыми дольками, всегда мне сверху весело смеется. И, бывает, я ему даже пальцем погрожу и скажу...

Нет, нет, благодарю за язык мой, спасающий меня от тяжелого молчания, вызывающий мне друга даже из яблоньки.

Слово, как мышь – пухом, подушкой его не удушишь. Дави его – скроется в землю, и вырастет на его месте березка и своими зелеными листиками вышепчет ветру родимое слово. И полетел ветер, и понес и понес...

Нет, тут за слово бояться нечего, оно, правда, как мышь, и стогом сена его не задавишь.

* * *

Известно, как бывает в поэзии: ты думаешь, а она выходит и никак не из того, о чем ты думаешь, – сама выходит. Не от думы рождается поэтический образ, но если ты не будешь думать, он не родится.

Образ рождается на пути к понятию и тем самым дает каждому возможность по-своему продолжать этот путь.

На этом и основано влияние искусства, посредством образа оно увлекает и привлекает к участию в творчестве другого человека.

Если ученый находит причину явления, то тем самым он открывает новый вопрос о причине самой причины данного явления. И тот же ученый предоставляет новому ученому работать над дальнейшим, и так без конца.

А в искусстве мы как бы снимаем с открытой причины ее покрывало и даем самый образ, имеющий свойство показываться и одинаково всем, и по-разному для каждого.

Почему это равняется настоящему открытию, если даже общеизвестную мысль, о чем люди говорят повседневно, удастся высказать образами? Не потому ли это бывает иногда, что люди, повторяя мысль, утрачивают смысл ее и вновь узнают, когда мысль является в образе?

Натуру художника лучше всего видно в законодательстве мод: первым глазом своим поглядит законодатель мод, вообразит себе, например, девушку в голубом берете, захочет – и все девушки оденутся в голубые береты

Власть над образом – вот натура художника

Символ – это указательный палец образа в сторону смысла. Искусство художника состоит в том, чтобы образ сам своей рукой указывал, а не художник подставлял бы свой палец. Настоящему художнику незачем об этом заботиться: живой образ непременно родится со своими ногами, чтобы странствовать по свету, и со своими руками, чтобы указывать путь.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

По-моему, научный интерес к явлению («почему это?») должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание. И, вероятно, в том, что действует на силу нашего избрания именно данного явления, заключается нечто не менее значительное, чем ответ на «почему». Между тем школьникам постоянно навязывают научное понимание действительности, минуя совсем их удивление или пользуясь этим удивлением, чтобы дать нечто научное

А надо идти навстречу самому удивлению.

– Почему, почему?.. Мир живых людей и природа построены без «почему».

* * *

На искусство в своем происхождении – поэзию, а также на чистую науку я смотрю так, что творчество их происходит от облегченного в человеческих условиях ритма, которым сопровождается работа в природе.

Там этот ритм – условие вращения тяжелых миров, у нас – ритмический ход образов и мыслей. Если сделать соответственные записи движения в природе, то можно добиться слышания этих видов природного ритма

По-моему, гений человека не огонь похитил с неба, а музыку и направил ее вначале к облегчению труда, а потом и самый труд, на который распространяется ритм, сделал через это наслаждением.

Мы живем в природе и между людьми для согласия. Возможно, мне скажут: «А для какого согласия?» Я отвечу: «Для музыкального преобразования мира».

...Позвольте, позвольте, не перебивайте, ради Бога, я что-то еще скажу!

Вот, у нас от кого-то пошли слова о гнилой цивилизации, закате Европы, о спасении себя и мира в природе. Эта обратная революция (реакция) таит в себе грех еще пущий, чем первоначальная молодая претензия сил: тут слабость, гниение силы величается, опираясь на силы естества.

Напрасная иллюзия! Если это взять в основу спасения, то иссякнут все родники жизни, леса вырубят, люди погибнут от болезней.

И я думаю, все эти «побеги в природу» означают смирение паче гордости. Надо смириться до того, чтобы взять на себя и силу знания, и силу искусства, и только переключить их движение от разрушительного на созидательное.

Глава 12

Искушение художника

Молча в недрах народа, как в недрах земли с семенами и саженцами, происходит переработка брошенных в революцию идей, и что взращивается, что отбрасывается.

Писатель должен очень бояться своих сочинений на заданную тему, жизнь заставит всех обратить на себя внимание.

Правда колет глаза сказать по правде очень трудно и в то же время обойти ее очень легко при одном условии, что ты-то ее обойдешь, но в будущем когда-нибудь непременно за тебя поплатится невинный.

Жертва – это ответ невинного за ошибку другого, и потому живи и не ошибайся.

Человек должен быть непременно твердым, а то злые любят мягких, добрых и делают их своими костылями. Так и надо помнить, что настоящее зло – хромое и ходит всегда на костылях добродетели.

Старая собака. Молодые собаки должны ходить в безусловном повиновении и никакие побрякушки им не дозволены.

Но старым собакам мы разрешаем иногда нас и не послушаться.

Есть вещи в государственном управлении, к которым нельзя приспособиться писателю, потому что эти вещи есть «временные меры». Приспособление писателя к современности есть требование времени, но если писатель приспособляется и к «временным мерам», то начинают протестовать даже сами администраторы.

Деревенская девочка сидит за столом и бессмысленно заучивает стихи о множестве тракторов, преобразующих деревенскую жизнь.

Ее отец, мужик-молчун, сидит, слушает с уважением и вдумывается. Каждая строфа оканчивается словами «Ударник, скажи свое большевистское надо!» И молчун после каждого раза спрашивает вдумчиво девочку: «Что надо то?» И девочка отвечает: «Не знаю», или «Отвяжись!»

Самое нехорошее в литературе, что писатель откуда-то берет себе право смотреть на жизнь, как на свои материалы, и пользоваться ими, то есть он делает то же самое, что и охотник за шкурками бобров сдирает шкурку, а самое животное бросает.

Кто надавил пуговку и, увидев следствие, удивился, а кто сразу же начал пользоваться, – вот это страшное!

Один услышал впервые радио, не поверил, а потом удивился и стал расспрашивать, стараясь понять, почему же это выходит. Другой, не интересуясь причинами, сразу же сделался потребителем, как будто так и должно все делаться в интересах его персоны.

Вот такой человек и является «современным», он привык к изобретениям самым необычайным и считает их тем же, чем мы считаем силы природы. Такому человеку нет никакого дела до тех Коперников, Галилеев и всяких других «мучеников науки»: они мучились, а он теперь спокоен, и нам – солнце, ему – электричество, нам – ветер, ему – вентилятор. Все очень естественно, он спасен, значит, освобожден от мученья. Его же все «мученье» состоит в том, чтобы пробиться в люди и завладеть этими ценностями.

* * *

Пасьянс я раскладываю ежедневно и даже не один раз в день, все один и тот же мой пасьянс. Чему я выучился за много лет? Раньше я копался долго, теперь стал в операциях перескакивать, прямо только взглянув на положение карт: я стал операции производить не детально, а отвлеченно и много скорей. Таким образом, смысл самого пасьянса, школы терпения, начал пропадать.

И я боюсь, что именно это нас и пугает при механизации жизни: она перестает быть школой терпения, а радости и благодарности в оправдание легкости – не хватает в душе.

Вчера вечером слушал соловьев и наслаждался не переживанием детства, а так, как оно сейчас: за черной пилой леса золотая заря, над зарей облака тяжелые, синие, и по синему красные борозды.

Пели соловьи в той стороне, где заря за рекой, и на горе надо мной, и внизу, в овражном ольшанике, и я слушал и выбирал, в какой стороне соловьи лучше поют.

Когда же выбрал сторону, стал выбирать среди соловьев, какой лучше поет, и когда нашел лучшего, то стал его спрашивать, как бы мне тоже так научиться петь лучше всех.

И соловей мне ответил:

Хочется петь – и пой, а научиться этому нельзя. – Помолчав, он прибавил: – Да и не надо. Что хорошего будет, если все научатся и запоют.

Чтобы настоящим быть художником, надо преодолеть в себе злобную зависть к лучшему и заменить преклонением перед совершенно прекрасным.

Зачем мне завидовать лучшему, если лучшее есть маяк на моем пути, и зачем мне падать перед совершенно прекрасным, если я в нем в какой-то мере, пусть даже в самой малой, но участвую: тем самым, что я восхищаюсь, я участвую.

Птичик, самый малый, сел на вершинный палец самой высокой ели, и, видно, он там недаром сел, тоже славил зарю; клюв его маленький раскрылся, но песня не достигала земли, и по всему виду птички можно было понять: дело ее – славить, а не в том, чтобы песня достигала земли и славилась птичку.

* * *

Что такое творчество? Борьба со злом в первую очередь, но именно не борьба, как отрицание, а борьба как переключение направления действующей силы зла, вследствие чего зло и превращается в добро.

Момент упадка радостного творчества сопровождается явлением так называемого зла. При появлении зла я имею обыкновение сделать в его сторону приличную и безобидную мину пассивного сопротивления, уголком глаза в то же время следить за ходом событий и жить в ожидании, когда можно будет вернуться к себе.

И когда это показалось, и дело опять пошло хорошо, и наконец все вышло, то, с удивлением оглядывая созданную вещь, узнаешь, что и зло участвовало в ее созидании, участвовало, как возбудитель.

Это смутно выражается в поговорке: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Между угнетенным деревом в лесной тесноте и счастливым деревом на опушке есть еще дерево-победитель: оно в борьбе за свет сбрасывает сучья, гонит свой ствол голый, как свечу, вверх, пробивает затеняющий полог и достигает небесного света.

Так вот и я стремлюсь преодолеть угнетенность и не завидовать семенникам на лесной опушке.

* * *

Самое трудное в деле искусства слова – это сделаться судьей самого себя. И возможно ли это?

Возможно судить себя только за прошлое, когда переживешь сам себя и сам на свое будешь смотреть, как на что-то бывалое. Но как судить самому себя, когда в написанном своя собственная душа выступает, как небывалое?

Попробуйте хотя бы Шекспира взять себе в постоянные советчики, и вам будет неловко жить с простыми людьми, вы тогда будете вперед знать их мысли и поступки. Им это передастся, и они будут вас стесняться, а вы будете себя считать в чем-то перед ними как бы виноватым.

Вот подходит к вам человек с целью поиграть на вашей струне, а вы, угадав его намерение, спрашиваете, как Гамлет: «Умеешь ли ты, друг мой, играть на флейте?»

Мое заветное желание – это записать за собой, как я сделал то или это. Желание совершенно недостижимое, потому что достигнуть полного опознания своего таланта – это значит съесть самого себя.

Но я могу что-то сделать в этом отношении: могу издали, прячась в кустах, выглядывая, следить... Может быть, для этого нужен тоже талант? Да, конечно, – талант слепопыта.

Со временем явится такой удивительный поэт, он все лоскутки мои соберет, и будут они жить – целый мир рядом с героем его... когда это будет? Задача моя чрезвычайно трудная, и две опасности, как Сцилла и Харибда, ужасны: одна опасность, что повесть напишется хорошо, а как я писал ее, окажется неинтересным, и никто это не будет читать; другая опасность, напротив, интересно будет, как я искал путь создания, но самую повесть я не напишу.

Вечное перо. Можно сделаться большим художником, имея вовсе даже не большой талант. Для этого в написанном надо уметь находить вечные строки (в том смысле, как говорят «вечное перо»). По этим удавшимся вечным строкам надо строить новое произведение, искать в новом, что удалось. Так, восходя все больше и больше, надо насыщать свои произведения «вечными» строчками, вечно стремясь к совершеннейшему. И, работая всю жизнь, как я указываю, можно чувствовать себя довольно уверенным. Большинство же работают неуверенно, исходя из таланта, пишут «как Бог дал». Они очень скоро исписываются, мелькнув в обществе королями сезона – «Бог дал, Бог и взял».

Вынашиваю мысль о священном порядке в душе творца, каким является в какой-то мере каждый работник, мастер своего дела. Этот священный порядок повелевает мастеру поставить все предметы на свои места, а также и определиться самому в

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
служении и отделаться от прислуживания.

Требуется достоинство, и больше ничего.

Художественный талант – это, как всякая способность и даже как всякая сила людей, возбуждает между собой борьбу роста личностей. Каждый истинный художник не боится этого роста, если он правильный, и думает про себя:

«Ладно, если так растет художник, то и я подрасту».

А неправильный рост подавляет и разрушает искусство.

Вот за этим ростом искусства наблюдают особые люди, критики, как сторожа правды.

Во всех производствах эксперты выбираются, конечно, из мастеров, например, если возникнет спорный вопрос в слесарном деле, то слесарь же является судьей.

Только в литературе судит писателей не мастер литературного дела, а просто критик.

Ветер сеет осины. Вся земля закрыта, семян в миллион раз больше, чем надо, а он все сеет и сеет, и так еще много семян, что серыми висюльками вся крона закрыта густо, как листвой.

Третий день сеет и не устает, а я человек, я только смотрю и то уже устал – не сеять даже, а просто смотреть на это.

– Человек, какой же ты человек, если устал, – укоризненно шепчет осина, мягко опуская одну за другой свои серые гусеницы.

– Устал, не могу!

А земля требует, все требует без конца...

Некоторые удивляются, как расточительна природа в сравнении с человеком. Но я думаю о читателях, которым бросаются многие миллионы напечатанных слов ежедневно, и не из миллионов одно, как в осиннике, а из ста миллионов слово одно прорастает.

Нет, я думаю, человек в своем словесном посеве гораздо расточительней осинки. Но почему же так? Я думаю, потому, что человек сеет пустыми словами.

Каждый писатель, когда ему пишется, чувствует, будто он взлетает, и чувство этого взлета манит его еще раз и еще взлететь. Мало того! Это состояние взлета он считает главным основанием своего избрания, забывая, что когда метут комнату, то и пыль тоже взлетает.

Никто не знает секрета художника, когда он, затеявая великое дело, в полном уединении во всех подвалах своих откроет сундук и начнет все выкладывать. Какое богатство! Но это богатство только для себя, как во сне, а хочется проснуться с этим добром среди людей, чтобы все добру этому радовались. Но бывает, художник спустится в подвал, а там нет ничего и никакого даже секрета. Такой бедный человек!

А вы спрашиваете, как художник о себе думает? Да никак, и некогда думать: если подвалы полны, то художник весь отдается делу устройства секрета своего так, чтобы из всего богатства что-нибудь дошло до людей. Если же подвал пуст, что же тут о себе думать: в пустые стаканы наливают вино.

Писать очень приятно и легко – трудно удерживаться от писания и беречь свои мысли, чтобы их сгустить: чем меньше писать, тем гуще и сильнее выходит. И трудность писания, его подвиг, состоит в том, чтобы строить плотину потоку слов и регулировать спуск их.

Слово ценится по силе, с которой говорит человек, у сильного слов меньше, но зато они сильней действуют, у слабого больше слов, и, чем больше слов у него, тем больше силы убывает. И так доходит до того, что слова его текут, как вода, и все говорят, его слушая: «Это вода».

Хитрость – это обломок мудрости и служит вместо ума... Вот почему хитрость имеет двойную оценку: у мудрого человека хитрость входит в состав разума, у глупого – в состав его глупости.

Мудрец же бесхитростный – это блаженный и бесхитростный дурак. Точно так же, как хитрость, надо оценивать и политику и дипломатию: у мудрого человека политика есть оружие мудрости, у глупого – глупости.

Большая мысль, дробясь, блесит, как электричество в коротком замыкании. Вот почему являются блестящие умы. Дробясь еще сильнее, мысль переходит к умам практическим. И так, все мельчая и мельчая, мысль становится хитростью.

А мысль действительная проходит в молчании и тишине.

* * *

Есть тайны кельи отшельника, которые все огулом относят к искушению «дьявола». Такие же тайны есть и у всякого настоящего писателя. Одна из этих тайн – это, что я лучше всех. Другая состоит в унижительных обидах: там-то не упомянули, там обошли... От этих ночных келейных мыслей чувствуешь себя деревом с гнилой сердцевиной. А когда явится утренняя бодрость, открываешь окно, слышишь бормотание тетеревов, клики скворцов, видишь напряженные соком шоколадные ветки берез, серые гусеницы зацветающих осин, то, напротив, чувствуешь себя победителем всего в себе мелкого и по себе понимаешь, почему возродился Антей, прикасаясь к земле.

В болотах коварных и лживых есть своя огненная правда: это сокрытые в глубине их торфяные склады солнечной энергии. Тысячи лет они могут лежать без движения.

Моя нога сейчас ступает по торфу, и я чувствую по этому внешнему торфу свое внутреннее горячее, тоже неподвижное, покрытое тоже холодной водой.

Я чувствую свое богатство, я спускаюсь в свой мрачный подвал, я открываю свои сундуки. И мне кажется тогда, будто могу ответить на всякий вопрос, каким в тысячелетиях мучилось человечество. Я скажу, я спасу мои догадки! Да, я знаю все, но я жду вопроса – и нет его! И так все жду и жду вопроса, как тысячелетний торф ждет огня.

* * *

Чехов сказал, что когда хочется пить, то кажется, выпьешь целое море, и когда станешь пить, то выпиваешь стакана два. А я думаю так тоже и о славе, что со вкусом и в пользу выпивает себе артист только стакана два, а после только дуется.

Многие живые люди справедливо не любят людей, живущих литературным трудом, и говорят, что нужен один писатель, который останется, а не десять писателей, из которых останется все равно также один. Только как же узнать одного из той начинающей тысячи?

Когда уж все и всюду в печати расхваливают – не веришь: сегодня хвалят, завтра забудут, а ты попался на удочку и лежи, как рыба на сухом берегу. Очень часто и большие ценители ошибаются, приняв искусственность за искусство.

Но когда к доброй оценке этого высокого ценителя присоединится восторг простеца – тогда почти безошибочно можно сказать, что создана подлинная вещь.

* * *

Достижение славы похоже на достижение смерти. Только в могиле покойники просто лежат и лежат. А в славе люди лежат беспокойно, потому что у славного покойника остается одна беспокойная мысль: а что, как слава сойдет?

Творчество от родов тем отличается, что будто бы оно легче. Это неправда, часто муки творчества бывают невыносимее мук рождения. И еще кажется, творчество легче тем, что у роженицы вместе с новорожденным является забота о нем, – а художник кончил вещь – и все тут.

Увы! Это неправда, у роженицы рождается забота, а у художника самолюбие, и кто знает, что лучше? Заботам люди сочувствуют, и в заботах весь человек на виду, а

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
самолюбие надо скрывать, и оттого заботы лишь точат, а скрываемое самолюбие человека грызет.

Лесник на вопрос, почему у него рука висит на ниточке и он ее не ампутирует, ответил: «От самолюбия». И рассказал, что пальцы его висячей руки шевелятся.

– На что же тебе эти пальцы, если рука висит?

– А папироску свернуть.

– При чем же тут самолюбие?

– А как же: всю руку держу, только чтоб покурить. Какая же тут польза? Одно самолюбие.

Так и мне как-то боязно решиться ампутировать мой раненый орган самолюбия, мне кажется, что без него я лишусь самой способности крутить папиросу необходимого литературного тщеславия и буду просто добродетельным человеком.

Творчество сопровождается чувством собственности, как любовь ревностью, как сама жизнь явлением личности, но беда наша в том, что собственность бывает и без творчества, ревность без любви, а личность без соответствия с жизнью в эгоистическом существовании.

Явление чувства собственности, нарастание его и потом исчезновение ясно можно проследить в процессе писания: как нарастает чувство собственности к моменту завершения повести и как оно исчезает, когда книга выпущена в свет и «собственником» ее становится издатель.

Сыграв свою роль, как спутник, как хранитель творчества, собственность как бы умирает...

* * *

За что я люблю грибы собирать, это за то больше, что их нельзя выдумать. Вот идешь по лесу, глядишь на землю, и в голове нет никаких мыслей, кроме как о грибах. По привычке писать и подхватывать мысли тут тоже кажется: вот сейчас хорошенько подумаю – и гриб вырастет. Но сколько ни думай – лес не бумага, от мысли гриб не появится. И тут начинаешь мириться: «нет у тебя ничего, ни гриба, ни мысли, верь, надейся, ищи».

И так постепенно впадаешь в приятное состояние бездумья с нарастающей надеждой.

..Осторожно палочкой поднимаешь тяжелую ветку, чтобы стряхнуть росу, и когда подлезешь сам туда и оглядишь частые стволы с прогалочками, вдруг как солнечный луч пронзает темный лес, так радость потрясает все тело: десятки в росе стоят, и все одни только белые. И в десять раз сильнее это бывает у писателя, чем у простого человека, любителя грибов: ты знаешь наверное, что это не чужие мысли, которые ты притянул и присвоил себе, и сам обманулся, приняв их за свои собственные мысли, а грибы настоящие, нерукотворные грибы, которые жарить можно, и всем показывать, и говорить, и удивлять всех: белые грибы показались!

Ссылка писателя на объективные причины – все равно что ссылка борца на противника: противник, мол, сломил меня. Так у писателя его среда всегда является противником, и вот уж нельзя нам ссылаться на среду: надо ее победить.

О скепсисе. Отрицатель должен иметь при себе наличие того совершенства, во имя которого он делает отрицание. Не имеющий в наличии такого идеала отрицатель просто ворует, потому что оставляет в душах ничем не заполненную пустоту.

Редактор N. – это один из тех бесчисленных современных молодцов в литературе, похожих на детей, умеющих разбирать часы, – разобрать могут, а собрать еще нет. Придет или не придет такая установка, чтобы учиться не разбирать, а собирать? Конечно, придет, но едва ли я захвачу.

Какая занозистая эта литературная особа, только боюсь, что эта скептическая поверхность, как мох, покрывает кочку, а в самой кочке нет ничего.

Эта редакторша похожа на сохранившуюся какую-то модель станка Гуттенберга. Она

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мыслит образами напечатанных книг.

Причесывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую.

Отвращение к учительству. Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.

Лучший вид свободы изображен в «Троице» Рублева: умная беседа о жертве с последующим согласным решением. Лично я ненавижу резкие споры с умственной истерией и насилием темпераментов: это война. А свобода – в совете.

Удачный ответ. Этот маленький поэт выправлял мою рукопись.

– Если бы так Пушкина или Лермонтова, – сказал я, – выправляли, то не было бы их. Помните, когда Лермонтову в редакции указали на стих его: «Из пламя и света рожденное слово», и он взялся выправлять, и не мог ничего придумать, и оставил так, и так его напечатали. При Лермонтове поэзия была грамотнее.

– Но вы же не Лермонтов, – сказал мне поэт.

– Да, – ответил я, – но и вы тоже не Пришвин.

Без философии можно обойтись в жизни. Но без юмора живут только глупые.

В отношении видимости более прав тот, кто стал выше, и тем самым кругозор его стал шире. Это правильно, только ведь мало того, чтобы стать выше. И осел тоже часто поднимается шаг за шагом с альпинистом и на все смотрит, и знает, что он высоко, но понять из того, что видел, не может.

Нельзя целью поставить себе личное счастье. Оно дается даром тому, кто ставит себе труднейшую цель и ее достигает. Вернее, счастье обретает тот, кто целью своей жизни ставит счастье своего ближнего.

В теории достижения личного счастья через трудный путь создания счастья другим есть одна неприятность, что дуракам счастье достается тоже даром и, значит, когда вы после мучительной трудной жизни наконец-то достигли первого ряда счастливых людей, то увидите, что вокруг вас, счастливого, сидят счастливые дураки, пришедшие сюда безо всяких усилий.

Мораль читать доставляет удовольствие очень большое, потому что, вычитывая, человек, в сущности, говорит о себе, и это очень приятно, и это есть своего рода творчество с обратным действием, то есть не освобождающим, а угнетающим.

Достоевский делает с читателем почти то же, что его Грушенька с Катериной Ивановной: читатель целует ему ручку, и вдруг он берет читательскую ручку и говорит: «А что, если я-то вашу и не поцелую...»

* * *

В большом есть и то, что содержится в малом, но в малом, есть ли в малом большое? Это какое малое: в малом цветке содержится солнце, в капле росы – вся вселенная. Даже в злом комаре можно видеть героизм, когда он впивается в человека.

Но есть человек самый страшный, и такого существа нет в природе. В нем большое не отражается, и он о всем мире судит по себе. Сам же себя он называет простым человеком.

Вот чего мы все боимся, как бы не родился такой «простой» человек!

Гоголь силой слова хотел связать нечисть, чтобы освободить от нее красоту и добро. Он этому делу предался с такой силой страсти, что его образы стали живыми существами, как будто автор вывел этих жителей тьмы на свет, и они вынуждены были во всей наготе своей остаться между людьми.

Сарказм. Самая опасная охота на диких зверей является лишь забавой детей старого возраста. Единственно опасным из всех зверей, на которого нет охоты и выходят на которого лишь поневоле, – это зверь, обитающий в человеке...

Конечно, есть и настоящие люди, охотники на этого зверя: ими жизнь продолжается. Но нерадостная эта охота, что-то вроде охоты на смерть. Этим занимался у нас Гоголь.

* * *

Что это за «подлинная жизнь»? Это жизнь каждого человека в связи с его близкими.

Так ли?

Человек в одиночку – это преступник – сверхчеловек или в сторону интеллекта (вроде Раскольникова), или в сторону бестии (бестиального инстинкта).

Мой человек – это самое то, что интеллигенция (со времен Щедрина) называла презрительно «обывателем».

На самом же деле это и есть сам-человек, хотя бы вот Евгений из «Медного всадника».

Известно, что всякая страсть (всякая ли?) под воздействием человека, оставаясь в основе самой собой, преобразуется. Мы вспомнили любовь физическую, животную и что сделал с нею человек!..

Кто-то в это время смотрел на меня, с каким аппетитом я уплетал жареную навагу, и спросил:

– А во что обращается чревоугодие?

– Здравствуйте, – ответил я, – будто не знаете? А угостить человека другого вплоть до того, чтобы самому недоесть, а посмотреть, как другой человек – гость будет есть, и наслаждаться – разве это не есть преображение страсти чревоугодия?

Вероятно, все страсти, таящиеся в природе, под воздействием человека способны преобразаться.

Но в человеке самом, падающем человеке, есть целый сноп страстей холостых, не имеющих движения к высшему. И это ни в коем случае не дух праздности. Уныние тоже, накапливаясь, под воздействием человека переходит в радость. Любоначалие переходит в служение, празднословие – в сказку.

Хемингуэй – это фронтовая душа, то есть такое состояние духа, когда прирожденная человеку идея небесной гармонии втоптана в грязь, от нее ничего не остается, а между тем, к удивлению себя самого, ум работает гораздо яснее даже, чем в гармонии с сердцем.

Это у него умные записи последнего сердечного стога.

Нужно ли это? Наверно, нужно на время. Но я думаю, если это только по силам, сохранить чувство гармонии и преподать его даже в последнем стоне своем, как возможность, как поддержку...

Глава 13

Чувство современности

Чувство современности содержится в творчестве, и оно-то больше всего и радует автора, обещая ему непрременное внимание и сочувствие друга. Особенно трудно дается автору изображение природы и вместе с тем открытие современности в несовременных вещах.

Тайная современность рассказа о несовременных вещах является, может быть, пробным камнем истинного творчества.

Без современности, заключенной в произведении, не может быть влияния на читателя.

Внутри произведения, будь оно написано о чем угодно и как угодно удалено от современной темы, внутренняя тема всегда современна.

Красота направлена к вечности, но художник должен знать время, когда с ней нужно

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
выходить на люди: когда у них свадьба, когда похороны.

Художник должен чувствовать вечность и в то же самое время быть современным. Без чувства вечности невозможны прочные вещи, без чувства современности – художник останется непризнанным.

По-моему, каждый настоящий талант содержит в себе чувство современности, и как птица на перелете верно направляется в огромном пространстве с Новой Земли в Центральную Африку, так и писатель движется во времени, точно как птица в пространстве. И нет писателя вне современности, хотя бы он писал о египетских пирамидах или о листике осины, трепещущем на своем стебельке... Я называю эту способность чувством, а не мыслью, потому что сам действительно не могу разобраться в этом движении моем, как сороконожка не может понять, какой ногой вперед сейчас ей надо ступать.

Чувство современности, как я его понимаю, в повседневной практике указывает на что-то самое главное, возле чего ходит душа. В этом чувстве встречается и определенное нужное слово со всей его музыкой и смыслом... как если бы душа похожа была на раскрытый цветок, и современное слово, как мушка, садилось бы на край цветка, и он захлопывал бы мушку-слово, и оно бы потом соединялось со всем организмом цветка.

Я так представляю себе орган, определяющий писателя в отношении современности.

Будет ли когда-нибудь этот орган открыт, и нужно ли его открывать? Современность является после длительного упражнения в душе художника ощутимой, как ощутим воздух бегущему на лыжах, как вода – скоростному гребцу, как лес – охотнику.

Самое важное для инженера, строителя, например, моста через реку, это чтобы мост был прочным. Так и у нас главное, чтобы вещь оставалась и по ней, как по мосту, читатели долго бы устанавливали путь своего сознания.

Так столетие проходит за столетием, а мы все учимся по Шекспиру, и кажется, будто Шекспир остается всегда современным и что сила чувства современности у писателя и есть то самое, что у механиков называется прочностью.

* * *

От себя уйти невозможно, а еще говорят, будто писатель может уйти куда-то от современной темы.

..Во мне живет чувство нового времени. Мало того! Я могу надеяться, что это великое чувство жизни, замаскированное охотой, я оставлю в своих книгах.

Есть в незримой среде, окружающей каждого, тон времени, и кто слышит его, как будто получает крылья и может лететь и лететь.

Но это не все, что нужно человеку. Человеку нужно слышать тон времени и идти по своей тропе.

* * *

Свойство творческой души быть везде и всюду самой собой и даже «вечные» истины воспринимать только через себя, а не просто на веру, как внеличное данное. Чувство времени как современность, как свойство личности, отвергающей готовых богов, прямо противоположно общепринятому пониманию этого слова. Современный человек в общепринятом смысле делается современным путем усвоения именно внешних форм чужого ума.

Писатель должен обладать чувством времени. Когда он лишается этого чувства – он лишается всего, как продырявленный аэростат. Это чувство времени входит в состав его таланта. Как это ни странно, а часто бывает, что люди, очень близкие к жизни, бывают несовременны, а писатель, стоящий в стороне, ближе, чем они, ко времени.

Ранним утром в предрассветный час. когда я в полной тишине ставлю сам самовар, пью чай и потом прямо от чая сажусь за пишущую машинку, я чувствую полное слияние бытия моего с сознанием, и о чем бы я ни писал, все равно написанное выходит из бытия моего, да, о чем бы ни писал, все написанное мною современно.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Нет более раннего утра, чем предрассветный час, и я думаю, что я самый современный писатель: никто-никто раньше меня не встанет и в этот ранний час никто, как я, – разве певчая птичка! – так не чувствует святость бытия в момент перехода его в сознание.

Мой современник – это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил.

Глава 14 Небывалое

Человек живет и рождает новое, и от него остается навсегда то небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном даже, или пожатием руки, или только улыбкой посылаемой.

Человек неведомый послал улыбку кому-то, и от этой улыбки родилось небывалое.

Человек – это мастер культурной формы вещей. На низшей ступени лестницы этих мастеров стоят те, кто ничего не вносит своего, а возвращает талант свой в том виде, в каком он его получил. На высших ступенях располагаются те, кто всю душу свою вкладывает в творчество небывалого.

* * *

Человек – это источник небывалого в природе.

Атомы были, но атомная энергия в руках человека действует как небывалое. Наташа Ростова была, но под пером Толстого она живет как небывалое, потому что ею руководит душа единственного, неповторимого человека Льва Толстого.

Люди смеются тому, что повторяется, и боятся всего, с чем встречаются в первый раз. И больше всего боятся заглянуть в себя потому, что каждый из нас содержит в себе небывалое.

Настоящий художник, отдавая свои вещи в бывалое, тем самым лично движется к небывалому. Оттого так и кажется, что ничего я не сделал, но в следующей вещи создам небывалое.

Художник – это тот, кто душу свою вкладывает в творчество небывалого.

* * *

Как художник, я страшный разрушитель последних основ быта (это мой секрет, впрочем): я разрушаю пространство и говорю: «В некотором царстве», я разрушаю время и говорю: «При царе Горохе». Совершив такую ужасную операцию, я начинаю работать как обыкновенный крестьянин-середняк и учитывать хозяйственные ценности, как красный купец.

Этим обыкновенным своим поведением я обманываю людей и увожу простаков в мир без климатов, без отечества, без времени и пространства

– Освежились, очень освежились! – говорят они, прочитав мою сказку.

И платят мне гонорар.

Чем я силен? Только тем, что ценное людям слово покупаю ценой собственной жизни.

* * *

Дон-Кихот это я: («Я Дон-Кихот!»). Гамлет тоже я: («Я Гамлет!»). И «Двойник» Достоевского о мне писан, и Раскольников. Так «я» борется с другим «я», находя в нем себе подобие, с болью откальвается и Дон-Кихот, и Гамлет, и Двойник, и Базаров... Будто змеиная чешуя слезает с настоящего «я», в котором скрыта воля на неповторимое действие.

Там, где человек, – это я. Там, где каждый из нас выступает за себя, там, как след ноги на песке, остается собственность.

Хорошо это или плохо? Это неплохо и нужно, если нога собственника ступает по незанятой земле. Но как только по этой земле другие прошли, надо глядеть, чтобы не поставить ногу свою на чужой след.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вот почему нас всех манит к себе девственная природа, земля, по которой не ступала еще нога человека.

Вот почему иной раз даже и вовсе землю бросаем, – нам тесно, мы становимся на путь искусства и там ищем путей, по которым никто никогда не ходил.

У Аксакова в «Семейной хронике» чудесно описана Башкирия в

то время, когда в ней землю покупали тысячами десятин по рублю десятину Прелесть воли на просторе Аксаков чудесно изобразил обилием охотничьих птиц и зверей, искусно пользуясь предупреждением читателя наступающими новыми временами, несущими гибель всем прелестям «страны непуганых птиц и зверей».

Но... этот трагизм весь основан только на упоре в границы Башкирии.

Стоило бы Аксакову бросить свою башкирскую землю, взять палочку и безземельному отправиться на север – сколько бы он там увидел всего! Конечно, и на севере для человека с одной только палочкой есть свои границы жизни, но тут кончается, а где-нибудь ведь непременно же опять начинается!

И если даже все на земле нашей кончается, то на какой-нибудь планете жизнь только что раскипается, и это в полной нашей воле будет устремляться туда и занимать новые места, как занимал их когда-то Багров-дед в Башкирии по рублю за десятину

* * *

В производстве нельзя без заместителей, но затем и создано и существует искусство, что человек тут сам.

В искусстве нет заместителей: тем искусство и отличается от всего.

В народе говорят, что не только пересадить нельзя боровик, но и шевельнуть, прикоснуться, и даже и посмотреть его рост: как посмотрел, так он и перестанет расти. А артист, как боровик, живет только естественно, прилюбилось место – и сел, и пересадить его невозможно.

Все живые отношения должны быть непременно и личными, даже дипломаты и те встречаются, чтобы посмотреть друг на друга. Только бюрократы личных отношений избегают и заменяют их бумажными: в этом и есть вред бюрократии.

Вот, что сам видел, а не в книге прочел, в этом есть открытие дела... А то почему же и дипломаты ездят друг к другу для личных свиданий?

То место, где я стою, – единственное, тут я все занимаю, и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут, и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял.

Конечно, наше время есть и начало чего-то, и конец. Хочется войти в начало, но и конца не хочется переживать – пусть оно кончается без меня, я же войду в начало.

Мало того! Мне кажется, я рождаюсь, не имея возможности об этом сказать кому-нибудь, и оттого мне хочется на старости, как ребенку, плакать и жаловаться.

Вычитал, что в легкой атлетике один победитель (чемпион) приходится на миллион людей. Сколько же людей приходится на одного спортсмена в искусстве? Скорее всего в искусстве невозможен рекорд: субъективно каждый художник подлинный чувствует себя единственным на весь мир. Пушкин был единственный, и Толстой, и Гоголь. Таких чемпионов в искусстве называют классиками.

Огромное большинство ошибочных суждений о писателях (педагоги больше всех ошибаются) зависит от того, что о поэзии судят с точки зрения ее потребителя, а не создателя.

Двигаться за недоступным – вот сущность поэта.

Глава 15

Сказка

К сказкам, поэзии все относятся, как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце-то концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю?

Бывает, жизнь до того доводит в своей тяготе, что все на свете станет серьезным, пусть в это время встретится сказка, и она, обыкновенная сказка, которой пользуются все для отдыха, выглянет так же серьезно, как вся жизнь в ее целом. И тот, кто в это время сказку серьезно к сердцу принял и стал ею заниматься, – тот вот и есть подлинный поэт.

Так что поэт тем отличается от всех людей, что сказку он сам создает, в то время как все ее лишь потребляют для отдыха, для развлечения. Потребитель вообще живет не всерьез.

Не о хлебе едином жив человек, ему еще нужны сказки, и так было всегда, от самых первых людей на земле: в шелесте листьев или в столкновении волн с каменными берегами, в мерцании звезд люди сливаются, и в ту минуту, когда сливаются с этим, сами начинают шептать.

Стал я на тропу и знаю наверно, что рано или поздно пройдет по ней другой человек. Слушаю сказку и знаю, что другой человек придет и будет слушать ее. Тропинка и сказка в родстве, это сестры, одну в природу отдали, другую в сердце человека.

Внутри сказки, все мы понимаем, таится правда, но если сказку сломаешь, как игрушку дети ломают, то правды не найдешь.

И было, и есть, и будет всегда благополучием некоторая длительность устойчивости человека, идущего по канату; всегда, везде и всюду этот момент устойчивости расцветается сказками, и эти сказки по существу и являются реальностью, а никак не то жалкое состояние равновесия.

Так вот полезно людям иногда поглядеть на веревку, по которой придется идти. Этот взгляд себе под ноги, если только не свалишься, вызывает к созданию новой, более увлекательной сказки.

* * *

С давних пор занимает меня постоянно мысль о том удивительном человеческом легкомыслии: как они, видя всюду неизбежность своего конца, живут, не обращая на это ни малейшего внимания, в каком-то нелепом чаянии, что люди смертны, все умрут, а я как-нибудь проскочу... Вот эта-то мысль и приводит меня теперь к реализму легенды, что именно легенда есть связь распадающихся времен (легенда, как сила творчества), именно то самое, «чем люди живы». Толстой называл это «любовь», но нет, это не любовь... а как бы сверхсила жизни, и человек, обладающий ею, «сверхчеловек».

Легенда как связь распадающихся времен – вот единственно реальная в свете сила.

Сказка – это связь приходящих с уходящими.

Сохраненное в себе дитя для детей – вот мировой капитал человечества, сила искусства от простого сказителя и до Шекспира.

Влюбленность – это сказка. А роды – это правда. Ребенок – это правда любви.

Но что ребенок этот – единственный и будущий гений – это сказка матери и самая могучая: сердце матери есть поприще, где сама сказка хочет быть правдой.

Гениальный поэт в существе своем – ребенок, и судить его поведение надо, как гения природы, какой бывает в душе ребенка. Это существо приходит в мир впервые и стучится, стучится...

Ребенок, развиваясь, испытывает то же самое, что нерожденный в утробе матери. Но там у него мать, а в мире – кто в мире ему вместо матери?

К нему стараются применить, по традиции, опыт с другими детьми. И так убивают личность. Но не всякую. Вот Байрон бунтует! – это ребенок в поиске матери.

* * *

Сказки мои – это могильные холмы, в которых я зарывал сокровища своей личности.

Только одно к этому еще запомните, деточки, что жизнь для игры и сказки трудней и больней.

Возвращаясь из поликлиники, почувствовал на Полянке необходимость найти для себя на улице смысл данной минуты. Что это за смысл, я не совсем понимаю: может быть, это даже и вовсе не смысл, а просто момент соприкосновения внешней жизни с моей душой?

Так я посмотрел на дома новые и дома старые – ничего не почувствовал: мертвые были дома, как памятники на кладбище. Чужды мне были троллейбусы огромные, и мчащиеся легковые машины, и шум, и лязг, и гудки... Но в то же время я знал, что где-то мой смысл должен быть.

Вдруг я увидел у края тротуара кучу песка, и возле кучи сидели маленькие дети и своими игрушечными формочками делали из влажного песка пироги.

И тут я узнал возле этой кучи песка то самое, чего мне так не хватало и что я назвал смыслом улицы.

Дети учат взрослых людей не погружаться в дело до конца и оставаться свободными.

Две девочки вошли в мой гараж.

– Здравствуйте, дедушка!

– Здравствуйте, девочки, как вы поживаете?

– Хорошо.

– Что же хорошего?

– Ничего.

– А сказали – хорошо.

– Конечно, хорошо, нам ничего больше не нужно!

Ехать на машине – это еще не свобода, бывает, человек на машине едет в тюрьму.

Совершенно свободен ребенок, который играет в эту машину. Сидит на стуле, щеки раздувает: пах, пах, пах! – и это у него машина.

Лицемерно вздыхают о детстве, что оно «прошло». Но спросишь их – зачем они дали ему «пройти»? Все хорошее должно в человеке оставаться даже после смерти для пользования всех под охраной живых: так я охраняю детство своей души, а после меня его должны охранять другие.

* * *

Спасение сказки. Удивление покидает мир. Даже воздухоплавание, даже радио и телевидение больше не удивительны. И можно вперед сказать, что перелет на другие планеты не даст того счастья, той радости, о которой сейчас грезится.

Удивление связано с детством человека. Современный взрослый человек рано растает со своим ребенком: он с двадцати лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством, и детство здоровьем, и здоровье дается землей и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется и сказка.

Невозможно? Нет ничего невозможного. Во всяком случае, возникает вопрос: почему современный человек не отказывается от возможности перелететь на другую планету и поднимают даже вопрос о физическом бессмертии в будущем, но почему же тогда невозможно вернуть человечеству удивление и сказку?

Мы любим в детях то самое, что храним в себе с детства, как лучший дар нам от

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
жизни, и эту нашу прелесть стараемся по-разному воплотить: одни, и этих большинство, определяют с этим даром в семье, другие, кому семейное счастье недоступно, достигают его в искусстве. Третьи, не исчерпываясь до конца ни в семье, ни в искусстве, хранят своего младенца в себе до глубокой старости, и это их делает мудрецами.

* * *

В жизни мы разделены друг от друга и от природы местом и временем, но сказитель, преодолев время и место («в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе»), сближает все части жизни одну с другой, так что показывается в общем как бы одно лицо и одно дело творчества, преобразования материи. При таком понимании сказка может быть реальнее самой жизни. (Дон-Кихот и Санчо – самый яркий пример такого сближения.)

Не до сказок теперь! Не до сказок, я знаю, но она явится, как наш след по земле... нашим следом Охотник идет, и он потом расскажет о нас.

Смерть как перерыв, как разрыв между людьми. Похоже на разрыв первичного тока с появлением искры: эта искра – жизнь человека...

И так искра за искрой – это все люди, один за другим. Искра сопутствует переходу первичного тока в ток высокого напряжения.

Часто мелькающие искры дают непрерывно свечение.

И это жизнь.

А мы – эти искры, и какой бы ни был малый промежуток от искры к искре, все равно искра – я – исчезает, и перерыв тока есть наша смерть... Это и есть реальность, сама себя уничтожающая: Ничто. А жизнь – это легенда, творчество.

Криком начинается жизнь, вызывающим, могучим криком ребенка.

То, что я хочу вложить в душу героя моего мальчика Зуйка[2] сказку, это есть праведная радость жизни, законное разрешение трудового процесса и душевной борьбы удовлетворением. Только злой, дурной человек не имеет в жизни минуты для расширения души, обнимающей целое (сказки).

В сказке благополучный конец есть утверждение гармонической минуты человеческой жизни, как высшей ценности жизни. Сказка – это выход из трагедии.

– Не забыть, не простить – вот тема «Мирской чаши»[3].

– Надо забыть, это надо забыть, – сказала моя собеседница.

– Ты говоришь против роста сознания...

Такой был разговор. А я сейчас думаю, что в каком-то смысле надо и забыть, потому что дети со своей игрой и радостью жизни вырастают в забвении.

И разве зеленые листики помнят о прошлогодних листьях, ставших теперь удобрением? Чтобы им быть, надо забыть.

И разве каждый живущий не хоронит ежедневно такого себя, какой не может забыть, и не рождается ежедневно, не встает, забывая скорбь вчерашнего дня, в надежде на что-то новое, небывалое?

Детская вера в людей – это светлый героический путь. А неверие в человеке – есть несчастье, есть болезнь роковая. Люди... ну, а дети? Меня всегда пугала эта бездна, когда я подходил к ее краю, и тут я все брал на себя, – не люди плохи, а я!

И тогда... какая-нибудь березка, птица, река являлись в необыкновенной красоте, и тогда, как бы прощенный красотой, я с любовью обращался к людям, я верил им, и они мне помогали.

Новый человек – это ребенок, а если о нем надо рассказывать, то расскажите о взрослом, сумевшем сохранить в себе ребенка.

Когда говорят о чем-нибудь: «Оно вполне естественно», это значит другими словами: «В этом нет ничего удивительного».

Так большинство людей осваивает явления природы, возникновение электрических поездов, радио и самолетов и ничему на свете не удивляется.

Только если произойдет какое-нибудь личное потрясающее событие, такой человек оглянется вокруг себя первым младенческим глазом, удивится, и тут может случиться по-разному: одни люди, презирая естественное, обратятся к сверхъестественному, другие будут дивиться естественному и все, что в нем совершается, будут считать чудесным.

Я принадлежу к числу таких удивленных простаков и хочу героя своего, величайшего простака, вывести из этого и дать ему подвиг «открывать людям глаза» и тем открыть людям силу бесконечно большую, чем открыл Прометей в силе огня.

Глава 16

Поэзия прозы

Благодарил свою судьбу, что вошел со своей поэзией в прозу, потому что поэзия может двигать не только прозу, но самую серую жизнь делать солнечной. Этот великий подвиг и несут наши поэты-прозаики, подобные Чехову.

Чувствую себя в этом отношении очень малым, но что путь мой правильный и воистину русский – народный, это несомненный факт. (Свидетельство почти ежедневное моих читателей.)

* * *

Вчера мы услышали песенку, поглядели на дерево, а там поползень, эта деловая, вечно занятая птичка, сидел на сучке неподвижно и пел.

Да! Подумать только – поползень пел!

Сегодня поползень на том же сучке сидел с небольшим сухим сучком в носу: вчера пел, а сегодня уже вьет гнездо. Но я был счастлив, что подслушал вчера его песенку.

«Значит, – подумал я, – даже самая суровая, самая строгая правда жизни таит в себе песню или сказку», – и как захотелось тут, чтобы рассказать или спеть ее пал жребий на меня!

Мечта есть вестник прекрасного мира, и этот мир находится в самой серой действительности, преодоленной в себе самом и преображенной.

Дело исследователя – расставить людей и вещи, сдвинутые случаем, на свои места... Художник должен войти внутрь самой жизни, как бы в творческий зародыш в глубине яйца, а не расписывать по белой известковой скорлупе красками.

Нужно посмотреть на вещь своим глазом и как будто встретиться с нею в первый раз: пробил скорлупу интеллекта и просунул свой носик в мир.

Это узнает художник, и первое слово его – сказка.

Раздумывая о том, есть ли в природе и вообще в жизни начало искусству или же оно зачинается в самом человеке, я сейчас понимаю, что все начинается в этой вере человека, что оно есть. И уверовав, он говорит: «И да будет!»

Так в этих берегах и движется все искусство: на одном берегу художник отдается жизни, восклицая: «Есть!» Другой берег – это искусство его: «Да будет!»

И от берега к берегу белеются бесчисленные белые тропинки, проложенные людьми с их верой в то, что прекрасное есть на земле, и с их действием в сторону прекрасного: да будет!

* * *

Как это объяснить, что я, когда пишу рассказ или делаю снимок, то я показываю такое, чего никто еще не видел? Словом, как мне известно, что я не открываю второй раз Америку? Обычный ответ будет такой: я образованный человек и могу

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
просто знать. Но нет, я и не так образован, и мало слежу за новостями века, да и никакому образованному невозможно все знать. Мое знание неповторяемости создаваемого мной всегда находится в знании себя внутреннего: там внутри меня есть такой глаз личности, которого нет у другого; я им увижу, назову это словом, и люди будут это понимать, потому что я увидел и назвал такое, чем они живут повседневно, а не видят.

В метро я спускался по эскалатору, вспоминая то время, когда я увидал это метро в первый раз; тогда я видел метро и думал о метро. Теперь я думаю о другом, а метро – это не входит в сознание. И

мне было так, что в собственном смысле живут люди только те, кто живет в удивлении и не могут наглядеться на мир... остальные же люди живут в бессознательном повторении. И вот это бессознательное повторение, возведенное в принцип, и есть так называемая «цивилизация».

Какая-то страшная эпидемия охватила род человеческий... Болезнь состоит в повальной зависимости людей от вещей. Спасение же рода человеческого, его выздоровление начнется удивленностью.

Красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому истинную прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном.

Люблю я эти мелодии больше всякой музыки. Многое множество людей надо перебрать, чтобы найти такого, кто променял бы концерты Бетховена на мелодию пастушечьего рожка в лесу на утренней заре. Но я готов отвечать чем угодно, что сегодняшнего пастуха до солнышка пришел бы послушать сам Бетховен...

Я сегодня на вечерней заре взял рожок, и вдруг тайная прелесть этой музыки для меня открылась, простейшая грустная мелодия с последующей вариацией, изображающей веселье и радость коровьего шага, – вот и все искусство!

Тут все в простоте, чтобы деревня была, коровы, лес, солнце и звук выходил бы из коровьего рога, волчьего дерева и тростника.

* * *

Поэзия – это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают, и что надо им показать, как слепым.

Повесть моя зарастает, и я думаю: не больше ли всякой повести эти записи о жизни, как я их веду?

Это «превосходство» я отношу не к таланту своему, а к особой моей вере в жизнь, вере, может быть, простака, в то, что в жизни содержится все.

Если бы не эта вера, я бы мог сделаться поэтом и романистом, но эта вера приковала меня исключительно к своим личным переживаниям: я работал по своему дарованию как художник, а по вере и честности – как ученый. Очень возможно, что эти записи в том виде, как они есть, ценней, чем если бы взять их как материал для поэмы: никто не может создать такой поэмы, которая могла бы убедить в ценности жизни человеческой, как эти записи.

* * *

Слова мудрые часто называют простыми, потому что такие у многих простых людей возбуждают собственную мысль. Услышав эти слова, говорит простец: «Вот и я тоже так думал всегда».

Слова мудрости, как осенние листья, падают без всяких усилий.

Целиком вопросы жизни решаются только у мальчиков, мудрец их имеет в виду, а решает только частности.

Думать надо обо всем, а писать хорошо можно только о самом простом, чем вся жизнь наполнена, этого простого надо искать и на это простое все думы променять. Жалеть нечего мысли, они сами собой потом скажутся и запрячутся в образы так, что не всякий до них доберется. Кажется, эти образы складываются, уважая и призывая каждый человеческий ум, как большой, так и маленький: большому – так,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
маленькому – иначе. Если образ правдив, он всем понятен, и тем он и правдив, что для всех.

* * *

Соломон. Две сватьи судиться пришли. Одна сватья, мать мужа, стояла за сына, другая – за дочь свою. Судья разбирал целый день и не мог.

– Устал, – говорит, – и разобрать не могу, подавайте в другой суд: я не могу. И, скорее всего, никакой судья вас не рассудит, – лучше помиритесь.

Сватьи подумали, подумали и помирились.

– Ну вот то-то, – сказал обрадованный судья, – вышло вроде как бы и я не даром работал.

Обе сватьи благодарили судью.

Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь...

Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу.

Как писатель, я отличаюсь от многих писателей тем, что завоевал себе свободу в отношении к материалам: мне совсем не нужно ни книг, ни быта, – все это приходит само собой в помощь чему-то главному.

Быт и книги, в моем понимании, это ответы, а ценное – это рождающиеся в себе вопросы.

..Сознание, что никакая книга, никакой мудрец, никакая среда не прибавит тебе ничего, если внутри тебя не поставлен вопрос; убеждение, что на всяком месте можешь найти ты ответ.

Так, мало-помалу, я стал вместо библиотеки посещать поле и лес, и оказалось, что там читать можно так же, как и в библиотеке.

Бывает перед тобой нечто, кажется, незначительное, но ты обращаешь его в слово. И тогда это ничтожное «что-то» делается значительным и многие восхищаются, как чему-то небывалому. Выходит какое-то творчество из ничего.

* * *

Мост от поэзии в жизнь – это благоговейный ритм, и отсюда возникает удивление. Но бойся, поэт, делать себе из этого правило и ему подчиняться: ты слушайся только данного тебе музыкального ритма и старайся в согласии с ним расположить свою жизнь.

1928 год. Есть поэзия образов – поэзия, есть поэзия понятия – философия, есть поэзия рабочего труда – социализм.. Источник поэзии – чувство ритма жизни, который воспринимается как смысл ее, как то, из-за чего стоит жить, трудиться и достигать.

Ранним утром сверкающие капельки росы на всходах овса, на таком молоденьком листочке, что удивляешься, как он не гнется под тяжестью тяжелой капли росы, – это удивление вдруг может дать радость труда и понимание его смысла.

Стремление к простоте детского рассказа явилось из моего убеждения, что писать нужно хорошо не потому, что на свете все неважно, был бы мастер слова, а как раз наоборот–, писать надо обо всем потому, что на свете все важно. Эта формула мне годится для борьбы с эстетамы, я скажу им: «Все важно, а я выберу из всего этого то, что мне милей».

С другой стороны, если придут плохие мастера с важными вопросами, я скажу им: «Бросьте грандио-манию, пишите хорошо о малых вещах, потому что на свете все важно».

У каждого мастера, однако, в материалах есть своя «суженая», и вне этой

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
родственной связи с предметом описания писатель не художник, а беллетрист. И это, конечно, от удачных и талантливых беллетристов пошло тоже циничное суждение: «Неважно о чем, а важно – как написать».

Вот и пишут обо всем безразлично, вводя в заблуждение начинающих. Отсюда, по всей вероятности, и началась эта жалкая беднота претендентов на творчество, представляющих себе словесное делание писателей каким-то жреческим заговором молчания о тайнах творчества, и если раскрыть этот заговор, то для всех, не имеющих таланта, откроется путь творчества.

Взгляните на жизнь бессловесных, прислушайтесь к перекличке журавлей, улетающих в теплые страны: по одному нечленораздельному звуку их вожака вся стая повертывается, – какая сила в том звуке, каким он кажется нам прекрасным! Так неужели же мне становиться на колени перед журавлями и просить: «Журавли, раскройте мне тайну своего творчества!»

Зачем спрашивать мне, если и так видно: для вожака звук сам собой родился из необходимости действовать. Зато и знобит от восторга, когда слышишь этот повелительный звук.

Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго, долго я шел по берегу реки, и на моем берегу была поэзия, а на том жизнь. Так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и там оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия, или, вернее, что, конечно, поэзия есть поэзия, а жизнь есть жизнь, но поэзию человеку можно сгустить в жизнь, то есть что сущность поэзии и жизни одна, как сущность летучего и сгущенного твердого воздуха.

Отсюда вспомнился «Портрет» Гоголя: художник сгустил зло, и оно стало жить. Но ведь так художник может сгустить и добро! Гоголь и это попробовал сделать и не мог.

А я в какой-то, может быть, микроскопической дозе это делаю, это содержится в моем творчестве, и это есть в природе русского человека, в его наивном жизнеощущении, что «добро перемогает зло».

Глава 17

Глубже искусства

Сказать от души, от себя самого и полным голосом – вот единственная мораль писателя.

Но все-таки большими и великими артистов делает их встреча с человеческой этикой.

Поэзия – это душа подвига, обращающего красоту в добро.

* * *

В художественной вещи красота красотой, но сила ее заключается в правде: может быть бессильная красота (эстетизм), но правда бессильная не бывает.

Были люди сильные и смелые, и великие артисты были, и великие художники, но суть русского человека – не в красоте, не в силе, а в правде. Если же весь даже люд, вся видимость пропитается ложью, то для основного человека культуры это не будет основой, и он знает, что эта ложь есть дело врага и непременно пройдет.

Не в красоте, а только в правде великие художники черпали силу для своих великих произведений, и это наивно-младенческое преклонение перед правдой, бесконечное смирение художника перед величию правды создало в нашей литературе наш реализм; да, в этом и есть сущность нашего реализма: это подвижническое смирение художника перед правдой.

Шегаль замечательный пейзажист, он рассказывал о том, как дорого ему досталось его искусство. «Оно, – сказал он, – мне слишком дорого досталось, чтобы я теперь стал приспособлять его к чьим-то требованиям». И я к этому прибавил: «Может быть, настоящее искусство тем и держится, что дорого достается своим хозяевам».

В добро или во зло было творчество, пойдет созданное на жизнь или на смерть, – остается неизвестным до последнего звена в творчестве: нравственного синтеза,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
образующего поведение. До сих пор наука в отношении нравственного синтеза слова
своего не сказала. Но искусство... сколько великих примеров!

* * *

Делай правильно – и красота сама придет.

Красота избегает тех, кто за ней гоняется: человек любит свое что-нибудь,
трудится, и из-за любви, бывает, появится красота. Она вырастает даром, как рожь
или как счастье. Мы не можем сделать красоту, а посеять и удобрить землю для
этого мы можем.

Некоторые думают, будто можно делать силой красоту: невозможно, как нельзя
«сделать» живого человека.

Красота на добро и не смотрит, но люди от нее делаются добрее. Красота не всегда
бывает добрая, но добро без красоты – это скорее всего и есть именно зло.

Не о добре думаешь, когда вспомнишь начало нашей борьбы за лучший порядок на
земле. И красота у людей рождалась, конечно, не в благоденствии. И первый
человек в первый раз на небо взглянул, конечно же, в глубочайшей тоске от
омерзения на земле. И когда он увидел, что там хорошо и вернулся на землю, то и
тут на земле увидел небесное, и этим стал жить, и этим стал спасаться от
убийственной тоски и грусти своей.

Во время окопки яблонь. Добродетель есть дело рук человеческих, красоту же не
делают, а служат ей. Люди, однако, часто подменивают красоту добром, как это
делал Лев Толстой.

Правда, цвет яблони зависит от удобрения (добра), и можно применять даже
удобрение искусственное, но искусственного цвета быть не может. И это значит,
что добро есть дело рук человека, а красота – нерукотворна.

* * *

Смотрю на лесную дорожку, люблюсь, как зеленая щетка травы скрывает старую
листву и заключает ее в себе, как удобрение.

И так во мне самом, в моей душе, как в сосуде, радость вином поднимается, и
разливается это мое вино по всему человеку, скрывая в себе всякое зло.

Мать-природа, когда поливала наши огурцы, верно, не думала о том, что завтра на
восходе ее водица на листьях блеснет росой и восхитит всех, кто выглянет на свет
Божий. Она делала просто добро и никак не предусматривала красоту: из ее добра
сама собой красота выходила. Да и мы тоже так работаем – красота выходит сама
собой, если у нас делается добро.

Не красота спасет мир, а добро. А кто гонится за красотой, тому-то и открывается
вид на поле, где БОГ с дьяволом борется, а ты себя чувствуешь, как корреспондент
газетный на поле сражения.

Так что ты думай просто о добре, и если ты поэт, то природа откроет тебе красоту
в своем материнском прикосновении к тварям, потому что поэзия и есть материнское
прикосновение.

Писать нужно так, чтобы забывался весь труд мастерства, чем больше забудешься,
тем выйдет очаровательней (то есть и читатель забудется); а самое уже лучшее
пишется так, чтобы и сама красота мира забылась, тайно присутствуя, и всему душа
– красота бы исчезла из сознания, как и мастерство, и все произведение писалось
бы только из побуждения любви к людям и миру.

Добро – это цветок, выросший на удобрении. Добро, любовь, красота не составляют
в душе человека особой области, а венчают путь каждого из нас, если мы шли
правильно.

* * *

Древние придавали человеку божественные черты. Мы же теперь часто в неправильных
чертах лица больше находим человека, чем в его красоте.

Лицо человека постоянно меняется, и красота его в переменах, стоит на мгновенье

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
представить, чтобы поток красоты остановился, как и всякое, самое красивое лицо
сделается неприятной маской. Вот и надо сделать лицо из мрамора или кристалла,
чтобы оно, неподвижное в линиях и цвете, было подвижно изнутри, было источником
красоты, а не просто красоты.

Стал зарисовывать в лесу и удивился себе, зачем я столько лет таскал за собой
фотоаппарат. Но, подумав о слове своем, понял, что, может быть, и слово мое тоже
переходное искусство, и как-то можно легче и лучше выразить то, что я хочу
выразить своим тяжелым искусством

И может быть, всякое искусство является только ступенькой по лестнице: за
верхней ступенькой искусство вовсе не нужно.

* * *

Почему я до сих пор не собрался описать речку Вексу? Мне кажется, потому, что
она меня так обрадовала, – это было больше желания писать; я долго не мог просто
догадаться, что об этом можно писать.

Да, слава Богу, есть еще на свете для меня некоторые такие прекрасные вещи, о
которых мне и в голову не приходит, что их можно описывать.

Поэзия бросает лучи света во все стороны, и один из них проходит сквозь правду и
освещает ее изнутри. Такая правда редкая светит для всех наравне со светилами, а
искусство такого художника является личным его поведением.

..Быть самим собой. Если я певец, например, далеко не значит, что я должен петь
только и в пении своем выражать, раскрывать сокровеннейший и желанный всем
идеал, пусть как Пушкин. Даже если я Пушкин или Шаляпин, и то ведь придется и
таким перекопать душу железной лопатой и открыть себя самого где-то глубже, чем
в стихах и пении. В таких пластах души, где Хочется сменяется на Надо.

..Если бы все написанное мною значило для всех, как написанное Толстым, то все
равно это не было бы тем ответом на какой-то великий вопрос, таящийся в душе
каждого мыслящего, на который должно ответить живое существо

Пишу оттого, что не могу удержать в голове и сложить, соединяя, проходящие
отблески жизни какой-то единой, большой. С пером в руке, как с костылем...

Сложив все удачное, мне кажется, я могу ощущать свою долю мира, отданного мною
на пользу людей.

Не это ли только одно и остается потом от писателя? Но что это Шекспир? Тоже мир
душевный или игра?

Боже мой, ничего я не знаю и всем осеняюсь...

Когда я из тепла выхожу ночью в засыпанный снегом лес, слышу, как даже деревья
громко трескаются от мороза, как на тропу мою со скрипом от тяжести спускает
свою перегруженную ветвь любимая моя сосна, я, так мало сумевший дать людям из
своих внутренних богатств, теперь смотрю на все эти богатства неподвижных при
луне белых фигур и понимаю их всех, как мои же мечты за всю жизнь бесчисленные,
те, которые я не сумел довести до людей.

Были на свете и Лютер, и Толстой, и Шекспир, и Гете, и мало ли кто! И все они
всю свою жизнь по внутренней необходимости, как лошади за молотильными водами,
ходили по кругу за своей мыслью-водилом.

Это были великие люди, а я – какой я великий! А тоже за тем же водилом иду и
знаю хорошо, что только за то и называют меня большим писателем, что я за тем же
большим водилом иду.

* * *

«Кашеева цепь». Я долго думал раньше, что вещи, созданные мною, и есть
продолжение творчества, которым создавался весь мир природы и человека. И я
старался вникнуть в свое дело, чтобы понять его природу... и открыть людям. Но я
убедился, что творить можно прекрасное одинаково в силе добра и зла

Тогда я стал искать истоков для утверждения в творчестве, не в самом творчестве,
Страница 58

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
а глубже его. И мне тогда захотелось написать о тех хороших людях, которые были
возле меня, когда я рос.

Нестеров из того же чувства природы вывел своих святых людей – я это сделать не
посмел, а, может быть, мне это и несвойственно Я бы хотел эту же святость
увидеть не в монахах с нимбами, а в живых людях; изобразить их не как свечение
природы, а как волю божественной природы человека.

Не это ли самое привело Нестерова к попытке писать портреты великих людей?

Красота светит всем, но не каждому: не каждый в состоянии встретить ее. Но
бывает – не красота, а что-то другое лучится в улыбке, в глазах, и в этом каждый
оживает. Русская литература, конечно, в красоте вырастает, как всякое искусство,
но ее поддерживает вот это нечто, существующее в жизни вне красоты. Что это? Вот
«Война и мир», и в ней лучатся глаза некрасивой княжны Марьи.

1921 год. Что такое идея? Идея – это усиление человеческой воли. Исключительное
внимание на чем-нибудь ограничивает натуру, дает стремление вперед и – крик. Это
атака с криком.

Что остается делать после неудачных атак? Остается прислушаться к голосу природы
и делать то же самое дело в стыдливом молчании.

Вот откуда выходят и Руссо, и Толстой, и славянофилы.

Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пахут по бумаге, пробивая ее,
вывертывая на белом черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика,
русскому кажется пошлостью, и русский писатель кончал свой путь непременно той
или другой формой учительства и объявлял дело своей прошлой жизни
«художественной болтовней».

И если иные и не кончают учительством, а остаются художниками до конца, то это
художество не совсем свободно, в нем какой-то безумный загад смотреть и
радоваться солнышку, когда голова будет отрублена. Не знаю, кого бы назвать из
таких писателей?

Вероятно, если ничего не переменится, я сам буду такой...

И Толстой, и Гоголь, и Байрон, и, наверно, многие другие гениальные люди к концу
жизни относились к своему творчеству, как не к самому главному делу своей жизни.
Для всех них творчество было боевым путем к новому рождению в новой материи, к
преодолению смерти. Этот порыв к вечности, преодолевающей наше обычное чувство
времени, и является тем, что мы называем искусством.

* * *

1921–1927 годы. Разговор с самим собой.

– Я боюсь, что не успею высказаться в художественном произведении.

– Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на
место действия самой жизни, не становиться тем, что делает одна религия (дело
жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника
ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все
они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной
плоскости, чем искусство.

Художник должен быть скромн, потому что свет его, как лунный, только исходит от
солнца, но сам он – не солнце.

Сознание, что делаешь свое дело – вот счастье и награда художника, и это есть
добро, а не свое дело – несчастье, зло.

– Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским
большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества кажется
нельзя сказать «всего». Вот в этом и ошибка, потому что «всего» сказать
невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать «все», то
жизнь человека на земле бы окончилась...

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Претензия на учительство – это склероз великого искусства. Торопливость, стремление высказать всего себя за свою жизнь является от неверия в свою будущую жизнь, то есть что другой непременно придет, и если ты не докончишь свою мысль, то он докончит, и все тебе дорогое объявится в другом.

Этого чувства, обыкновенно, не хватает людям, и, держась за свою индивидуальность, как за свой дом, который непременно будет разрушен, они выходят из себя, из своей меры.

Вот источник претензии на учительство у художника.

Наука, – я понимаю науку в отношении к жизни против художества, – вроде того как законный брак и свободные отношения. Ведь как же делают ученые: раз получив от жизни какое-нибудь сильное впечатление, они остаются с ним навсегда и тащат сюда, как ломовые кони, возы чужих мыслей, впихивая таким образом свою находку в общее дело познания мира.

Художник, напротив, никогда не вступает с жизнью в законный брак. Он – как сама жизнь и, прожив одно, переходит к другому, заполняя промежутки «беспутством».

Утомительная и неверная жизнь, почти как акробата!

И пусть, утомленный, он прислонится к науке, морали или религии – это не остановит его: он и науку, и мораль, и религию сделает своей любовницей. И если они, все поняв, начнут давить его, – вдруг бросит их всех и уйдет сам с собой в пространство жизни, как ушел Лев Толстой из Ясной Поляны и умер на глухой станции, окруженный международными корреспондентами.

Да, невозможно жить и вечно иметь дело только с началами: всякое начало таит конец. Но нельзя и концами жить, как ученые, только в концах, – заниматься холодными кратерами мертвой планеты и не обрадоваться просто месяцу или звездам, ангельским душам

* * *

Получил письмо, в котором называют меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить. Интересно, что этот упрек в «добротe» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в «бесчеловечности». На самом деле я не так-то «добр» и не так-то бесчеловечен. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще – о природе от лица такого человека, который в жизни своей вовсе не был оскорблен, или преодолел свое оскорбление, вызывающее злобу. Я не беру такого человека из головы, не выдумываю, это я сам, поместивший с первых шагов занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной.

Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из этой части человеческого существа, и я взялся за нее, как за якорь личного спасения. Вот отчего в книгах я оптимист и совсем неисправимый... Если бы я ошибался, то, вероятно, давно бы попал в дом умалишенных, но выходит напротив, у меня появляются друзья все больше и больше... Я даже теперь настолько убедился в реальности своего поведения, что считаю себя первым настоящим коммунистом, потому что действительно новый мир можно построить только из неоскорбленного существа человека: «Красота спасет мир», – сказал Достоевский.

Сегодня я думал о своем серьезном занятии тем, что для всех служит забавой, отдыхом, потехой. Останусь ли я для потомства обычным русским чудачком, каким-то веселым отшельником, или это мое до смешного малое дело выведет мысль мою на широкий путь, и я останусь пионером-предтечей нового пути постижения «мира в себе»?

Что, если вдруг окажется, что накопленные человечеством материалы знания столь велики, что их охватить никакому уму невозможно; что в этих накопленных полубогатствах полу-ума заключается главная причина нашей современной растерянности, разброда и что людям от всего этого аналитического опыта надо отойти для простейших синтетических исследований; что на этом пути и надо ожидать гениального человека, который охватит весь окончательный опыт человечества?..

Глава 18
Тип и личность

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На днях я ощутил правду в слове, в этом слове, которым каждый из нас, не думая, делится и обходится с другим. И так, все счастье, вся красота и добро на земле зависят от нашего любовного внимания к каждому.

В лес вы идете за дровами, за грибами, за ягодами, или только послушать, о чем шепчутся деревья, птицы поют, и поглядеть, как звери выходят на тропы? Вы отвечаете, что идете в лес для него самого; хотите лес понять, каким он есть сам по себе.

А человек – разве это еще не больше, не таинственней леса? Так идите же к человеку тоже не за чем-нибудь, а к нему самому.

Быт – затертое понятие, надо его освежить, раскрыв его содержание как культуру личных отношений.

1922 год. О, не мысль мне дорога, нет! Мне дорога стала после многих страданий частица меня самого, тот остаток жизни: десяток, сотня, а может быть, тысяча и не одна грядущих дней, и ночей, и времен года. Я дорожу ими и вижу в них все: и дух, и материю, и народ, и литературу, и своих ребят, – все, точно так же, как в дни голода видел все – в куске черного хлеба.

Я обыватель! Я бытую и понимаю свое бытие как культуру личных отношений к людям и вещам. Непременно к вещам, потому что человек, считающий грехом сорить на полу и топтать ногами частицы солнечной энергии, заключенной в крошках хлеба, несомненно, и к людям относится лучше, чем сорящий на пол, небрежный...

Не может быть отсутствия поэзии там, где люди соединяются в добре, и что, значит, надо попробовать сделать в поэтическом плане какое-нибудь такое хозяйственное соединение. Если же не соединится, то в опыте раскроется, почему не выходит.

Поэтическое чувство исключительно редко выражается в слове. Поэтом можно быть в разных делах. Встречаются нередко люди: он был поэтом в своем деле и не знал этого, но лишь после, когда расстался с любимым делом, вспоминает о нем, как поэт. Так что можно жить поэзией, не сочиняя стихов и рассказов.

Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на себя это дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой.

Человека встречаешь и спрашиваешь себя, на кого он похож. И только уверившись, что существенное в этом человеке не его подобие с другими, а отличие от всех, начинаешь с интересом узнавать его и понимать в своеобразии. При чем же тут «тип»?

Типы у Гоголя – это издевательство величайшего личника над самым существом типа: человек, становящийся типом, тем самым становится мертвой душой. А у Достоевского типичны только второстепенные фигуры, все главные роли никем неповторимы.

В толпе на метро мелькнуло лицо, совершенно знакомое в деталях: губы, борода, щеки, нос, глаза – все это я видел и знал хорошо, но в целом сложенное из столь знакомых частей лицо оказалось лицом незнакомого человека. «Да как же так!» – говорил я себе, всматриваясь больше, больше, уверяясь в том, что как ни знакомо было лицо, но для знакомства чего-то не хватало. Вот это нехватящее в типах людей «что-то» и определяет самую душу человека или его личность. А в «типе» души нет.

Для автора нет типов, есть только личности, из которых читатели должны сделать типы. Так, Дон-Кихот начинался у Сервантеса какой-нибудь конкретной личностью.

Что, если сказать так характер, например Дон-Кихот, как единственное, неповторимое существо создает автор, в этом случае Сервантес. А тип Дон-Кихота делает читатель. От этого единственного характера пошли донкихоты, как дети автора и читателя.

Общество держится типами и движется характерами.

Типы оседают, а характеры выдвигаются.

* * *

До последней крайности надо беречься пользоваться философическими понятиями и держаться языка, которым мы перешептываемся обо всем с близким другом, понимая всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет пробовали сказать что-то философы и не сказали.

В жизни, кроме меня, действует другой человек, и путь к этому другу и есть наш жизненный путь.

Читал эпилог «Войны и мира» и вспоминал, что после чтения всякой философии остается некоторое смущение. Потихоньку от философа спрашиваешь себя: не в том ли цель философии, чтобы простую, ясную мысль, действующую полезно в голове каждого умного человека, вытащить, как пружинку из часов, и показать в бесполезном состоянии? Это можно видеть по «Войне и миру». Автор в эпилоге взял и вытащил всем напоказ пружинку, приводившую в движение художника, и читатель дивится, как могла такая жалкая пружинка приводить в движение такую чудесную жизнь.

Вот к чему и сказал мудрец: бойся философии, то есть бойся думать без участия сердца, и хорошо сказано, что «бойся» – это значит: думать надо, – думай, но бойся.

Если я по природе своей ученый, поэт и философ, а занимаюсь чем-нибудь практическим, просто для своего существования, то куда же девается моя наука, поэзия, философия? Думаю, что они входят в состав того простого, что я делаю и чем каждому из нас жизнь дорога. В этом смысле мы все поэты и философы и все сходимся в этом чем-то. Так вот, бывало, один обращается к другому с такими словами:

– Друг, скажи по правде.

И друг отвечает:

– По правде говорю тебе.

И вот эта правда понимания друг друга и есть наука простого человека, его философия и его поэзия.

В философии заключается соблазнительная лазейка удрать в иллюзорный мир и свалить с себя необходимую тягость борьбы за действительность. Потому-то вот и говорится: бойся философии.

Истинная же мудрость должна быть делом жизни, а не специальностью. Истинный мудрец, прежде всего, незаметен и прост, а на философа все пальцем показывают, потому что он рассеянный и о действительность спотыкается.

Ни за что в мире не отдам это счастье интимного общения с незнакомым русским человеком, как с родным. Это до того у нас повсюду у земли, что никто на это счастье не обращает внимания и думает, что так это и надо.

А мне надо было в молодости побыть за границей, на одном немецком языке посидеть несколько лет, чтобы понять и оценить эти соки земли.

Вот идет человек, бригадир стекольного завода. Прошлый раз впервые он увидел меня на лесной дороге с убитым чернышом. Он порадовался моей удаче, похвалил петуха, спросил, кто я, сказал, кто он, и мы разошлись, и больше ничего между нами не было. И вот он сейчас издали увидел меня, и не может сдержать радостную улыбку, и потом говорит со мной, как будто мы с детства знали друг друга.

...Что взять с нас, простецов... Может случиться, что у многотумных только пустые слова, а у простеца одно словечко, да туго-натуго налитое собственной кровью, и этим словечком решается все дело борьбы в жизни.

Пешеход творит пространство: чего только ни увидит странник на своем неторопливом пути. А самолет пожирает пространство. А вот об этом тоже надо подумать: конечно, исчезновение пространства – это факт нового времени... Но

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
человек без пространства в своих переживаниях тайных является теперь таким же таинственным и неразгаданным, как прежнее пространство (ландшафт).

Знаю, что все звезды со временем будут открыты, приблизятся к нам и станут не только сказками. Но никогда не откроется для всех ночью час спящего человека.

* * *

Этот ум жизненный, который у неграмотного человека работает ничуть не хуже, чем у профессора; ведь этим же умом какой-нибудь профессор Павлов делает свои открытия, не из книг же берет он свой ум! Между тем простым людям, приступающим к учению, кажется так, будто ученые думают особым книжным умом.

Неспелые души. «Мужики» Чехова прочел, как в первый раз. Значит, в то время я был такой, что они до меня «не доходили», как и вообще вся поэзия Чехова. Так что скорее всего душа моя раскрывается и вырастает только в опыте, что это самая поздняя душа из всех мне известных. У женщин души всегда поспевают поздно, помню сестру такой: лет в пятьдесят она стала умной, о матери и говорить нечего: в свои семьдесят пять лет она оставалась ребенком, и ей бы надо было жить непременно за сто. Вот эти нехватившие для зрелости ее души годы я теперь и доживаю.

Помню, тем и привлекательны были нам наши мужики, что у них почти у всех были души неспелые, и все грехи их: воровство, пьянство, грязь и прочее – были такого характера, что спроса за эти грехи не было, и это действительно были не грехи.

Нет! Вероятно, и даже наверно, я читал «Мужики» Чехова, но тогда своей неспелой душой не мог принять унылый тон чеховского рассказа.

Наверно, и рассказы мои восторженные о природе исходили от той же неспелой души. И если теперь в арифметической своей глубокой старости я пишу, как говорят, все лучше и лучше, то, значит, душа моя поспевает, молодая душа моей матери в старых годах.

А что, если я не один, а вся основная мужицкая масса русского народа состоит из неспелых душ, и этой же неспелостью души строится и вырастает будущее?

Чехов, любя, как русский человек, неспелые души мужиков, изображал их на фоне уныния интеллигентного человека, тогда как я очищаю их от грязи и сливаю в одно с природой, как все мы делаем то же с самой природой ранней весной: природа лежит вся в грязи, а мы уже чуем запах молодой коры и сквозь ветви не одетого леса видим небесную бирюзу.

Шел старик по улице с большим, тяжелым мешком за спиной. Он изредка лишь вскидывал на прохожих глаза, и видно было, что в глазах этих живет ум, только не сейчас: сейчас весь ум этого старика был в мешке.

Он. Дождь и хлопья мокрого снега. Седой старик в лаптях, в юбке из грязных мешков, с корзиной в руке стучит под окном и собирает ради Христа. И как подумаешь только, что «я» у этого ничего такой же единственный и исключительный орган восприятия мира, то есть я хочу сказать, что с его фактической и невольной точки зрения его бытие важнее всего в мире, а я, например, я – М. Пришвин, со своими рассказами, просто даже неведомое существо. Какой там я! – даже сам Пушкин... Ему просто и некогда о нас знать. Итак, этот «он» идет и месит грязь... Он, по всей вероятности, не только не мечтает, как я, о всяких волшебных возможностях, а даже ему жизнь есть тяжелое бремя. И он, если бы не веровал в Бога, с наслаждением лег бы под забором в грязь и к завтраму умер. И тем не менее, на одной точке земли он исключает меня, и на каких-то весах мы совершенно равны, – его «я» и мое.

Да, вот он и заворачивает ко мне, он просится в мой дом...

* * *

Хороший человек? Не будь плохого, как бы ты узнал, что он хорош: и чем хуже человек, тем лучше становится хороший.

Хороших людей гораздо больше, чем нам об этом говорят и чем мы сами об этом думаем тайно: мы боимся это сказать себе вслух, как боимся оставлять неприкрытым для общих глаз свое тело.

Есть люди столь значительные, что весть о их кончине не так уж и обидна: они живут в делах своих.

Пустыни, грязь, глинозем и всякие неудобства и некрасивости на земле преодолеваются широтой охвата зрения: надо подняться повыше.

Так точно мелочи человеческой жизни преодолеваются великодушием.

Чехов – поэт нежнейших прикосновений к страдающей душе человека, ему не хватает героических порывов, подобно Горькому. Но ведь кто из нас не пробовал героический путь! Всем хочется быть героями. Попробуют и останутся ни с чем. Бывало, в юности едешь домой героем: чего-чего о себе не надумаешь и везешь показать домой. А когда приехал, всего-то тебя рассмотрят, и тебе самому станет стыдно за свой надуманный героизм, за свою позу. Среди родных, просто любящих людей ты проверяешь себя и сбрасываешь все лишнее.

Вот Чехов и был у нас таким раздевальщиком «героев», читая Чехова, становится стыдно позировать. Чехов своим искусством давал нам образцы поведения, он был в числе десяти, двенадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. И это было согласно простому народу, который в наше время верил, что книги не пишутся, а падают с неба.

Вот почему теперь, в наше героическое время, и выдвигают Чехова как великого писателя.

В наше время героических требований к личности Чехов, яркий представитель нашего русского родного дома, каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет.

Есть люди такие хорошие, что все вопросы любви и брака, отношения индивидуальности к обществу лично их совершенно минуют, исчезая в их умном и добром управлении самими собой. Они проходят в жизни мало заметно, как неслышное тикание маятника и бой часов: надо нарочно прислушиваться. Есть, несомненно, значительное число таких достойных ритмических жизней, наличие которых в многочисленных массах простого безымянного народа столь же велико, как собрание культурных ценностей в интеллигентном обществе. Если бы не было такого ритма в безымянной жизни, соответствующего ритму, заключенному в культурных ценностях, то каким бы образом люди высокой культуры и простейшие, даже неграмотные труженики понимали и уважали друг друга?

Есть прекрасные деревья, которые до самых морозов сохраняют листву и после морозов до снежных метелей стоят зеленые. Они чудесны.

Так и люди есть – перенесли все на свете, а сами становятся до самой смерти все лучше. Есть такие люди...

1945 год. Рузвельт – великий человек потому, что на него глядят миллионы светящихся глаз и освещают его. Рузвельт велик, но не свободен. Стоит ему по личному желанию выйти из поля зрения светящихся глаз, как он теряет все свое величие и погружается во тьму.

Вот почему я предпочитаю Рузвельту жизнь ивановского червячка: светляк совершенно свободен – его свет исходит от своего фонарика.

Человек простой терпит все плохое, как будто на то и на свете живет, чтобы все сносить. Зато если вдруг придет счастье, то радуется и благодарит. Так и живет простой человек: если увидит, что где-то на пути ему плохо – постарается устранить плохое.

Но, работая и продвигаясь вперед, он оставляет другому лучинки, спички. И вот придет другой человек, и все готово ему. Тут он радуется, благодарит. И, уходя, готовит другим.

Простота жизни и мыслящее затишье с готовностью внимания ко всякому проходящему – вот я бы чего хотел сейчас для себя. И мне думается, к этому скоро прибегнут многие.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Есть красота, и есть служение красоте, и есть потребительское отношение к красоте: эстетизм. И очень похожий на эстетизм есть оптимизм, как, тоже вовсе не оправдываемая личным творчеством добра, вера в то, что все в мире идет к лучшему.

Бывают, однако, бедняки, жизнь которых – вечный подневольный труд, вечное бремя на службе, в семье. И вот если и они объявляют, что все в мире идет к лучшему – им можно верить: единственно они могут быть подлинными оптимистами.

* * *

..Как редко начисто хорошее и начисто дурное. Мне представляются дурные люди чем-то вроде океанских рифов, которые тем только отличаются от таких же камней, составляющих дно океана, что высунулись и мешают судоходству. А хорошие, как зеленые острова, тем хороши, что покрылись деревьями и цветами. Все остальное человечество разное показывается, большей частью оно бывает все хорошо, когда себе очень хорошо, и плохо, когда себе выйдет в жизни плохое.

Таким образом выходит, что любить и ненавидеть людей самих по себе почти не стоит... но любить и ненавидеть надо переходящий по людям в той или другой форме творческий дух. Без этой любви и ненависти невозможно самому принять участие в мировом творчестве жизни...

Разочарование в «счастье» происходит потому, что множество людей свои творческие возможности топит в привязанности к людям и так обманывается. Таким образом, большинство людей – это пленники «счастья», вначале фанатики, потом мизантропы.

Те немногие хорошие люди удивительны тем, что встречают тебя впервые, как будто давным-давно знали тебя как хорошего близкого человека.

Они видят общее всем людям присущее в них доброе начало и, посредством особого свойственного им родственного внимания, мгновенно как бы создают из тебя человека, и ты делаешься хорош сам по себе.

Они смотрят куда-то выше, но не мимо частных, и тем увлекают с собой.

Возможно, что и в их жизни была заминка личного счастья и оставила в них боль, но мне кажется, это не обязательно. Есть и «урожденно» хорошие люди (особенно из крестьян), не имеющие понятия о трагедии личного счастья.

Поэт не свободен в своей поэзии – его держит жизнь, он не свободен и в жизни – его держит поэзия.

..Из всего этого возникает вопрос: обязательно ли для жизни и творчества страдание личное, трагедия, или же эту трагедию, признавая как чисто личный путь, необязательный для других, надо таить в себе, как некоторые певцы и танцоры веселят людей, скрывая смертельную болезнь?

К людям приходиться надо с ценностями сверхличными, то есть сделай и покажи: пусть Реомюр станет реомюром. Такой подвиг есть необходимость в деле ученого и почему-то величайшая редкость у художника.

Глава 19

Мы с тобой

– Люди живут не по сказкам, но непременно, если, пережив, оглянуться на прошлое, то покажется, будто жизнь складывалась сказкой. Вот я свою сказку уже начинаю замечать.

– Но зачем это тебе нужно?

– Я не знаю зачем: это чувство себя самого, моя жизнь.

– Твоя личная жизнь, но кому это интересно?

– Это интересно всем, потому что из нас самих состоят «все». А ты как, разве не через себя самого узнаешь людей, общество?

Но зачем все о себе и себе... неопытному человеку может показаться, будто я действительно о себе это пишу, о себе, какой есть, – нет, нет! Это «я» мое –

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
часть великого мирового «Я», оно может свободно превращаться в того или другого человека, облекаться той или иной плотью.

Это «я» – вершинная линия, провешенная над бесчисленными «я» всяких ямок, долин, горушек, пригорков. Это «я» уже было, когда я маленький родился на безлесной равнине черноземной полосы.

..Я существую, да, я словом своим по силам своим жизнь изменяю, творю, значит, я существую. И вместе с этим все больше и больше овладевает мною мысль о каком-то хорошем месте моем в будущем сознании людей.

Когда это будет, и где, и как – я не могу сказать, но в том я уверен, что место свое найду, и эта вера моя есть требование моего человеческого смысла.

Говорят о какой-то баснословной расточительности природы в отношении семян, не подумав о том, что, может быть, самое семя и является целью производства в природе. А семя имеет еще отдельное специальное назначение, как человек, посвятивший себя искусству или рассказу о собственной жизни.

Видел когда-то и Рублева и Рафаэля, и ничего не понимал, а теперь сижу в глуши, ничего не вижу и все понимаю.

И я такой, рассчитанный на долгую жизнь, а другой (Лермонтов) рожден, чтобы вспыхнуть сразу весь. Как бы вам хотелось родиться, на долгую или на короткую жизнь? Хотите сразу сгореть, как Лермонтов, или жить, как я, долго-долго под хмурыми тучами и с каждым годом чувствовать, что тучи мало-помалу расходятся и вот-вот покажется солнце...

* * *

Есть мысли, которые можно вызывать, а есть, которые сами приходят. Вот когда мысль приходит сама, человек теряется, как будто это волна пришла и за первой волной – целое море.

Тогда чувствуешь, что рядом с тобой плечо о плечо идет другой человек, и он тоже с тобой все понимает и все разделяет. И ты, чувствуя, что ты не один, а двое сходятся в одной мысли, укрепляешься в ней и начинаешь верить себе.

И так создается действительность.

..В этом и есть очарование творчества: кажется, будто ты не один делал, а кто-то тебе помогал.

Настоящее писательство, впрочем, всегда вне себя, и всегда не от «я», а от «Мы» («Мы с тобой»).

Искусство – это радостная способность избавляться от себя на какое-то время.

Чувствую, конечно, только через «я», но у меня есть вера, что ты где-нибудь существуешь, понимаешь меня, и я со своей поэзией, как по мосту, перехожу к тебе, подаю свою руку, передаю себя тебе в продолжение.

Реальная жизнь общества состоит во взаимодействии «я» и «ты».

– Ты голоден – я тебя накормлю, ты одинок, я тебя полюблю, – вот действительные реальные основы общественности.

* * *

Есть вещи и явления, названные кем-то и когда-то и потерявшие в движении времени смысл своего имени. И вот весь труд писателя, бывает, сводится к борьбе за настоящее имя тому, что все знают и называют именем, потерявшим всякий современный смысл.

В таком-то значении я и требую от настоящего писателя, чтобы он был современным, а из имен, требующих раскрытия в отношении современности, это прежде всех слов – любовь.

Тайну творчества надо искать в любви. Все мы помним, что когда кто из нас влюблен, то, бывало, и все люди на свете хороши. Так и в творчестве есть мысль –

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
не мысль, а что-то единое сердца, ума и воли.

Если ты нашел в глубине себя мысль, то везде она, эта мысль: смотри в лес – и там листики и птички по-своему о ней говорят, смотри на большую улицу – и люди шепчут между собой о том же, и даже если усердно будешь смотреть в телескоп, то и там, и везде, и во всем как в тебе.

Сущность творчества, его самый глубокий секрет в том, чтобы находить в себе и для всех эту мысль.

Да, так и можно сказать, что всякое истинное творчество есть замаскированная встреча близких людей. Часто эти близкие живут на таких отдаленных окраинах места и времени, что без помощи книги, картины или звука никогда бы не могли друг друга узнать.

Через тоску, через муку, через смерть, через все препятствия сила творчества выводит одного человека навстречу другому.

Нам почему-то кажется, если это птицы – то они много летают, если это лани или тигры, то непрерывно бегают, прыгают. На самом деле птицы больше сидят, чем летают, тигры очень ленивые, лани пасутся и только шевелят губами.

Так и люди тоже. Мы думаем, что жизнь людей наполняется любовью, а когда спросим себя и других – кто сколько любил, и оказывается – вот так мало! Вот как мы тоже ленивы!

Когда теплый луч нагреет кору и на белую бересту сядет большая сонная черная муха и полетит дальше;

когда надутые почки создадут такую шоколадного цвета густоту кроны, что птица сядет и скроется;

когда в густоте коричневой на тонких веточках изредка некоторые почки раскроются, как удивленные птички с зелеными крыльшками;

когда появится сережка, как вилочка о двух и о трех рожках;

когда вдруг в хороший день сережки станут золотыми, и вся береза стоит золотая, и когда, наконец, войдешь в березовую рощу, и тебя обнимет всего зеленая прозрачная сень...

– тогда по жизни одной любимой березки поймешь жизнь всей весны и всего человека в его первой любви, определяющей всю его жизнь.

* * *

Было во время дождя: катились навстречу друг другу по телеграфной проволоке две капли. Они бы встретились и одной большой каплей упали на землю, но какая-то птица, пролетая, задела проволоку, и капли упали на землю до встречи друг с другом.

Вот и все о каплях, и их судьба для нас исчезает в сырой земле. Но по себе мы, люди, знаем, что нарушенное движение двух навстречу друг другу и там, в этой темной земле, продолжается.

И так много волнующих книг написано о возможности встречи двух стремящихся одно к другому существ, что довольно бегущих по проволоке двух дождевых капель, чтобы заняться новой возможностью встреч в судьбе человеческой.

Сегодня, друг мой, в Москве на Тверской я увидел, как два пожилых гражданина встретились и вдруг узнали один другого, наверно, не встречаясь полвека, один воскликнул: «Сереза!», другой: «Миша!» – и обнялись.

Я завидовал им: «Вот наговорятся-то!..»

Вот и я так думаю иногда о себе: и мне когда-нибудь встретится друг, и я выскажусь до конца...

Такой я не один, и, значит, лирика моя в романе имеет всемирное значение жажды

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
затерянного человека найти родную душу для встречи.

Одной сказать можно, а ее нет...

Неведомый друг! Как глубоко он скрывается как невозможно трудна наша встреча!
Писать именно и надо об этом...

Кончились люди. Луна. Звезды. Огромные деревья. И я, томящийся по другу,
которому надо о всем этом сказать.

О, как опошлено французское «ищите женщину»! А между тем это истина. Все музы
опошлены, но священный огонь продолжает гореть и в наше время, как горел он с
незапамятных времен истории человека на земле. Вот и мое писательство все от
начала до конца есть робкая, очень стыдливая песнь какого-то существа, поющего в
весеннем хоре природы единственное слово: «Приди!»

Мутный едет Дон-Кихот на коне за своей прекрасной дамой, он стар, и никогда ему
к ней не доехать.

Прыгает от женщины к женщине Дон-Жуан, прекрасный тем, что он то умирает, то
воскресает, неустанно стремясь к гибели и презирая ее... Прекрасная дама и ему
не достанется.

Но прекрасная дама приходит неузнанной, не ведомой никому подругой в
таинственной чудесной жизни.

Поздней осенью бывает иногда совсем как ранней весной: там белый снег, там
черная земля. Только весной из проталин пахнет землей, а осенью снегом. Так
непрерывно бывает: мы привыкаем к снегу зимой, и весной нам пахнет земля, а
летом принимаемся к земле, и поздней осенью пахнет нам снегом.

Редко бывает, проглянет солнце на какой-нибудь час, но зато какая же это
радость! Тогда большое удовольствие доставляет нам какой-нибудь десяток уже
замерзших, но уцелевших от бурь листьев на иве или очень маленький голубой
цветок под ногой.

Наклоняясь к голубому цветку и с удивлением узнаю в нем Ивана: это один Иван
остался от прежнего двойного цветка, всем известного Ивана-да-Марьи.

По правде говоря, Иван не настоящий цветок. Он сложен из очень мелких кудрявых
листочков, и только цвет его фиолетовый, за то его и называют цветком. Настоящий
цветок с пестиками и тычинками только желтая Марья. Это от Марьи упали на
осеннюю землю семена, чтобы в новом году опять покрыть землю Иванами и Марьями.
Дело Марьи много труднее, вот, верно, потому она и опала раньше Ивана.

Но мне нравится, что Иван перенес морозы и даже заголубел. Провожая глазами
голубой цветок поздней осени, я говорю потихоньку:

– Иван, Иван, где теперь твоя Марья?

Глава 20

Фацелия

Давным-давно это было, но быльем еще не поросло, и я не дам порастать, пока сам
буду жив. В то далекое «чеховское» время мы, два агронома, люди между собой
почти незнакомые, ехали в тележке в старый Волоколамский уезд по делам
травосеяния. По пути нам было целое поле цветущей синей медоносной травы
фацелии. В солнечный день, среди нашей нежной подмосковной природы, это яркое
поле цветов казалось чудесным явлением. Синие птицы как будто бы из далекой
страны прилетели, ночевали тут и оставили после себя это синее поле. Сколько же
там, мне думалось, в этой медоносной синей траве, теперь гудит насекомых. Но
ничего не было слышно из-за тарактеня тележки по сухой дороге. Очарованный этой
силой земли, я забыл о делах травосеяния и, только чтоб послушать гул жизни в
цветах, попросил товарища остановить лошадь.

Сколько времени мы стояли, сколько я был там с синими птицами, не могу сказать.
Полетав душой вместе с пчелами, я обратился к агроному, чтобы он тронул лошадь,
и тут только заметил, что этот тучный человек с круглым заветренным
простонародным лицом наблюдал меня и разглядывал с удивлением.

– Зачем мы остановились? – спросил он.

– Да вот, – ответил я, – пчел мне захотелось послушать.

Агроном тронул лошадь. Теперь я, в свою очередь, взгляделся в него сбоку и что-то заметил. Еще раз глянул на него, еще – и понял, что этот до крайности практичный человек тоже о чем-то задумался, поняв через посредство, быть может, меня роскошную силу цветов этой фацелии.

Его молчанье мне становилось неловким. Я спросил его о чем-то незначительном, лишь бы не молчать, но он на вопрос мой не обратил ни малейшего внимания. Похоже было, что мое какое-то неделовое отношение к природе, быть может, просто даже молодость моя, почти юность, вызвали в нем свое собственное время, когда каждый почти бывает поэтом.

Чтобы окончательно вернуть этого тучного красного человека с широким затылком к действительной жизни, я поставил ему по тому времени очень серьезный практический вопрос.

– По-моему, – сказал я, – без поддержки кооперации наша пропаганда травосеяния – пустая болтовня

– А была ли у вас, – спросил он, – когда-нибудь своя фацелия?

– Как так? – изумился я.

– Ну да, – повторил он, – была ли она?

Я понял и ответил, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе...

– И приходила? – продолжал он свой допрос.

– Да, приходила...

– Куда же делась-то?

Мне стало больно. Я ничего не сказал, но только слегка руками развел: в смысле: нет ее, исчезла. Потом, подумав, сказал о фацелии.

– Как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья.

Он помолчал, глубоко взгляделся в меня и заключил по-своему:

– Ну, значит, больше она уже не придет. И, оглядев синее поле фацелии, сказал:

– От синей птицы это лежат только синие перышки.

Мне показалось, будто он силился, силился и, наконец, завалил над моей могилой плиту: я ждал до сих пор, а тут как будто навсегда кончилось, и она никогда не придет

Сам же он вдруг зарыдал. Тогда для меня его широкий затылок, его плутоватые, залитые жиром глазки, его мясистый подбородок исчезли, и стало жаль человека, всего человека в его вспышках жизненной силы. Я хотел сказать ему что-то хорошее, взял вожжи в свои руки, подъехал к воде; намочил платок, освежил его. Вскоре он оправился, вытер глаза, взял вожжи опять в свои руки, и мы поехали по-прежнему.

Через некоторое время я решился опять высказать, как мне казалось тогда, вполне самостоятельную мысль о травосеянии, что без поддержки кооперации мы никогда не убедим крестьян ввести в севооборот клевер.

– А ночки-то были? – спросил он, не обращая никакого внимания на мои деловые слова.

– Конечно, были, – ответил я, как настоящий мужчина. Он опять задумался и – такой мучитель! – опять спросил:

– Что же, одна только ночка была?

Мне надоело, я чуть-чуть рассердился, овладел собой и на вопрос, одна или две, ответил словами Пушкина. «Вся жизнь – одна ли, две ли ночи».

На иных березах, обращенных к солнцу, появились сережки золотые, чудесные, нерукотворные. На других только наклюнулись почки, на третьих раскрылись и уселись, как удивленные всему на свете, маленькие зеленые птички. Там на тонких веточках сидят, вот и там, и там... И все это нам, людям, не просто почки, а мгновенья- пропустим – не вернуться. И только из множества множеств кто-то один счастливец, стоящий на очереди, осмелеет, протянет руку и успеет схватить.

Ночью мысль какая-то неясная была в душе, я вышел на воздух и мысль свою в реке увидал.

Вчера эта река при открытом небе перекликалась со звездами, со всем миром. Сегодня закрылось небо, и река лежала под тучами, как под одеялом, и больше с миром не перекликалась, – нет! И вот тут-то я узнал в реке свою мысль о себе, что невиновен я тоже, как и река, если не могу перекликаться со всем миром, закрытый от него темными покрывалами моей тоски об утраченной фацелии. Так я и видел эту реку, что под темными тучами не могла перекликаться со всеми, но все равно оставалась рекой и сияла во тьме, и бежала. А в темноте под тучами рыба, чуя тепло в природе, плескалась гораздо сильнее и громче вчерашнего, когда звезды сияли и сильно морозило.

Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет: «Нет опоры в поэзии: роса высохнет, птицы улетят, тугие грибы все развалятся в прах... Нет опоры...» И так надо мне эту разлуку принять и куда-то лететь вместе с листьями.

Все было прекрасно на этой тяге, но вальдшнеп не прилетел. Я погрузился в свои воспоминания: сейчас вот вальдшнеп не прилетел, а в далеком прошлом – она не пришла. Она любила меня, но ей казалось этого недостаточно, чтобы ответить вполне моему сильному чувству. И она не пришла. И так я ушел с этой «тяги» своей и больше не встречал ее никогда.

Такой сейчас чудесный вечер, птицы поют, все есть, но вальдшнеп не прилетел. Столкнулись две струйки в ручье, послышался всплеск, и ничего: по-прежнему вода мягко катится по весеннему лугу.

А после оказалось, раздумывал я: из этого, что она не пришла, сложилось счастье моей жизни. Вышло так, что образ ее мало-помалу с годами исчезал, а чувство оставалось и жило в вечных поисках образа, и не находило его, обращаясь с родственным вниманием к явлениям жизни всей нашей земли, всего мира. Так на место одного лица стало все, как лицо, и я любовался всю жизнь свою чертами этого необъятного лица, каждую весну что-то прибавлял к своим наблюдениям. Я был счастлив, и единственно, чего мне еще не хватало, это, чтобы счастливы, как я, были все.

Так вот оно чем объясняется, что моя литература остается жить, потому что это моя собственная жизнь и всякий, кажется мне, мог бы, как я: попробуй-ка, забудь свои неудачи в любви и перенеси свое чувство в слово, и у тебя будут непременно читатели.

И я думаю теперь, что счастье вовсе не зависит от того, пришла она или не пришла, счастье зависит лишь от любви, была она или не была, самая любовь есть счастье, и эту любовь нельзя отделять от «таланта».

Так я думал, пока не стемнело, и я вдруг понял, что больше вальдшнеп не прилетит. Тогда резкая боль пронзила меня, и я прошептал про себя: «Охотник, охотник, отчего ты тогда ее не удержал!»

Дочь фацелии. Я потерял ее вовсе из виду, и с тех пор много лет прошло. Я до того утратил ее черты, что не мог бы по лицу узнать ее. И только вот одни глаза, похожие на две северные звездочки, это я бы, конечно, узнал.

И случилось однажды: я зашел в комиссионный магазин купить себе одну вещь. Мне

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
удалось эту вещь найти и купить. С чеком в руке я стал в очередь. Рядом же была очередь вторая, из тех, у кого были только крупные деньги: в кассе не было разменных денег. Одна молодая женщина из той очереди попросила у меня разменять пять рублей: ей нужно было всего лишь два рубля. У меня было мелких только два рубля, и я охотно предложил взять от меня эти два рубля...

Вероятно, она не поняла меня, что я желаю просто отдать ей, подарить деньги. А может быть, она была такая милая, что победила в себе чувство ложного стыда и хотела стать выше условных мелочей. К сожалению, протягивая деньги, я взглянул на нее и вдруг узнал те самые глаза, те самые две северные звездочки, как у фацелии. В одно мгновение это я успел через глаза заглянуть внутрь ее души и мне успело мелькнуть, что, может быть, это дочь «ее»...

Но денег от меня после такого заглядывания взять оказалось невозможным. А может быть, она только тут успела сообразить, что деньги я хочу ей, незнакомой, подарить.

Подумаешь, деньги-то какие, всего два рубля! Я протянул руку с деньгами.

– Нет! – сказала она. – Так взять я от вас не могу.

А я-то в ту минуту, узнавая те глаза, готов был отдать ей все, что у меня было, я готов был по одному ее слову побежать куда-то и принести ей еще и еще...

Умоляющим взглядом, как нищий из нищих, я поглядел и попросил:

– Возьмите же...

– Нет! – повторила она.

И когда у меня сделался вид совершенно несчастного, брошенного, измученного бездомным человеком, она что-то вдруг поняла, улыбнулась той самой прежней своей улыбкой фацелии и сказала:

– Мы сделаем так вы у меня возьмете пять рублей и мне дадите два. Хотите?

С восторгом я взял у нее пять рублей и видел, что восторг мой она хорошо поняла и оценила

Думал о старой липе с такой морщинистой корой. Сколько времени она утешала старого хозяина и утешает меня, вовсе и не думая ничего о нас! Я смотрю на ее бескорыстное служение людям, и у меня, как душистый липовый цвет, распускается надежда: может, когда-нибудь и я вместе с ней процвету.

Горе, скопляясь в одной душе больше и больше, может в какой-то прекрасный день вспыхнуть, как сено, и все сгореть огнем необычайной радости.

Почки раскрываются, шоколадные с зелеными хвостиками, и на каждом зеленом клювике висит большая прозрачная светлая капля.

Возьмешь одну почку, разотрешь между пальцами и потом долго все пахнет тебе ароматной смолой березы, тополя или особенным воспоминательным запахом черемухи: вспоминаешь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодками, блестящими, черно-лаковыми, и ел их горстями прямо с косточками, и почему-то от этого никогда ничего, кроме хорошего, не бывало.

Вечер теплый, и такая тишина, что ждешь чего-то напряженно: должно же что-нибудь случиться в такой тишине. И вот, кажется, пришло: кажется, начинают шептаться между собой деревья: береза белая с другой березой белой издали перекликаются, осинка молодая стала на поляне, как зеленая свеча, находит себе такую же свечу, черемуха черемухе подает ветку с раскрытыми почками. И так, если с нами сравнить, мы звуками перекликаемся, а у них аромат: сейчас каждая порода окружена своим ароматом.

Когда начало темнеть, стали в темноте исчезать почки, но капли на них светились, и даже когда ничего нельзя было понять в темной тесноте кустарников, капли светились, одни только капли да небо: капли брали у неба свой свет и светили нам в темном лесу.

Мне казалось, будто я весь собрался в одну смолистую почку и хочу раскрыться навстречу единственному неведомому другу, такому прекрасному, что при одном только ожидании его все преграды движению моему рассыпаются ничтожной пылью.

Кукушка во время моего отдыха на поваленной березе, не заметив меня, села где-то почти рядом и с каким-то придыханием, вроде того, как если бы нам сказать: «А ну-ка, попробую, что будет?» – кукунула.

– Раз! – сказал я, по старой привычке загадывая, сколько лет еще остается мне жить.

– Два!

И только она выговорила свое «ку» из третьего раза, и только я собрался сказать свое «три»... – Кук! – выговорила она и улетела.

Свое «три» я так и не сказал. Маловато вышло мне жить, но это не обидно, я достаточно жил, а вот обидно, что если эти два с чем-то года будешь все собираться для какого-нибудь большого дела, и вот соберешься, начнешь, а там вдруг «кук»... Все кончится!

Так стоит ли собираться?

«Не стоит!» – подумал я.

Но, встав, бросил последний взгляд на березу – и сразу все расцвело в душе моей: эта чудесная упавшая береза для последней своей, для одной только нынешней весны раскрывает смолистые почки.

Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов.

И мне так хорошо было пройтись по этому лугу; я думал: «Значит, не даром неслись весной мутные потоки».

Солнышко на восходе показалось и мягко закрылось, пошел дождь, такой теплый и живительный для растения, как нам любовь.

Да, этот теплый дождь, падающий на смолистые почки оживающих растений, так нежно касается коры, прямо тут же под каплями изменяющей цвет, что чувствуешь: эта теплая небесная вода для растений то же самое, что для нас любовь. И та же самая любовь, как и у нас, та же самая их вода – любовь – внизу обмывала, ласкала корни высокого дерева, и вот оно сейчас от этой любви – воды – рухнуло и стало мостом с одного берега на другой, а небесный дождь – любовь – продолжает падать и на поваленное дерево с обнаженными корнями, и от этой самой любви, от которой оно повалилось, теперь раскрываются почки и пахнут смолистыми ароматами, и будет оно цвести этой весной, как и все, цвести и давать жизнь другим...

Животным, от букашки до человека, самая близкая стихия – это любовь, а растениям – вода: они жаждут ее, и она к ним приходит с земли и с неба, как у нас бывает земная любовь и небесная...

Чашка с молоком стояла возле носа Лады, она отвертывалась. Позвали меня. «Лада, – сказал я, – надо поесть». Она подняла голову, забила прутом. Я погладил ее, от ласки жизнь заиграла в ее глазах. «Кушай, Лада», – повторил я и подвинул блюдце поближе.

Она протянула нос к молоку и залакала. Значит, через мою ласку ей жизни прибавилось. И, может быть, именно эти несколько глотков молока решали борьбу в пользу жизни. Таким глотком молока и решается в мире дело любви.

Цветут сначала ландыши, потом шиповник всему есть свое время цвести. Но бывает, целый месяц пройдет с тех пор, как отцветут ландыши, а где-нибудь в самой черной лесной глуши цветет себе один и благоухает. И так очень редко, но бывает и с человеком. Бывает, где-то в затишье, в тени жизненной неизвестный человек; о нем думают: «отжил» – и мимо пройдут. А он вдруг неожиданно выйдет, засветится и зацветет.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Радость какая! На лугу в лесу встретилась ромашка, самая обыкновенная «любит – не любит». При этой радостной встрече я вернулся к мысли о том, что лес раскрывается только для тех, кто умеет чувствовать к его существам родственное внимание. Вот эта первая ромашка, завидев идущего, загадывает: «любит – не любит?» «Не заметил, проходит, не видя: не любит, любит только себя. Или заметил... О, радость какая: он любит! Но если он любит, то как все хорошо: если он любит, то может даже сорвать».

Никаких следов того, что люди называют любовью, не было в жизни этого старого художника. Вся любовь его, все, чем люди живут для себя, у него было отдано искусству. Обвеянный своими видениями, окутанный вуалью поэзии, он сохранился ребенком, удовлетворяясь взрывами смертельной тоски и опьянением радостью от жизни природы. Прошло бы, может быть, немного времени, и он умер, уверенный, что такая и есть вся жизнь на земле...

Но вот однажды пришла к нему женщина, и он ей, а не мечте своей, пролепетал свое «люблю».

Так все говорят, и Фацелия, ожидая от художника особенного и необыкновенного выражения чувства, спросила:

– А что это значит, «люблю»?

– Это значит, – сказал он, – что если у меня останется последний кусок хлеба, я не стану его есть и отдам тебе, если ты будешь больна, я не отойду от тебя, если для тебя надо будет работать, я впрягусь, как осел...

И он еще много насаждал ей такого, что люди выносят из-за любви.

Фацелия напрасно ждала небывалого.

– Отдать последний кусок хлеба, ходить за больной, работать ослом, – повторила она, – да ведь это же у всех, так все делают...

– А мне этого и хочется, – ответил художник, – чтобы у меня было теперь, как у всех. Я же об этом именно и говорю, что наконец-то испытываю великое счастье не считать себя человеком особенным, одиноким и быть как все хорошие люди.

Глава 21

Любовь

В «фацелии» намечена, но не совсем раскрыта тема первенства жизни перед искусством: я говорю о жизни, преображенной деятельностью человека, такой совершенной, что искусство является перед ней только средством, пройденным путем (как ожидание друга и самый друг).

Искусство рождается в бездомье. Я писал письма и повести, адресованные к далекому неведомому другу, но когда друг пришел, искусство мое уступило жизни. Я говорю, конечно, не о домашнем уюте, а о жизни, которая значит больше искусства.

– Есть ли такая жизнь?

– А как же? Если бы не было такой жизни, то откуда бы взяться и самому искусству?

Так часто бывает у авторов с критиками. Автор пишет как единственный и о том, чего для всех не было, а критик судит его с точки зрения того, что бывает у всех, и в случае, если ему нравится, говорит: «Так бывает!» А когда не нравится, говорит: «Так не бывает!»

А по-настоящему автор должен представить бывалое и понятное с точки зрения небывалого: то и другое должно сойтись в единстве как художественное произведение. В творчестве совершается чудо: небывалое является как бывалое, родное, знакомое.

Когда встретилось мое небывалое с ее небывалым, то получилось, как в алгебре, когда при умножении минуса на минус получается плюс. Этот наш плюс и есть та реальность, которой живут «все хорошие люди».

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вот где корень «фацелии» – стремление к любви, как у всех.

* * *

Всю жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит.

Мне кажется, если бы меня спросили, что такое «душа», я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа – это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т. п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлениях души примитивным человеком, как некоей сущности, обитающей в теле. И все это понимание души было бы не о своей душе, а как говорят и думают о ней все люди.

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда проливал потихоньку слезы о том, что я вышел на свет не такой, как все. Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет я через это страданье узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все, не может произойти иначе, как через раскрытие в глазах всех себя самого...

И еще прошло много времени, пока я понял, что желание быть как все во мне было желанием любви.

И еще совсем недавно я, наконец-то, понял, что это стремление любить и было действием души моей, и что душа – это и значит – любовь.

* * *

– Все что-то делают...

– А разве это не дело – складывать две жизни в одну?

..Мы тогда не летели, не плыли, а делали свою новую жизнь...

Из двух разных источников вытекает довольство счастливых и творческая радость.

Счастье у людей «выходит» иногда, а радость достигается...

Счастье. Меня вчера окружили в парке женщины и, узнав, начали объясняться в любви.

– У вас, наверно, было счастливое детство? – спросила одна.

– Без обиды не обошлось, – ответил я, – но счастье мне было не в детстве, а в том, что я обиду свою обошел.

Мы все должны зализать свою рану. Заживил – и счастлив. Мы должны сделать свое счастье.

Да, конечно, счастье необходимо, но какое? Есть счастье – случай, – это Бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло, как заслуга.

Вот друг мой – это, конечно, мое счастье. Но разве я-то не заслужил его? С каких далеких лет я за такое счастье страдал и сколько лет в упорном труде обходил свою личную обиду, достигал признания общества и чего-чего только не терпел. Нет, нет! Я счастье свое заслужил, и если каждый соберет столько усилий, чтобы обойти свою обиду, то почти каждый будет счастливым.

* * *

«Сущность жизни, – сказала она, – есть любовь, а борьба только средство: борьба за любовь. Но пусть останется так: на первом месте в словесном выражении будет стоять борьба, а в невыразимом молчании будет любовь».

Если душа болит, разве же не ясно, как быть? Надо положить душу свою за друга – и будешь здоров.

Утренняя мысль о том, что соединяет в человеке дела его и мысли:

Не то ли мы называем любовью, что соединяет в единство дела и мысль человека?

* * *

Я опоздал к воде, все лесные ручьи сбегали в реку, и по реке вода ушла в далекое море. Теперь река величаво и спокойно идет в своих берегах. Я к весне опоздал и чувствую, что все богатства, какие рождались во мне когда-то весной, сбегали ручьями в одно сердце и все, что рождается во мне, – все сбегается рекой в это море-сердце. Ничего со мной необычайного не случилось: моя река вошла в свои берега.

Ни сожаления, ни упрека в измене весне я сделать себе не могу. Это сделалось не моей же волей. Ни в весне, ни в поэзии не узнавал себя, – только в любви. Я впервые узнал себя в ней, я впервые измерил себя, оценил.

Писал интимные страницы о женщине, в них чего-то не хватало... Она чуть-чуть поправила, только прикоснулась, и эти же страницы стали прекрасными.

Вот этого-то мне и не хватало всю жизнь, чтобы моей поэзии коснулась женщина.

Принесли спелую ягоду земляники и с полностью сохранившимся под ягодой белым венчиком цветка: и плод и цвет вместе. Рядом с этой спелой ягодой на другой веточке была другая, совсем еще зелененькая ягодка, и тоже с белым цветком.

Мы все осмотрели удивительное явление природы и все, плохо зная ботанику, не знали, что и сказать.

– Значит, природа такая, – сказал простой человек, – и плод поспевает, и цвет остается.

А подруга моя указала на меня:

– Вот это он!

Случается на трудной работе, когда час решает за год, будто кто-то придет к тебе и подскажет, как надо сделать, и ты это сделаешь, и потом сам себе удивишься. Так годы и десятки лет проходят в труде, и это уже станет в привычку ждать помощи от неведомого друга. Не все в этом разбираются, не все замечают, но у всех он есть, такой друг-советчик, и, наверно, поэты его-то и называют музой своей...

Иногда до того близко чувствуешь, бывало, возле своего труда этого друга, что кажется, вспомнить бы в то время, спросить бы его, где он живет, как его вызвать в трудную минуту, и он бы ответил, и ты бы знал и был бы в жизни самым счастливым.

Но счастливое мгновение проходит, и ты не спросил, а когда станет опять очень трудно, то опять мучиться и не знаешь, куда обратиться, – на восток или на запад, чтобы позвать его. Кличешь на север, на юг – и не приходит, а умолк и опустил руки в изнеможении – глядишь, он тут, и работает за тебя. Увидишь, обрадуешься и, конечно, опять забудешь спросить, где он живет.

Наконец он пришел, мой неведомый друг, и больше меня не покидает. Я теперь больше не спрашиваю, где он живет: на востоке, на западе, на юге или на севере.

Теперь я знаю: он живет в сердце моей возлюбленной.

Ночью думал о двух любвях. Одна, как у животных: получил и отпихнул ногой или швырнул, как Стенька швырнул в Волгу свою княжну, как огромное большинство мужчин, не исключая самого Льва Толстого, представляют себе любовь к женщине.

И другая любовь, в которой приходит свое утверждение никому не ведомым каким-то прекрасным чертам любимого человека, любовь, как признание, как выход одинокому в «люди».

Мы измеряем любовь [людей] по делам их, направленным к счастью нового человека.

В таком понимании любовь называется браком. Скорее всего, творчество

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
определяется таким же гармоническим соотношением мужских и женских элементов души человека, как и в браке, и рождением долговременных произведений искусства, и их влиянием на потомство.

Поэтическое дарование имеет судьбу ту же самую, что и любовь: всеобщее дарование. И любовь иных приводит к браку и рождению детей чудесных, и та же любовь является беспутством.

Так и поэзия приводит к браку личности с обществом или только к беспутству.

* * *

Каждая семья окружена своей тайной, которая непонятна не только окружающим, но, пожалуй, еще больше непонятна самим членам семьи. Это происходит оттого, что брак есть не «могила любви», как думают, а личная, значит, священная война. Вступая в брак, данное лицо с его волей встречает другую, ограничивающую его волю, и тем самым является «тайна» двух, состоящих в борьбе с неизвестным концом.

В этой борьбе случаются как бы обвалы, в которых жизнь рассыпается, и посторонние люди по обломкам могут прочесть тайну семьи. Такой обвал был в семье Л. Толстого.

Любовь – это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем.

Большая вода выходит из своих берегов и далеко разливается. Но и малый ручей спешит к большой воде и достигает даже и океана.

Только стоячая вода остается для себя стоять, тухнет и зеленеет.

Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону.

И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже как стоячая вода.

Как любовь у животных – и что мы сделали с этой любовью, так и простые полевые цветы – и над чем потрудились, постарался человек! Вся эта наша сложная любовь, как она представлена в романах, там, если вникнуть, записана она тоже в цветах.

Может быть, не разумом, главное, отличается человек от животного, а стыдом.. Вот именно с тех пор, как человек почувствовал стыд, русло реки природы сместилось и осталось в старице; человек в своем движении вырыл новое русло и потек, все прибывая, а природа течет по старице, все убывая. На свои берега человек сам переносит и устраивает по-своему все, что когда-то он взял у старой природы.

Сад цветет, и каждый нагружается в нем ароматом. Так и человек бывает, как цветущий сад: любит всех, и каждый в его любовь входит.

Начало любви – во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва.

Но мне кажется, любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей, – ручей любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан, который так же, как и сад цветущий, существует и для всех, и для каждого.

* * *

Нет нам, людям, в природе дороже и ближе примера весной, когда слышно, как лопаются набухшие почки. Тогда мы думаем о себе: «Мы-то, люди, каждый в отдельности, разве не похожи на почку в то время, как она вздувается, – эту чешуйку, заключающую в себе будущее дерево? Разве не чувствуем мы ее в себе, как отделяющее нас тело от всего великого мира природы?»

Чувством собственного разделено наше тело от мира природы, и мы стремимся так закрепить его, всю жизнь мы тратим на то, чтобы наша почка не лопнула. Но как ни бьются люди над собой, чтобы заморить заключенную в себе жизнь, приходит весна, почки лопаются, зеленое содержимое выходит на свет, и мы же, заскорузлые собственники заключенной природы, называемой телом, приходим в восторг, и это великое чувство свободной жизни называем любовью.

Глава 22

Сомнение

Сомневаться в глубине себя надо во всем, не говоря уже о достоинствах любимого человека.

У людей сомнения разрешаются по способностям: глупым вообще нельзя сомневаться, и потом дальше, смотря по степени ума, поднимаются вверх, как по лесенке, озираясь вниз с улыбкой на пройденный путь. Так, в борьбе с сомнениями, как с бесами, разрушая их светом высшего разума, можно достигнуть высоты

Насколько это трудно, можно понять по Лютеру, который, уже на высокой ступени развития, запустил в черта чернильницей.

Жизнь изменчива: «Привыкну – разлюблю тотчас». А корректив страсти останется, несмотря ни на что, в силе: нет ее – ничего нет, как нет дыма без огня...

Не страшусь! – сказал Михаил. – У меня есть своя звезда: нет огня на земле – я возьму на звезде.

Ежедневно я борюсь в себе с твоими недостатками, отбрасывая их как несущественное, и очищаю от них твою душу, которую вижу.

Точно так же и природа: мое чувство природы опирается на дело, я пишу, – это все равно что возделываю сад, и у меня вырастают деревья, и плоды их достаются не мне.

И я это именно счастьем своим считаю, что плоды моего сада всем достаются, и эту творческую силу я называю любовью.

* * *

...Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя...

Гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нем вместе с кем-то другим.

До тех пор пока я был в расплохе и не мог понять этих естественных правил, мне кажется теперь, в то время не было у меня ни мыла, ни полотенца, и я ходил неумытым.

Если думать о ней, глядя ей прямо в лицо, а не как-нибудь со стороны, или «по поводу», то поэзия ко мне прямо ручьем бежит. Тогда кажется, будто любовь и поэзия – два названия одного и того же источника. Но это не совсем верно: поэзия не может заменить всю любовь и только вытекает из нее, как из озера.

Я будто живую воду достаю из глубокого колодца ее души, и от этого в лице я нахожу, открываю какое-то соответствие этой глубине.

От этого тоже лицо ее в моих глазах вечно меняется, вечно волнуется, как отраженная в глубокой воде звезда.

* * *

Бывает, я заблужусь в своих чувствах и начинаю открывать у нее несовершенства. Но вдруг она покажется сама в своей правде, и все мое неверное рассеивается, как сон: она как бы поражает меня в моей слабости.

Посмотрит на тебя, улыбнется и всего осветит так ярко, что деться лукавому некуда, и все лукавое уползает за спину, и ты лицом к лицу стоишь избавленный, могучий, ясный.

И вот ночью представилось мне, что очарование мое кончилось, я больше не люблю. Тогда я увидел, что во мне больше ничего нет и вся душа моя как глубокой осенью разоренная земля: скот угнали, поля пустые, где черно, где снежок, и по снежку – следы кошек.

...Похоже, как будто человек точит нож на свое счастье. Так и надо, только при этом надо, чтобы нож не попадал в любимого человека. Нож счастья должен быть

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
направлен на узы, останавливающие движение духа, и в этом случае узы свои в себе самом.

Сила молчанья. Всю ночь мы поспорили. Утром в лесу спор зашел до того, что я стал защищать искусство, как создание лучшей реальности. И так пошло: я защищал художника – она напала на человека.

Так в споре мы подошли к реке. Тут на берегу стояла старая седая кобыла, возле нее на траве валялись два гнедых жеребенка, ее дети: годовалый и новорожденный. Мы видели, как кобыла, наклонясь, коснулась губами своего жеребенка.

Так в молчанье у лошадей совершилось то самое, о чем люди говорили и не могли договориться всю ночь и все утро... Молчанье при достижении полноты.

Неоскорбляемое место. В основе любви есть неоскорбляемое место полной уверенности и бесстрашия. Если случится в этом с моей стороны посягательство, то у меня есть средство борьбы против себя: я отдаю всего себя в полное распоряжение друга и через это узнаю, в чем я прав, в чем виноват. Если же увижу, что друг мой посягнул на святыню мою, я проверю его, как себя.

И если случится самое страшное и последнее: друг мой станет равнодушным к тому, чем я горю, то я возьму палку свою дорожную и выйду из дома, и святыня моя останется все равно нетронутой.

Может быть так? Он влюбился, и ей это было приятно, и она полюбила. И он ее полюбил за то, что она его полюбила, и она страстно и глубоко стала любить его за то, что он так сильно ее любит.

И так они жили, сильнее и сильнее любя друг друга, готовые один ради другого и хранить свою жизнь, и, если понадобится для другого, от своей жизни совсем отказаться.

Чудесная любовь! А если вспомнить, как началось... Теперь же, глядя на них, никто бы не подумал, что и их любовь друг к другу произошла тоже от любви к себе самому.

Она мне на это сказала:

– Господь с тобой, – да разве все любящие для себя любят? Пусть даже начинается для себя у каждого, но от каждой большой любви что-то выходит, что-то рождается: дети, книги, картины...

Движение любви. Возможно, что для других она вовсе не такая, какой я ее знаю. И я совсем не такой, каким меня она любит. Мы, конечно, вкладываем друг в друга каждый свой идеал. Впрочем, так и все начинают любить – с идеального плана.

У большинства в дальнейшем это любовное строительство не сходится с планом: назад остается идеал, называемый поэтическим, впереди «проза» с большей или меньшей надеждой на детей, что, может быть, дети возьмутся строить тот идеал.

* * *

Происхождение искусства (разговор).

– Почему мы с тобой при встрече с другими людьми непременно играем, изображаем себя?

– Но, может быть, и все так? Назови кого-нибудь, кто с людьми остается всегда таким, каким он бывает с собой...

– Но ведь хорошего в этом мало, чтобы показаться именно таким, какой есть, что, правда, в этом хорошего? Мы же, вероятно, собой недовольны и хотим сделать из себя нечто более интересное, чем мы есть, стать выше себя. Ты как думаешь?

– Я думаю, что, может быть, это происходит и от страха оказаться при людях в голом виде, от сознания невозможности перед всеми раскрыть свою личность...

– Но ведь это и есть глубочайшая причина, почему мы все играем и даем легенду вместо самих нас. В этой невозможности раскрыть перед всеми свою личность, может

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
быть, и таится происхождение всего нашего искусства.

Укрыватели грехов. Есть такой особенный страх близости к человеку, основанный на всеобщем опыте в том, что каждый таит в себе какой-нибудь личный грех и всеми силами старается укрывать его от постороннего глаза красивой завесой. Встречая незнакомого, мы тоже показываемся ему с хорошей стороны, и так мало-помалу создается общество укрывателей личных грехов от постороннего глаза

Тут есть наивные, верящие в реальность этой условности между людьми; есть притворщики, циники, сатиры, умеющие условностью пользоваться как соусом для вкусного блюда. И есть очень немногие, которые, не удовлетворяясь иллюзией, укрывающей грех, ищут пути к безгрешному сближению, полагая в тайниках души, что есть такой Он или Она, могущие соединиться безгрешно и навсегда и жить на земле, как праотцы до грехопадения.

По правде говоря, райская история повторяется, и до сих пор бесчисленно: почти каждая любовь начинается раем.

* * *

Воображаемый конец романа. Они были так обязаны друг другу, так обрадовались своей встрече, что старались отдать все хранимое в душе богатство свое как бы в каком-то соревновании; ты дал, а я больше, и опять то же с другой стороны, и до тех пор, пока ни у того, ни у другого из своих запасов ничего не осталось. В таких случаях люди, отдавшие все свое другому, считают этого другого своей собственностью и этим друг друга мучают всю оставшуюся жизнь.

Но эти двое, прекрасные и свободные люди, узнав однажды, что отдали друг другу все, и больше меняться им нечем, и выше расти в этом обмене им некуда, обнялись, крепко расцеловались и без слез и без слов разошлись.

Будьте же благословенны, прекрасные люди!

Глава 23

Утверждение

Сегодня мы пришли в бор, я положил голову свою ей на колени и уснул. А когда проснулся, то она сидела в той же позе, когда я засыпал, глядела на меня, и я узнал в этих глазах не жену, а мать..

Сегодня мне стало вдруг очень понятно это существо – больше моего охвата, и больше всего, и лучше всего, мне известного, это существо – мать.

Когда вопросы жизни представляются в существе своем, а не в свете обманчивого водительства разума, то спасение остается только в смирении; всмотришь и увидишь: все лучшее в жизни и одна опора – материнская грудь. И все это есть в существе того, что мы называем любовью.

В вестибюле раздевалась прекрасная женщина, и в это время заплакал ее мальчик. Женщина наклонилась к нему, взяла на руки и целовала его, но как целовала! Не только не улыбалась, не оглядывалась на людей, а вся, как в музыку, целиком, серьезной и возвышенной, ушла в эти поцелуи. И я близко узнал ее душу.

Наши чувства к женщине – жене происходят часто от утраты материнской любви: что-то разлучило в детстве с родной матерью, и этот неудовлетворенный запас любви потом обращается к другой женщине и жаждет найти в ней то самое, чего не хватало в детстве у родной матери.

* * *

– Ты говоришь, что любовь, но я вижу только терпение и жалость.

– Так это же и есть любовь: терпение и жалость.

– Бог с тобой! Но где же радость и счастье, разве они осуждены оставаться за бортом любви?

– Радость и счастье – это дети любви, но сама любовь, как сила, это терпение и жалость. И если ты теперь счастлив и радуешься жизни, то благодари за это мать: она жалела тебя и много терпела, чтобы ты вырос и стал счастлив.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

То ли самец какой-то, видя что-нибудь страшное, о себе подумал: «Может быть, и мне скоро так придется», – и пожалел соперника своего? То ли самка, потеряв своего ребенка, пожалела чужого? Но, скорее всего, на путь жалости первая вышла самка, и она влияла на жестокость своего льва, образуя в нем царственное милосердие.

Так начинается в мире природы человек, и мало-помалу он отдаляется от своих предков и начинает сознательную борьбу за любовь.

Жалость у женщины – та же кровь и молоко для питания ее будущего ребеночка. Пока носит, дитя питается кровью, потом молоком и после молока жалостью. Присмотритесь к несчастным, лишенным материнской питающей жалости, – и вы увидите, что любовь на земле есть единственная достойная удивления сила.

Но всеобщей силы этой хватает только на свое, и вся материнская жалость изливается только на свое дитя. А мужская сила направляется на дело обеспечения только своей семьи, и так создается собственность, и начинаются войны за нее, и смерть приходит и разлучает любящих.

Да, любовь, конечно, есть единая сила, но дело человека состоит в том, чтобы лишить любовь перехода ее в собственность и порождаемую ею смерть.

Все уже сказано, все сделано, мир любви нам открыт, и каждому из нас в отдельности уже не нужно его открывать. Посмотрите же: мир любви в наших руках, здесь он – в этой минуте настоящего!

Женщина по природе своей жалостлива, и каждый несчастный находит в ней утешение. Все сводится к материнству, из этого источника пьют, а потом бахвалятся: каждую можно взять! Сколько из этого обмана слез пролилось!

Жалость, мой друг, это молоко, питающее духовную жизнь людей. Но бывает, у женщин скопляется много этого молока. Это бывает во всей природе, я это видел: однажды самка с переполненным выменем вошла в ручей, чтобы освежить горячее бремя своего вымени. Увидав это, с берега приползла к ней змея, обвилась вокруг нее и ртом своим высасывала молоко. Да, мой друг, сколько есть у нас женщин, питающих жалостью своей змей.

– Надо подумать, ведь жалость есть любовь?

– Нет! Жалость содержится в любви, как хитрость в уме, но как нельзя хитрость выдать за ум, так нельзя и жалость назвать любовью.

* * *

Мать ходит за ребенком, и все мы чувствуем по ней свою мать, как за нами тоже ходила. И так у нас создается свой образ женщины-матери.

Но теперь женщины работают – одна доктором, другая кондуктором, третья милиционером, четвертая архитектором.

Работают они по-женски, по-своему, старательно, усидчиво, но все-таки, как бы по-женски они ни работали, нам трудно бывает в них разглядеть свою мать.

Но сегодня в метро девушка-милиционер взяла под руку какую-то старушку, провела, посадила в вагон. Было приятно смотреть, и не я один поглядел, а ведем-ведем было приятно, потому что в девушке-милиционере мы узнали свою мать.

Сюда же незабываемый эпизод встречи в метро девушки-милиционера с пьяным инвалидом, и на лице у нее борьба живого отвращения с долгом милиционера.

Ароматный цветок вырастает на навозе, и женщина это знает, и это знание составляет ее силу: силу знания. А мужчина принимает аромат ландыша как таковой, ничего не желая знать о его происхождении, и это образует в мужчине силу незнания.

* * *

Тема жизни, которую теперь развивает история, это, конечно, освобождение женщины от власти мужчины. Эта власть была основана только на том, что мужчина, как более сильный и способный, работал на стороне, а женщина – дома. Благодаря этому

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
закрепилось у всех сознание, что такое разделение труда, на стороне и дома, соответствует природе вещей. И оно, может быть, и правда соответствует в какой-то мере. Беда выходила только из-за того, что эта «природа вещей» была принята как закон жизни для всех и на все времена. Так создалось рабство женщины и ее тайная порочная власть.

Голод в Ленинграде вскрыл большую выносливость женщин, война взяла себе для уничтожения все преимущества мужчин (мышцы, смелость, широта и т. п.).

Материнство, как сила, создающая мост от настоящего к будущему, осталось единственной движущей силой. Новое время характерно величиим материнства, это победа женщины.

Соберитесь в себе до конца в лесной тишине и тогда, может быть, усмотрите, как, напрягаясь лбом своим белым и мокрым, сыроежка поднимает над собой земляной потолок с мохом, хвоинками, веточками и ягодками брусники. Ждите, вглядывайтесь, и вы непременно, глядя на гриб, вспомните, как у нас, у людей, в тяжелое время, когда гибли герои на полях, на горах, в воде и в воздухе, женщина незаметно для глаза выходила из-под земли и поднимала над собой крышу тюрьмы своей и брала жизнь в свои руки...

Не эта ли «тема» жизни сейчас раскрывается во время этих всемирных страданий, не эта ли «мать» порождает нового человека, не тут ли, не в этих ли переживаниях народных образует наша общая родина всех народов земли?

* * *

Женщина знает, что любить – это стоит всей жизни, и оттого боится и бежит. Не стоит догонять ее – так ее не возьмешь: новая женщина цену себе знает.

Если же нужно взять ее, то докажи, что за тебя стоит отдать свою жизнь.

* * *

– Друг мой! В тебе единственном мое спасение, когда я в несчастье... Но когда я бываю счастлив в делах своих, то, радуясь, приношу тебе свою радость и любовь. И ты ответь – какая любовь дороже тебе: когда я в несчастье или когда я здоров, богат, и славен, и прихожу к тебе как победитель?

– Конечно, – ответила она, – выше та любовь, когда ты победитель. А если ты в несчастье хватаешься за меня, чтобы спастись, так это же ты для себя любишь! Так будь же счастлив и приходи ко мне победителем: это лучше. Но я сама тебя люблю одинаково – и в горе и в радости.

* * *

Рождение образа. В ее чертах иногда складывается детски чистая и полная доброта, которую в это время постигаешь неистощимым источником верной мысли.

Это, вероятно, и есть та самая «любовь», о которой все говорят без понимания, – любовь, определяющая качество мысли

Вот это-то и надо было в ней понять, чтобы с ней соединиться.

...Понять сущность самого брака, как путь любовного единомыслия, в котором рождается Третье, все равно пусть это будет дитя человеческое или качественная мысль (образ).

И это общий закон жизни, а то почему бы, по всеобщему признанию, именно в младенцах виден бывает лучший образ человека!

Именно этим образом и должно определяться направление нашей человеческой культуры.

Чем дальше от человека в природу, тем сильнее размножение. Чего стоят рыбы с их икрой, осинки с их пухом! А человек, чем дальше совершенствуется в существе человеческом, тем труднее ему множиться и, наконец, он рождается в своем идеале.

Когда это еще знал Рафаэль, – вон когда! – а я только теперь... И это узнать можно только в редчайшем, труднейшем для мужчин опыте любви.

* * *

Рождение личности. Материнство – это сила особенная, которую мы, мужчины, по себе непосредственно вовсе не можем узнать и понять. Какая это сила и сколько ее напрасно тратится, можно видеть по такой матери трехсот детей (в детском доме эвакуированных ленинградских детей. – В. П). И сколько же тратится этой великой силы напрасно в обыкновенной семье, и какая это растрата, какая отсталость семьи!

Есть женщины, сознающие это, им тесны рамки семьи, они страшатся семьи, как тюрьмы, и вырываются из оков родового начала, стремясь осуществить свою исключительную силу материнства вне рода.

Из этой способности расширения души внутрь себя до без конца произошли искусство, и знание, и, главное, самое главное, личность человеческая.

Человек растет, конечно, как и все в природе, костями, телом, и в то же время, как бы отступая от жизни роста, спрашивает постоянно сам себя: «Ну что же это со мной произошло?» И, осмыслив происшедшее, надбавляет к жизни роста своего рост мысли: мыслью растет. Но и этот рост еще не совсем человеческий – щенок тоже растет, расширяя рост своего собачьего сознания.

Человек, собственно, начинается там, где в природе останавливается жизнь роста: тут начинается рост духовный, чисто человеческий, и продолжает у достойных расти до последней минуты. И в духе этого человека растут люди после него.

Глава 24

Понимание

Любовь – как понимание или как путь к единомыслию. Тут в любви все оттенки понимания, начиная от физического касания, подобного тому, как понимает весной на разливе вода землю и от этого остается пойма. Когда уходит вода – остается илистая земля, некрасивая сначала, и как быстро понятая водой земля, эта пойма, начинает украшаться, расти и цвести!

Так мы видим ежегодно в природе, как в зеркале, наш собственный человеческий путь понимания, единомыслия и возрождения.

Думал о любви, что она, конечно, одна и, если распадется на чувственную и платоническую, то это как распадается самая жизнь человека на духовную и физическую: и это есть в сущности смерть.

* * *

Любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения

Странно, как я мог, ничего не понимая в человеческой жизни, писать, и с успехом? Вероятно, поэзия может обходиться без морали, если поэт безотчетно содержит ее в себе.

Та «любовь», о которой пишут Л. Толстой, Розанов и другие, доставая мысль о ней из собственного опыта любви, печальная любовь: эта любовь в доказательство того, что объединение мужчин и женщин на чувстве рода, называемое любовью, недостаточно для современного человека.

Любовь – это ритм размножения. Бежит автомобиль и гудит, так род человеческий звучит любовью. Но рождение и рост личности тоже сопровождаются ритмом, который почему-то тоже называется тем же словом «любовь».

– Почему это? – спросил я.

– Потому, – ответила она, – что одно предшествует другому. И я думаю, так было во все времена, и обе жизненные силы (сила рода и сила личности) имеют в основе одну и ту же силу – любовь.

* * *

Кармен и любовь. А в природе вода, как такая любовь: вся видимость души – и нет ее. В такой любви все светит, и весь мир прелестью становится, но пройдет – и нет ничего, будто сошел весенний паводок.

В человеческом же чувстве любви есть настоящая вечность и долг.

Путь Шекспира. Вчера читал «Ромео» Шекспира и понимал, что Шекспир жил в атмосфере вечного философского хаоса, выходом из которого было его поэтическое творчество. Борьба родовых враждебных сил, законченная трагической любовью, – это и есть та философия рода, о которой пишу я сейчас. Еще удивительно изображение «простого человека» (кормилица), какое-то на все времена данное.

Читал – и у меня было то же удивление, как от «Песни Песней»: единство любви плотской и духовной (любовь одна). Впечатление достигается выражением откровенности желаний невиннейшей Джульетты, показывается воистину святая плоть (вот исток реализма!).

* * *

Что это за чистота – белое полотно, снег или сахар? Полотно загрязнится, снег разбежится от солнца, сахар растает от воды. Что это за чистота, если, сохраняя ее, самому можно и стареть? Вот чистота, когда сам от нее молодеешь!

Я знаю ее, но не смею сказать сам, вспоминая, как сказано о ней в «Песне Песней» царя Соломона.

Думал о царе Соломоне как о величайшем писателе. Вот, подумал я, написал он для всех нас «Песнь Песней», а сам остался ни с чем, и после великой его песни в мире все стало ему суетой: «Суета сует и все суета».

– А что, великий мудрец, – говорил я Соломону, – нужно ли было тебе эту песнь отдавать людям? Ты отдал в ней все свое лучшее, и после того все вокруг тебя в мире стало суетой. Если бы ты был настоящий мудрец, ты, может быть, сохранил бы себе самому эту свою песнь, и под старость мир не стал бы тебе суетой.

– Конечно, Михаил, – ответил мне Соломон, – ты отчасти и прав: есть вещи, о которых лучше бы помолчать, – так жилось бы себе много покойней. Но есть вещи, о которых необходимо сказать людям, даже предвидя впереди суету для себя. Моя «Песнь Песней» принадлежит к таким вещам, и я должен был ею спасти любовь на земле, обретая себе суету.

* * *

Чистая красота достигается художником.. Весь женский вопрос уже давно изображен великими художниками. Создавая образ Венеры Милосской, мастер перепробовал все дозы мужского и женского, пока не удалось найти ему чудное гармоническое сочетание: женщина вся осталась, но она действует, а не только отдается. Просветляет, а не затемняет дневное сознание.

Когда люди живут в любви, то не замечают наступления старости, и если даже заметят морщину, то не придают ей значения: не в этом дело. Итак, если б люди любили друг друга, то вовсе бы и не занимались косметикой.

Народный рассказ. Наша бывшая работница Аксюша к нам приходила, и у жены был с нею разговор.

– Представь себе, – сказала жена, – когда она узнала, что ты чуть не умер, она мне ответила: «Так дача же на ваше имя, не плохо было бы вам жить».

– Я удивляюсь твоему возмущению, – ответил я. – Аксюша из тех людей, кто молится о хлебе насущном, для кого благополучие на земле есть милость Божия. Она и дачу понимает, как милость Божью к женщине, потерявшей мужа, друга и кормильца.

Жена отошла, ничего мне не сказала, но позвала Иришу и попросила ее рассказать о Максиме и Дарье.

– Скажи, Ириша, – спросила она, – откуда взялись у вас эти нищие?

– Это наши штатные нищие: лет уже тридцать они ходят по нашей округе, побираются, ночуют. Деревень тридцать они обходят, знают дома, где им подают, где – не подают.

Так вот было в прошлое лето, идет Дарья одна, разутая, раздетая и плачет горько.

– Чего ты плачешь?

– Умер Максим, – ответила она. А наши ее утешают:

– Не горюй, Дарья, тебя все знают, тебе и без Максима подадут.

– Милые мои, – ответила Дарья, – да разве я об этом плачу, о себе? Я о нем плачу, что его нет больше со мной. Бывало, сядем на лужку, возле ручья, щепочек наберем, котелок нальем, согреем воду. А Максим кусочки выложит из торбы, корочки себе, а мякиш мне. А когда ночевать где-нибудь на печке, меня положит к стенке, чтоб не упала, а сам на край ляжет. А когда по деревне идем, меня пустит вперед, а сам с палкой сзади отгоняет собак и мальчишек-озорников. По миру ходим – а на душе рай.

Этот рассказ – пример живой русской души, а что я об Аксюше сказал – мертвое рассуждение.

Новая достоверность. Самое удивительное из наших отношений выходило, что воспитанное неверие мое в реальность любви, поэзии жизни и всего такого, что считается недействительным, а только присущим людям как возрастное переживание, оказалось ложным. На самом деле существует гораздо большая реальность, чем обычная общая достоверность.

Это уверенность в существовании того, для выражения чего невозможно стало обходиться изношенными условными понятиями, превращающими в пустоту и обычные произносимые всеми слова о правде, Боге, и особенно то, что дается нам в слове «мистика».

Без слов, без мистики, а в действительности: есть нечто на земле драгоценное, из-за чего стоит жить, работать и быть веселым и радостным.

* * *

Каждый несоблаженный юноша, каждый неразвращенный и незабываемый нуждой мужчина содержит в себе свою сказку о любимой женщине, о возможности невозможного счастья.

И когда, бывает, женщина является, то вот и встает вопрос:

– Не она ли это явилась, та, которую я ждал? Потом следуют ответы чередой:

– Она!

– Как будто она!

– Нет, не она!

А то бывает, очень редко, человек, сам не веря себе, говорит:

– Неужели она?

И каждый день, уверяясь днем в поступках и непринужденном общении, восклицает: «Да, это она!»

А ночью, прикасаясь, принимает в себя восторженно чудодейственный ток жизни и уверяется в явлении чуда: сказка стала действительностью, – это она, несомненно она!

Так изредка бывает в жизни осуществление поэзии.

Бывают люди, с колыбели почти струится из них поток любви и не разливается, а упирается во что-то, и эта помеха становится плотиной, и река любви превращается в стоячую воду, украшенную чистейшими белыми лилиями. Эти лилии – и была моя поэзия земли. А плотина – это чувственная сторона любви, действующая отдельно от всей любви. Часть выступала за целое и запраживала всю реку.

И бывает, у таких людей вдруг время ли придет или жданно-желанный, и вдруг плотина рушится, и вся вода сразу бежит.

Да, я такой, и знаю – у русских этого много-много.

...Самое удивительное и особенное было в полнейшем отсутствии у меня того дразнящего изображения женщины, которое впечатляется при первой встрече. Меня впечатлила ее душа и ее понимание моей души. Тут было соприкосновение душ, и только очень медленно, очень постепенно переходящее в тело, и без малейшего разрыва на душу и плоть, без малейшего стыда и упрёка. Это было воплощение.

Я почти могу припомнить, как у моей Психеи создавались ее прекрасные глаза, расцветала улыбка, первые животворящие слезы радости, и поцелуй, и огненное соприкосновение, в котором сплавлялась в единство наша разная плоть.

Мне казалось тогда, будто древний Бог, наказавший человека изгнанием, возвращал ему Свое благоволение и передавал в мои руки продолжение древнего творчества мира, прерванное непослушанием.

* * *

Заря и вода. Вечерняя заря спустилась в воду и кто был на берегу и глядел туда, видел, как она там, в глубине, гасла и засыпала. Утром заря встала и с неба спрашивала воду, и вода отвечала заре: что спросит заря, о том и ответит вода.

Дух спрашивает – материя отвечает, и все вместе, вопрос и ответ, составляет движение человеческого сознания.

Так и все в мире: листик зеленый, свободно покачиваясь на тонкой веточке, спрашивает, корни впиваются и земля отвечает. И ребенок, хватаясь за грудь матери, спрашивает, – и ему отвечает мать. И отец всей нашей жизни – солнце лучами своими спрашивает, – и земля раскрывается.

О том же – к новой повести. Отношения Васи к Зине[4] списать с моих к подруге моей. Близнецы. Разобрать нас самих в образе этих детей. Васе казалось иногда, когда Зина молча глядела на него своими глубокими глазами, что в глубине себя Зина все знает и только потому не может открыть, что он сам это не может понять.

А то почему бы это было, что когда он сам чего-нибудь не может понять, и станет говорить это Зине, и смотрит на нее, то вдруг и сам догадается. Прямо чудно! Кажется, ни за что не догадаешься, а как посмотришь на Зину, вдруг все ясно...

И так у них было, что Зина молчит, а Вася догадывается, о чем думает Зина, и говорит, говорит...

Надо понять человека, чтобы суметь ему подарить. Пониманием любовь начинается и подарком разрешается: он дарит ей, она это дарит всем.

Книга рождается тоже так от личного к общему, и в поэтических явлениях в деле их рождения женщина участвует так же, как и в физическом рождении.

* * *

Начало ненаписанного романа.

Не раз видел я в лесах и на лугах птицу с надломленным крылом: в каком страхе, то останавливаясь и прислушиваясь, то разбегаюсь и цепляясь большим крылом за былинку, она мышкой бежала. Раз так она зацепилась за травку, а я накрыл ее ладонью, как билось у нее сердечко, как сверкала она черно-огненными глазками, с какой силой острым клювом била в мой мозолистый палец...

При первых встречах ты походила на чудесную птицу, вроде ласточки с надломленным крылом.

Мы с ней как две птицы, летая, измучились и сели на крест отдохнуть: одна птица села по правую сторону, другая – по левую.

В жизни так можно намучиться, что и крест покажется отдыхом.

Человеку свойственно бежать от креста, как бежит от смерти все живое. И ты, мой друг, тоже, конечно, улепетьвай, удирай от смерти, пока есть куда драть, и, отбежав, отдохни, и порадуйся, даже попляши или песенку спой. Итак, нечего тебе

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
лезть на рожон, пока души твоей не коснется любовь.

Вот этого, правда, надо ждать, и надо искать, и бороться за это – за любовь.

И когда придет любовь настоящая, то с ней и крест придет легкий и радостный.

* * *

– Почему ты не садишься писать большой роман, как мы задумали? – спросила она.

– Потому что людям, современным, это не нужно, а будущим – я не знаю, будет ли им интересно мое писание.

– А другу своему?

– Друг со мной, я с ним живу, для чего мне писать?

– Но ведь мы с самого начала уговорились, что мы не для себя любим друг друга: мы хотели для всех достигать любви, преодолевающей страдание.

Поэзия не есть простое воспроизведение действительности, а суд над нею. Вот почему требуется время, чтобы переживание, или впечатление, или так называемая «действительность» стали предметом поэзии: нужно время поэту – судье, чтобы во всем разобраться, одно осудить, другое оправдать, все рассудить и создать достоверность.

Глава 25

ВЫХОД

Как будто отчалили и уже издали смотрим на прежние берега.

Как назвать то радостное чувство, когда кажется, будто изменяется речка, выплывая в океан, – свобода? любовь? Хочется весь мир обнять, и если не все хороши, то глаза встречаются только с теми, кто хорош, и оттого кажется, что все хороши. Редко у кого не бывало такой радости в жизни, но редко кто справился с этим богатством: один промотал его, другой не поверил, а чаще всего быстро нахватал из этого великого богатства, набил себе карманы и потом сел на всю жизнь стеречь свои сокровища, стал их собственником или рабом.

Пескари сначала охотно идут на червяка, но скоро в чистой воде начинают видеть крючок, таящийся внутри червяка. Вот как только они перестают клевать, мы разуваемся, мутим воду ногами, и в этой мутной воде рыбки опять начинают клевать. Так и любовь наша, начинаясь в чистой воде, часто продолжается в мутной. Крючок в обыкновенном потоке любви – это, конечно, собственность, возникающая вслед за тем, как он говорит «Ты моя!» и она отвечает «Ты мой!» Глотнув это сладчайшее блюдо, оба влюбленные вскоре выхватываются из свободной стихии и бьются на сухом берегу.

Вот и все. А мы будем писать о таком свободном и чистом потоке, где любящий, забывая себя, говорит одно только «Ты».

* * *

Любовь, как большая вода приходит к ней жаждущий, напьется или ведром зачерпнет и унесет в свою меру. А вода бежит дальше.

Нет другой такой силы, закрывающей нам глаза на добро человеческих достижений, как сила привычки. Вот отчего и радуются путешественники в походе привычки отпадают, как листья от мороза, и голая веточка нашей души образует новую почку. Впродолжение до весны. Эта почка и радуется нас, как будто жизнь опять начинается.

В борьбе за себя каждый из нас, как шелковичный червяк, опутывается паутинкой, и такие коконы у людей называются привычками. Дело поэта разорвать свой кокон и, вылетев бабочкой, возгласить сидящим в привычках, что время пришло, пора всем вылетать.

Мне подарили зимой превосходный непромокаемый плащ серого цвета. Весна пришла солнечная, а потом стало жарко, и плащом я ни разу не воспользовался. Летом было жарко, осень сухая. Так в первый год плащ мой провисел в гардеробе, и каждый раз, перебирая вешалки и встречая плащ, я в копилку своей домашней души складывал приятное чувство обладания хорошей вещью, очень полезной при общении с

природой

Потом в следующий год было опять сухо, и, когда вышел и третий год сухим, заговорили о том, что климат меняется в связи с особым расположением солнечных пятен

Только в четвертом году вышла сырая весна, и в конце апреля, когда прилетают вальдшнепы, лил дождь Тогда я из своей копилки домашнего благополучия достал непромокаемый плащ и, надев его, отправился на охоту. И тогда оказалось, я напрасно стерег домашний уют, где три года хранился непромокаемый плащ: при встрече с первым дождем мой плащ промок.

А сколько всего такого мы храним недостойного среди сокровищ нашей души!

* * *

Один человек жизнь и счастье свое отдает в борьбе за правило или метод, а другой в поисках счастья борется со всякими правилами, как с врагами.

Долго, долго тут стояли деревья, перестоялись, растрескались от мороза, закорыши источили кору, дятлы расклевали.

Так и мы, люди, тоже застоимся на месте и чувствуем уже не душу свою, не соки жизни, а тоже, как эти деревья, свою древесину. И уже источили ее закорыши, уже дятлы расклевали, а мы все стоим за свою древесину и воображаем, что за жизнь стоим.

У каждого из нас есть свое место, и в нем-то каждому из нас надо определиться. Если найдешь его и станешь на него, то и самому будет хорошо, и людям будет так, будто для того ты и стоишь на этом месте и только для них-то все и делаешь.

Есть такое место, где стоит мастер и кует людям железные кольца на ноги, цепи на руки так, что люди радостно их надевают и называют свои кандалы привычками – заменой счастья.

И есть еще одно место, где мастер затем и стоит, чтобы разбивать у людей их привычки-цепи и создавать настоящее счастье.

* * *

Нигде не слышно о художниках любви, все равно как художниках слова, звука... Не в том ли сущность деятельности художника, что он схватывает случайное явление или, скажем, мгновение, как белка на лету своем с дерева на дерево схватывает орех? И вот, как белка орех разгрызает, добывая зерно, так и художник останавливает мгновение и случай превращает в закон.

А разве не то ли самое делает художник любви, вскрывающий любовь в существе человеческом, закрытом, как в орехе зерно, скорлупой?

Новое в этом понимании любви только одно, что связь, как понималась она раньше романтиками за падение, становится средством сближения двух в единомысленное существо. Художник любви является ее производителем, безгранично свободным и щедрым, а не потребителем любви, собственником ее.

– Михаил, будь счастлив тем, что твой ландыш простоял за каким-то листком и вся толпа прошла мимо него. И только под самый конец только одна женщина за тем листиком открыла тебя и не сорвала, а сама наклонилась к тебе.

* * *

Вчера вечером мы решили так, чтобы она из моих записок делала книгу нашей любви. Во время длинного разговора об этом я чувствовал на себе лучи ее добра и через это был в чем-то большом уверен, и прямо знал добро жизни, как оно есть.

До встречи с ней в глубине души не верилось мне вообще в объективное добро, и любовь, как движущая сила жизни, была мне непонятна. Но я хотел этого, я об этом писал, я это создавал, и моя уверенность в существовании всего этого, о чем я пишу, подтверждалась только друзьями-читателями.

Стоило кому-нибудь написать обо мне дурно, как я начинал во всем колебаться. Все это мое хорошее желанное добро в красоте определилось впервые как реальность,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
как необходимая сущность, мною осязаемая, лишь когда она – этот «друг-читатель»
пришла ко мне. Она же все это знала и до меня...

По прямому лучу. Весеннее солнце пришло, и понятней становится вся ликующая
радость земли. Вспомнишь какую-нибудь мелочь, острое первой зеленой травинки,
выходящее на поверхность воды, или роскошное семя осины, упавшее в виде гусеницы
на сухую былинку, – все такое великое в мельчайших подробностях, – все это
узнаешь, и прямо находишь в душе своей, и собираешь, и собираешь...

И вот из всего соберется там на небе солнце, а в себе внутри та, которую ждал
всю жизнь. И тут, вот бы какой-нибудь маленький мост от солнышка к ней, но этого
мостика нет... нет! И в этой беде – весь человек!

Но бывает, и это было со мной: вдруг в душе загорелось, как все загорается
жизнью от солнца, все зацвело, и я сказал своей подруге: «Идем!» И она мне
ответила: «Идем!» Я взял ее руку, и мы с нею пошли прямо на солнце, не думая ни
о каких мостках.

– Брось весеннюю тревогу, ты можешь успокоиться: ты своего достиг, свою весну ты
догнал.

Нет, мой друг, истинная человеческая тревога только тогда и начинается, когда ты
догнал весну и достиг своего. Ведь пока ты один, с тебя и спросу нет: ты один,
что с тебя взять?

Налог на холостяков... нет, налог должен быть прежде всего на тех двух счастливых,
что живут для себя и нет у них третьего, для кого они живут...

Бывает так, ты пишешь что-нибудь, представляя, что это пишется к другу. И пусть
он, этот друг, приходит к вам. Вы, конечно, не пишете: друг здесь, вы ему все
говорите, – больше! Вы сговорились, вы и друг ваш – одно. И что же? Тут бы и
кончатся творчеству, а оно не кончается, напротив, соединенные в одно существо,
вы вдвоем, как единый человек, опять одинокий, опять ищете другого...

Есть люди, у кого много детей было, и они все хотят их рожать, и еще и еще... Так
мы хотим друга, такого большого, чтобы он обнял собою всю природу, всю жизнь.

Она сказала, что совершенно одна.

– Я тоже, – сказал я.

– Нет, – у тебя читатели.

– Хорошо, – ответил я, – если меня не будет, я завещаю тебе моих читателей, и ты
не будешь одна. На этом мы и согласились..

Очень много сейчас встречается любящих пар, но это никого не трогает: это любовь
для себя. Значит, мы чем-то встревожены большим, чем любовь друг к другу в
семье. Что же это большее, и сказал ли о нем кто-нибудь? Я бы ответил:

– Это «что-то» делается, но о нем еще никто не сказал, и мы это «что-то» смутно
чувствуем, делая жизнь...

Вчера вечером проводил ее и остался один. Знаю, она скоро вернется, и мы опять
будем вместе. Сказать, чтобы мне без нее стало скучно – нет! Но в разлуке все
наше пережитое встает передо мной в своем истинном значении.

Нет, что же, одиночества я не боюсь: я люблю – не для себя, и весь путь мой
был из одиночества в люди.

Музыка обещает не оставлять нас по пути к вечности, но когда мы туда соберемся,
то ее не слушаем. Да и она сама только проводит нас и вернется.

Только друг настоящий, согласный, несущий на своих руках все, что мы оставляем,
может оставаться у нас на глазах до последнего укола.

Зрелость. Только теперь стал видеть себя. Я думаю об этом так, что, пожалуй,
нужно очень долго расти вверх, чтобы получить способность видеть себя не в себе,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
а отдельно на стороне, как будто человек созрел и вышел из себя.

Глава 26

Прекрасное мгновение

Мир всегда одинаков и стоит, отвернувшись от нас. Наше счастье – заглянуть миру в лицо.

В детстве, до моей памяти об этом, я постоянно жил в удивлении и созерцании вещей мира, какими они в действительности существуют, а не как меня потом сбили с этого и представили не так, как оно есть.

Последняя правда, что мир существует таким прекрасным, каким видели его детьми и влюбленными. Все остальное делают болезни и бедность.

Когда навстречу прекрасному в природе душа моя расширяется, я верю, что это прекрасное существует в мире само по себе, и я лишь просто его принимаю в себя.

Когда мне становится худо и на глаза попадает все некрасивое и недоброе, то виновником этого состояния я считаю себя: это я такой и этими глазами смотрю на мир.

В этом заключаются все правила моей гигиены, и только благодаря этому я в творчестве своем движусь вперед.

Человек иногда из своей лично мучительной жизни, как в окошко, выглянет в жизнь вокруг себя с травой-муравой, с букашками и таракашками, с ребятами и девочками на качелях, на салазках, и сколько всего он увидит в тихом радостном свете под золотыми лучами! Это значит, что дух освобожденный увидел действительность, как она есть и должна быть для человека. Даже это просто и после болезни бывает, но как хочется, чтобы было это без мук и болезней!

* * *

С какой-то точки зрения, если смотреть на жизнь, то кажется все так чудесно, так прекрасно и даже между людьми так хорошо, что искать лучшего и не хочется. И тот, кто в жизни ищет чего-то, хватаясь за все, он ищет не больше, как этой самой точки зрения.

Есть вещи, положенные на вашу долю, лежат, вас дожидаются, пылятся и портятся, а вы по сторонам ищете, хватаетесь и чужое за свое выдаете.

Мудрость человека состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой жизни, на какое-то мгновение надо уметь представить себе, что и без тебя идет та же самая жизнь.

После того, взглянув в такую-то жизнь без себя, надо вернуться к себе и, затаив паузу, делать свое обычное дело в обществе.

– Где же ты был? – спрашивают мудреца. А он чуть-чуть улыбается и ничего не говорит. Он был там, где жизнь течет без его участия сама по себе.

Да, забыться на мгновение и опять встретить жизнь, какой она была без тебя.

Вечерняя заря разгоралась, солнце освещало уже только верхушки деревьев, внизу быстро темнело, и готовая, полная, еще бледная луна приготовилась сменить солнечный свет.

Вот и погас на самом высоком пальчике самого высокого дерева солнечный луч.

Художник положил кисть.

– Чуть-чуть не кончил, – сказал он.

– Что же вы теперь будете делать? – спросили мы.

– Ничего, – ответил он, – придется ждать солнечного вечера: нужно одно только мгновение.

– Но такое мгновение в природе не повторяется: пришло и ушло.

– Конечно, не повторяется, но приходит подобное, я вспомню неповторимое и его удержу.

– Разве так можно?

– А как же! На что же бы тогда человеку и быть человеком, если бы у него не было памяти о неповторимом мгновении.

Чем краше день, тем настойчивее вызывает и дразнит нас природа: день-то хорош, а ты какой! И все отзываются – кто как. Счастливей всех в этом художники.

Хорошо бывает забыться в лесу, в поле, на улице и вдруг вернуться к действительности.

Тогда в первый момент кажется, будто застал мир, как он живет без себя.

Но можно думать – это не жизнь врасплох застаешь, а самого себя узнаешь, каков ты есть, когда смотришь на мир своим собственным первым глазом, как первый человек, вступивший на новую землю.

Вот эта способность заставить мир без себя, или чувствовать иногда себя первым на новой земле, вероятно, и есть все, чем обогащает художник культуру.

Среди людей на улице идешь и сосредоточенно думаешь о своем, о себе. И вдруг что-то случится, и увидишь их. Тоже и в лесу: вдруг застанешь жизнь без себя, елки – березки сами; и вот это-то «сами» и надо считать высшим моментом творческого созидания.

Спор с Фаустом. Снег валил видимо-невидимо, но у нас на земле было +1, и снег, даже такой густой и тяжелый, прикоснувшись, мгновенно превращался в воду. Я думал о том, что, в сущности, каждый из нас тоже снежинка, но мы в этот короткий миг жизни ведем себя (держим себя), как бессмертные. Обесмерчение мгновения – вот наша жизнь, на этом и все искусство построено: не остановись мгновение, как в Фаусте, а продлись навсегда.

Как зарождается в туче кристаллик снежинки, как он соединяется с другим и как растет, тяжелеет и падает и, коснувшись теплой земли, обращается в воду...

Снежинка живет меньше человека, но, может быть, она больше его переживает

...Так что вот оно и мое «поведение» художника в том, чтобы, как дети, жить бессмертной снежинкой и немощи свои поправлять искусством.

Тихо падающие белые снежинки, это бесшумное движение белых мыслей вдоль неподвижного. Какие собраны сюда блаженства! Я думаю о жизни, затраченной на борьбу с наследием своей природы, и приходит в голову: что же останется человеку – грех и труд? Так стоит ли жить?

Но нет, так устроена природа человека, как у охотника: тянутся дни в подстерегании, а приходит минута и отвечает за все.

Дело в том, что жизнь не конторская книга и построена не на расчете, а на щедрости.

* * *

Велика жизнь в существе своем, но мало наше сознание.

Жизнь, как воздух, ничего не стоит, но если ты сумеешь обратить на нее внимание людей, то не ее прославят за ее счастье, а тебя за то, что ты ее сумел показать.

Вот, наверно, отчего и кажется тебе это странным, что ты сам себя презираешь, когда же хватаешься за жизнь и прославляешь ее, то люди прославляют тебя.

Не вдали, а возле себя самого, под самыми твоими руками вся жизнь, и только сам ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть, отводишь глаза свои на далекое прекрасное. И ты уходишь туда только затем, чтобы понять откуда сила, красоту и добро окружающей тебя близкой жизни. Можно всю жизнь отдать на

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пропаганду этой мысли!

Родная земля. Было это в лесу, я глядел на вершину высокого дерева и, наверно, там был сам со своими мыслями очень высоко, где-то у звезд. И вдруг услышал с большой своей высоты где-то глубоко внизу стук дятла, и мне нравилась эта родная земля, где по-прежнему стучат наши родные дятлы...

Вот, наверно, потому мы так и ценим глубокие мысли, что, взлетая высоко, с радостью, как в свой родной дом, возвращаемся на землю. И оттого, наверно, и я, тоскуя на высоте, с такой радостью в глубине где-то услышал стук нашего дятла.

«Кушай на здоровье!» – говорила мне мать. И, Боже мой, как я уплетал и какое божественное здоровье получил я: такое здоровье, что в самой жизни земной нашел жизнь небесную.

Убежден, что человек сам в себе содержит вечность и вся земная жизнь для того существует, чтобы он догадался об этом и сам своими руками построил бы себе на земле лестницу в вечность.

Земной конец небесной лестницы спущен в какой-то бурьян, в крапиву. Тебе дано чувствовать сладость вечности и тебе просто не хочется возиться в крапиве. Но ты знаешь, что этот личный путь начинается в тесном бурьяне общих интересов...

Есть для личности и другой путь: не ухода из мира по лестнице вечности, а путь возвращения. Спустись же к нам и помоги нам!

Посмотри, сколько примеров у нас на земле: вот к нам звезды спустились – это целое поле цветов; вот лесной ручей поет – это души тех, кто когда-то любил кого-нибудь на земле. Люди косят цветы, и они, прекрасные, падают, не чувствуя боли, и снова появляются для радости всех. А есть птички, туго обделанные разноцветными перышками, такие свободные. Есть у нас на земле и такие денечки, когда капля росы, невысыхающая весь день в пазухе листа, сверкает и радуется. Я всегда смотрю на такую капельку с благоговением и знаю: есть люди такие...

И нет ничего в природе такого прекрасного, чего бы не было в самом человеке – это поле битвы добра и зла, и человек только тем и человек, что борется и через борьбу свою становится победителем.

Та капля росы, с которой на один момент я соединил всего себя и вместе с собой весь мир, как целое, и есть вечность и бессмертие.

Пусть роса высохнет и я «поспею» – это не смерть, потому что и роса, и я с ней уже тем самым, что видели бессмертный мир, просто поспели и кончились в целом. И есть действие в ту сторону: эту вечность можно достигать творчеством.

Положить свои силы на достижение этого прекрасного мира и есть путь к бессмертию, а всякий другой путь есть путь к господству.

* * *

Наши писания в конце концов могут служить людям сами по себе, как побуждения, и этим надо нам довольствоваться, а не искать догм

Явление потребности в этих отвлеченных догмах, например, о человеке, о разуме и т. п., словом, чтобы «учить», – вероятно, бывает от утомления живого человека в вечном сердечном движении: хочется закрепить иссякающие родники, остановить, преподнести их людям готовыми, методизировать, механизировать...

Мало-помалу определяется, что не так уж очень надо гоняться за материалами: довольно взглянуть, и можно писать. Я это понимаю как рост доверия к себе самому. Много изучают и проверяют себя при научной работе, но в искусстве самое главное – доверие к себе, к своему первому взгляду. Только надо помнить всегда, что эта простота восприятия и это доверие к себе обретаются сложнейшим трудом.

Вечер на тяге был глубокий, задумчивый, тихий и очень теплый. Я почувствовал ту большую радость жизни, когда все, кто мучится «здесь» и радуется жизни «там», ясно кажутся перестраховщиками нашей простой земной жизни: им в глубине души так страшно ставить карту своей жизни на «здесь», что они отказываются от «здесь», как постоянного состояния, чтобы надеяться на жизнь «там».

И мне верилось в этот вечер, что, напротив, вот именно и бессмертие, с каким рождается ребенок, и редкое мудрое долголетие, с каким умирает проживший правильно жизнь человек, и все такое прекрасное здесь отравляется каким-то обобщением, каким-то логическим процессом мышления и религиозных догадок, обнимаемых общим словом там.

Хозяин времени. Река в своих берегах. В лесу чуть зеленеют дорожки, везде, как глазки в полумраке вечера, глядят лужицы.

В логу клок снега, как зайчик, сидит. – это мое сердце бьется, а мне кажется, будто зайчик водит ушами. Все глядят на меня упорно, и я всех чувствую и, мало того! повеет чем-то знакомым, и уже спешишь сказать себе: «Скорей понимай! А то другой раз того уже не будет».

И оттого каждый зеленоватый ствол осины мне пахнет сильно листвою под ногами. То же и белый зайчик мне говорит: «Гляди, замечай, а то скоро растаю, и больше зайчиков белых ты не увидишь: останутся в лесу одни только серые».

О том же самом поет мне и дрозд на неодетом дереве, в том смысле поет, что ведь это вечность проходит, а мне человеку живому, надо успеть этой весной от нее захватить побольше себе и с таким богатством в руках выйти к добрым людям хозяином своего времени.

Вот какая великая мысль охватила меня, что время проходит, а я на перекрестке двух просек у лесного столба стою, как хозяин времени, и выбираю из него самое главное, и это остается со мной навсегда...

Но вот послышался знакомый звук от летящего на меня вальдшнепа. Я вскинул ружье, и все лужицы закрыли глаза, все зайчики ускакали, дрозд замолчал, все сундуки с моими загадками и богатствами захлопнулись... Не все же и вправду думать и думать!

Так, наверно, и каждый в творчестве, достигая совершенства, прощается со всеми ступеньками своего достижения и, достигая, в последнем движении отшвыривает от себя всю длинную лестницу мучительного приближения к счастью.

* * *

Лесной ручей. Если хочешь понять душу леса, найди лесной ручей и отправляйся берегом его вверх или вниз. Я иду берегом своего любимого ручья самой ранней весной. И вот что я тут вижу, и слышу, и думаю.

Вижу я, как на мелком месте текущая вода встречает преграду в корнях елей и от этого журчит о корни и распускает пузыри. Рождаясь, эти пузыри быстро мчатся и тут же лопаются, но большая часть их сбивается дальше у нового препятствия в далеко видный белоснежный ком.

Новые и новые препятствия встречает вода, и ничего ей от этого не делается, только собирается в струйки, будто сжимает мускулы в неизбежной борьбе.

Водная дрожь от солнца бросается тенью на ствол елки, на травы, и тени бегут по стволам, по травам, и в дрожи этой рождается звук, и чудится, будто травы растут под музыку, и видишь согласие теней.

С мелко-широкого плеса вода устремляется в узкую приглубь, и от этой бесшумной устремленности вот и кажется, будто вода мускулы сжала, а солнце это подхватывает, и напряженные тени струй бегут по стволам и по травам.

А то вот большой завал, и вода как бы ропщет, и далеко слышен этот ропот и переплеск. Но это не слабость и не жалоба, не отчаяние, вода этих человеческих чувств вовсе не знает, каждый ручей уверен в том, что добежит до свободной воды, и даже если встретится гора, пусть и такая, как Эльбрус, он разрежет пополам Эльбрус, а рано ли, поздно ли добежит...

Рябь же на воде, схваченная солнцем, и тень, как дымок, перебегает вечно по деревьям и травам, и под звуки ручья раскрываются смолистые почки, и травы поднимаются из-под воды и на берегах.

А вот тихий омут с поваленным внутрь его деревом; тут блестящие жучки-вертушки

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
распускают рябь на тихой воде.

Под сдержанный ропот воды струи катятся уверенно и на радости не могут не перекликнуться: сходятся могучие струи в одну большую и, встречаясь, сливаются, говорят и перекликаются, – это перекличка всех проходящих и расходящих струй.

Вода задевает бутоны новорожденных желтых цветов, и так рождается водная дрожь от цветов. Так жизнь ручья проходит то пузырями и пеной, а то в радостной перекличке среди цветов и танцующих теней.

Дерево давно и плотно легло на ручей и даже позеленело от времени, но ручей нашел себе выход под деревом и быстрыком, с трепетными тенями бьет и журчит.

Некоторые травы уже давно вышли из-под воды и теперь на струе постоянно кланяются и отвечают вместе и трепету теней, и ходу ручья.

Пусть завал на пути, пусть! Препятствия делают жизнь: не будь их, вода бы безжизненно сразу ушла в океан, как из безжизненного тела уходит непонятная жизнь...

Весь проход ручья через лес – это путь длительной борьбы, и так создается тут время. И так длится борьба, и в этой длительности успевают зародиться жизнь и мое сознание.

Да не будь этих препятствий на каждом шагу, вода бы сразу ушла и вовсе бы не было жизни-времени...

В борьбе своей у ручья есть усилие, струи, как мускулы, скручиваются, но нет никакого сомнения в том, что рано ли, поздно ли он попадет в океан к свободной воде, и вот это «рано ли, поздно ли» и есть самое-самое время, самая-самая жизнь.

Перекликаются струи, напрягаясь у сжатых берегов, выговаривают свое «рано ли, поздно ли». И так весь день и всю ночь журчит это «рано ли, поздно ли». И пока не убежит последняя капля, пока не пересохнет весенний ручей, вода без усталости будет твердить: «Рано ли, поздно ли мы попадем в океан...»

Что такое случилось с ручьем? Половина воды отдельным ручьем пошла в сторону, другая половина – в другую. Может быть, в борьбе своей за веру в свое «рано ли, поздно ли» вода разделилась: одна вода говорила, что вот этот путь раньше приведет к цели, другая в другой стороне увидела короткий путь, и так они разошлись, и обежали большой круг, и заключили большой остров между собой, и опять вместе радостно сошлись и поняли: нет разных дорог для воды, все пути рано ли, поздно ли непременно приведут ее в океан.

И глаз мой обласкан, и ухо все время слышит «рано ли, поздно ли», и аромат смолы тополей и березовой почки – все сошлось в одно, и мне стало так, что лучше и быть не могло, и некуда мне больше стремиться. Я опустился между корнями дерева, прижался к стволу, лицо повернул к теплому солнцу, и тогда пришла моя желанная минута и остановилась, и последним человеком от земли я первый вошел в цветущий мир.

Ручей мой пришел в океан.

Глава 27

Творческое бессмертие

Маленький, я боялся своих лет, и мне казалось, что годы мои идут, а я еще ничего не достиг. Так и было мне до семидесяти лет: вечный упрек. Но после семидесяти мне стали все говорить: «Ах, какой вы молодец!» И я перестал, мне казалось, вовсе бояться убегающих лет. Я думал даже, чем больше мне будет лет, тем чаще будет говорить: «Какой вы молодец».

Но вот случилось, пришла нам помогать пожилая женщина тетя Феня, и мы начали с ней мыть мою машину: она мыла, а я по мытому сушил металл замшей и полировал.

Работал я хорошо, но пот все-таки выступил у меня на лбу, и старуха, наверно, этот пот заметила и спросила меня:

– А сколько вам лет?

Я поглядел на нее и вдруг испугался: я увидел в глазах простого человека всю беспощадность природы; я почувствовал, что тут уж не спастись музыкой души моей, поэзией, и если я старый гусь и не могу рядом с молодым лететь в теплые края, меня заклюют.

Я поглядел в глаза старухи растерянно, смущенно повторил за ней:

– Вы спрашиваете, сколько мне лет? – Да, хозяин, – ответила она, – сколько вам лет?

За короткую минуту, однако, я успел подавить в себе противный страх и сказал:

– Сколько лет? Вы сами видите: конь везет.

– Вижу, – ответила она, – конь везет хорошо, а все-таки, сколько лет-то коню?

– Конь везет, – повторил я, – а когда на коне едут, то в зубы ему не глядят.

– Это верно, – согласилась тетя Феня и, раздумчиво взглядевшись в мои годы, написанные на моем лице, закончила наш разговор: – Как все-таки людям жить-то хочется.

Сегодня мысль моя была о страхе смерти, что страх этот проходит, если только оказывается, что умирать приходится с другом своим вместе. Отсюда я заключаю, что смерть есть имя непреодоленному любовью одиночеству и что с одиночеством человек не родится, а постепенно, старея, в борьбе, наживает его, как болезнь. Так чувство одиночества и сопровождающий его страх смерти есть тоже болезнь (эгоизм), излечиваемая только любовью.

* * *

Жалость вообще есть чувство смерти близкого человека. Животное чувство смерти есть страх, человеческое – жалость.

...Только написал это и только поставил точку, упал портрет ее на моем столе.

– Ничего! – сказал я себе, поднимая портрет. – Я отвергаю в себе с неприязнью потяжку на власть суеверия. Но если бы так и случилось (она раньше меня), то и в этой тяжелой доле я на какие-то ступеньки стал бы выше, чем где теперь стою.

Сколько раз нужно было дворникам поскрести своими лопатами, пока наконец этот чудесный звук в тишине предрассветного часа не проник в мою душу?

Сколько солнечных лучей пало на землю, пока наконец один не проник в душу человека и зажег в ней любовь?

Сколько умирало людей, один, другой, тысячный, миллионный, пока наконец какой-то следующий так восхотел жить, что заговорил о необходимости человеку добиться бессмертия?

Если я обращаюсь к потоку своей собственной жизни, где я был и меня теперь там нет, и мне там моя собственная жизнь в отношении себя нынешнего представляется внешней, то удивительно мне неразбиваемое единство себя в книгах моих...

...Мы умираем, вступая в сознание единства организма, и жизнь показывается, как, например, мастерская, где происходит отделка рабочих частей: жизнь – это наш точильный камень.

Разделение жизни на «здесь» и «там», по-моему, является ядом здоровой нравственности, источником порочного расщепленья на дух и материю.

Порочное разделение на жизнь при себе и на жизнь после себя: с чего это началось и как на этом разделении вышел обман, и спекуляция жрецов, и восстание атеистов?

* * *

Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее. Но когда надо постоять за такое, что больше себя (есть это!) – человек, схваченный смертью, говорит:

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
помирать собирайся – рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него, и так подает руку другим, и по мостику своего жизнетворчества, как по кладам над смертью, потом перейдет в жизнь будущего.

Мудрец под конец жизни понимает, что смерть страшна только со стороны, для близких людей, но для себя смерти нет, и сам человек в себе, как родится бессмертным, так и уходит от нас, и призрак смерти похож на кнут погонщика, на рабов в лучшем рабочем возрасте.

Творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найтись или возродиться в чем-то другом. Тут и думать-то особенно нечего, стоит только поглядеть на все живое в природе и понять: все живое – зверь, птица, дерево, трава – умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом.

Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример.

У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается. Эта область – его человеческое творчество или его собственный путь к бессмертию.

Если бы это знать на каждом месте и во всякое время, то нечего бы было нам бояться смерти. Есть две реальности – одна, что после нас остается, другая – к чему мы стремимся. Умирая, мы оставляем сделанное и недоделанное и остаемся с тем, к чему стремимся.

В этом смысле каждый художник много раз в жизни своей умирает и возрождается: произведение его остается, а другая реальность, стремление, вновь воплощается.

* * *

Пригвожденный жук. Большой навозный, с черным отливом, жук пустился летать по прямой, развивая большую скорость. С разлету он напоролся на колючую проволоку. Он остался на проволоке, умоляя всеми лапами о помощи. Я снял его и, отпуская, сказал: «Не летай, дурак, напрямик».

Начинаю только теперь понимать Чехова, что он тоже, как майский жук, летел и, как человеческий ракетный снаряд, ударял по неподвижному воздуху старого мира.

У нас только теперь, когда видишь уцелевшую барыню в старомодной шляпе или что-нибудь из старого мира, по-чеховски сжимается сердце тоской.

У него же это было и тогда, и в этой тоске он летел вперед, и этим он был тоже пророком, хотя не прорек ничего.

Я понимаю, что жизненные силы, выходя из темной утробы земли, движутся к свету в пространство бессмертия. И майский жук тоже, вырываясь из тьмы, летит. Но вот он сразу с разлету наткнулся в саду на колючую проволоку и теперь напрасно шевелит всеми своими ножками, собирается с духом, пуская с гуденьем в ход все свои крылышки. Майский жук, назначенный к полету в бессмертие, теперь сидит на гвозде.

Если бы было все благополучно в природе, то зачем бы жуку в его брачном полете быть пронзенным колючкой? Другой пролетающий жук не придает этому значения и летит, как бессмертный, но человек, проходящий по дороге, рассеянно взглядом попав на жука, вдруг остановился, задумался, осторожно и мягко его сжал двумя пальцами, снял с колючки, подбросил высоко в воздух и, когда жук улетел, – улыбнулся.

Человек этот был бог и царь природы. Он вернул жуку назначение, и жук полетел опять, как бессмертный.

Иногда кажется, что и человек настоящий, большой, весь человек, тоже пронзен, и все мы, люди, во все времена, в прошлом, и теперь, и в будущем – это все частицы частиц, летящие от взмаха крыльев пригвожденного существа, летящие во все стороны времени, тоже в бессмертие.

* * *

Мудрость жизни состоит в том, чтобы, сохранив во всей силе свое «жить хочется», приучить себя к мысли о необходимости расстаться со всем, чем обладаешь, и даже

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
с собственной жизнью.

Все, чего страстно хочется, то вечно, а что собственное, то смертно.

Творчество есть борьба дела с тобой: оно ищет тебя, чтобы поглотить тебя без остатка и сделать своим работником, точно таким же, как все. Ты же, отдаваясь делу, ищешь возможности выполнить его лучше, скорее, прочнее, чем требуется, и тем освоить его и вырастить, как живое существо, как сына, как дочь, собственное дело.

Человек семидесяти пяти лет, жизнь его на волоске, а он сажает сирень! И мало того, он не один, и, может быть, не было времени, когда бы так страстно не хватались люди за растения: все, кто может, сажают сады.

Это значит, во-первых, что люди живут как бессмертные, презирая свое знание смерти; во-вторых, это значит, что лучшее у человека есть действительно сад.

...Человек должен сделаться не рабом, а хозяином своего времени, я брал эту мысль из себя, из собственной борьбы своей за такой рассказ, чтобы он переживал наше время и жил независимо от нашего времени в иных временах.

Хозяин времени есть победитель смерти, которая и составляет сущность всего временного... Каждый художник во все времена был борцом против временного.

Талант не собственность, это похоже на квартиру в Москве: ты можешь ею пользоваться и без особых причин у тебя ее не возьмут никогда, но продать свою квартиру ты не можешь. Точно так же и талант: настоящий талант не продается.

И сама жизнь человека тоже как и талант: вся в твоём распоряжении, но проданная жизнь – это не жизнь, и покончить с ней тоже не в твоей воле, не собственность она, и ты если покончишь с собой, будет считаться за преступление.

Последняя иллюзия собственности это моя жизнь: наконец-то я почувствовал, что моя жизнь не есть моя собственность.

...Есть даже некоторая приятность при отпадании естественном всего лишнего. Так и дереву приятно, когда сваливается спелое яблоко, даже заметно, как обрадуется освобожденная веточка. Так и листья опадают: дерево о них не жалеет.

Малиновое пятно. Солнце садилось за березами, а березы поднимались к облакам белым, весенним, принимающим форму кучевых. Было в лесу от солнца малиновое пятно на сосне, солнце садилось, а оно поднималось и гасло.

Я смотрел на пятно и думал о себе, что вот так надо бы тоже себе: погаснуть когда-нибудь непременно на подъеме.

* * *

В осеннем саду.

– Падают!

– Милый друг, ты не путайся, – падают спелые яблочки...

Люди умирают не от старости, а от спелости.

Умереть – это значит отдаться до конца, как отдается на дело рожденья женщина и через это становится матерью..

А смерть матери – это не смерть, а успенье.

Вот передо мной береза: все золото свое осеннее отдала елке, но и раздетая стоит на солнышке не печальная. И чего ей печалиться – она сделала все, для нее предназначенное.

Мы преодолеваем смерть личную, отдавая душу за друзей, и в этом есть назначение смерти.

Слова о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
в Царство Небесное, – это относится ко всякому творцу культуры: создать что-нибудь – это значит отдать себя, и как раз это-то и есть самое трудное.

Но люди как ни мучились, как ни умирали, как ни издевались враги надо всем, что для них было свято, люди оставались людьми и рождались с чувством бессмертия... И вдруг явилось это особое чувство, как будто глянул на всего, проходящего в мученьях и смерти человека со стороны и бесстрастно подумал: а как же иначе? Как иначе понять и назвать этот путь к бессмертию, как не Голгофой?

Вот она, Голгофа, перед глазами нашими, и человек, спотыкаясь, несет свой крест, не забывая ни на мгновение мысль свою о бессмертии.

Страх смерти преодолевается простым удовольствием, даже прыжком за собственным счастьем. Об этом и разговаривать-то теперь нечего. Молодому человеку прямо надо растолковать, что такое страх смерти.

В страшной борьбе за жизнь преодолевается смерть, а жить они, бедные, вот как хотят!

Герой смерти не боится, но иной сорванец – покажи ему счастье – с шестого этажа бросится: авось, мол, не расшибусь!

Герой же настоящий не в погоне за личным счастьем теряет страх смерти, а в том, что он свое счастье находит в счастье других.

Мне вспоминается так далеко теперь от себя то благосостояние свое, когда я пришел к «счастью», основанному на определенном признаке: нет ничего волнующего...

Как все это умерло, как все это далеко от меня!

Теперь моя радость, мое счастье держится лишь каким-то днем, даже часом. Там за этим часом-днем стоит и прямо виднеется враг – это моя смерть, враг, которого я должен сразить, и моя победа мне достанется лишь ценой гибели всех сладких иллюзий, которыми держится «жизнь» так называемая.

Самое удивительное в жизни, что не только человек, но и все животные и растения, обреченные на короткое, иногда до мгновения, существование, живут, не думая об этом, живут, как бессмертные боги, и это несомненный факт, а дальше идет разделение мнений: одни понимают жизнь как обман, другие – как личное свидетельство бессмертия.

Но если даже для себя смерти нет, то мы видим ее на стороне и содрогаемся, и, провожая умершего, сходимся теснее между собой.

Так не в том ли смысл смерти, чтобы мы между собой сближались, соединялись в единого человека в полной уверенности, что, когда все сольемся воедино, то тем самым исчезнет самый страх смерти, и тем самым кончается и умирает самая смерть.

Заря сгорает на небе, и ты сам, конечно, сгораешь в заре, и тысячи голосов на заре соединяются вместе, чтобы прославить жизнь и сгореть. Но один голосок или, скорее, шепоток не очень согласен гореть вместе со всеми.

Ты, мой друг, не слушай этого злого шепота, радуйся жизни, благодари за нее и сгорай, как и я, вместе со всею зарей!

Глава 28

Личность и общество

Сознание каждого из нас в отдельности похоже на тоненький серпик новорожденного месяца с дополнительным к нему туманным окружением целого месяца.

Сам, как проволочка, тоненький, а мнит себя законченным кругом. И мы знаем, что это мнение у месяца не ложное.

Вот это смутное чувство целого человека, как целого месяца, сопутствует нам в жизни, и каждый из нас чувствует себя маленькой частицей какого-то неведомого ему целого.

Есть из нас немногие большие люди, сознающие себя без колебаний и догадок

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ничтожным явлением или только свидетельством целого огромного блестящего диска
всего существа человека.

Хожу по земле, гляжу на людей и вижу у каждого вокруг лица, как у святого, нимб,
то покажется, то исчезнет. И каждый, делая что-то хорошее для нас, не знает, что
делает все в нимбе всего человека, и только чувствует перемену в себе, когда
нимб исчезает или сияет вокруг него.

И это он называет совестью.

* * *

Свое дело я понимаю как дело связи между всем, что существует на свете. Вот
стоит телеграфный столб и от ветра гудит, я люблю этот гул и в гуле этом, мне
кажется, я понимаю великое дело столба: он служит тоже делу связи. Но я не
столб, я как электричество, которому служит столб. Нет! Еще больше, гораздо
больше, чем электричество. Самая большая сила на земле – та сила связи, которая
получается через слово художника. Я эту силу держу, как держит телеграфный столб
железные провода с пробегающим по ним электричеством. Оттого, наверно, я и люблю
этот гул.

физиология общества в этом и состоит, что живот живет о хлебе едином, а душа
поет о единстве бессмертной личности.

Он сказал: «Наша душа», – и я внезапно почувствовал существование единой души
всего мира, прикосновение к которой мы чувствуем, как свою личную душу.

Люди как река текут. И чтобы хорошо написать это надо: ты пишешь в уединении, но
чувствуешь текущую реку.

Запереться можно и надо от шума, от помех, но от жизни нельзя запирается, – ты
должен слышать постоянное течение.

Одна трудность – переносить пустыню. Другая – оставаться самим собою при встрече
с другим человеком.

Я шел, погруженный в свои думы, а мимо меня с шумом промчался лыжник. Как трудно
нам с ним сойтись, не утратив каждому из себя самого ценнейшего: мне – моей
мысли, ему – движенья.

Сейчас у нас все пришло в движенье, все «стали на лыжи» и потому нам,
обремененным нашей пережитой жизнью, бывает подчас трудновато.

Ныне праздное одиночество позорно, но есть одиночество трудящихся людей и,
вернее даже, труд одиночества: борьба за свою личность в интересах самого же
коллектива.

Одиночество это форма труда.

Один остаешься... и сразу вырастаешь, и это порождает охоту писать.

Пишешь, будто сеешь, зная наверно, что жать будут другие.

* * *

Если сказанное кем угодно я, не зная сказанного, лично переживу и сумею об этом
сказать по-своему, то в истории культуры я нечто прибавлю, потому что содержание
культуры во все времена неизменно, а раскрывается оно нам в личных переживаниях,
придающих содержанию культуры качественную ценность.

Личность, как двигатель нашей общей души.

На эскалаторе. Голова этой женщины была повернута в сторону, и я мог видеть
только шею с определенно надутой от усилия поворота жилой. И вот, не видя лица,
только по жилке на шее я узнал эту женщину в ее чем-то самом хорошем, самом
трудном.

Вспомнилась даже мать моя, и отчего-то защемило в душе, и мне захотелось выйти
куда-то, где много незнакомых людей, и сказать им об этом от всего сердца, что
вот хорошее такое у всех у нас есть, что есть у нас всех общая доля. И что если

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
бы каждый из нас это помнил во всякое время и на всяком месте, то как бы всем на свете жилось хорошо!

Эскалатор работает как водопад или, вернее, человекопад. Все задумываются, как бы застывают в движении, которое себе ничего не стоит. Тогда каждое лицо, даже самое грубое, вызывает жалость к бедному человеку, обреченному быть жертвой непонятого ему созидания

Посмотришь на такое лицо, и жалость охватывает, понимаю теперь почему: человек спешил и весь уходил в спех, а теперь за него машина спешит, и он остается сам с собой и еще не может с этим освоиться. И эта-то детская беспомощность человека и возбуждает жалость к нему.

Все мучения их в том, что они слепо доверяются времени, и, как дети, надеются успеть, но время их обманывает и вдруг оставляет, и в роковой момент этот тела их разваливаются.

Жалко смотреть на них и хочется сказать каждому: не верьте времени, дети мои, не вверяйте себя ему, не спешите, не думайте, что время есть деньги – время есть смерть, и вы будете только тогда людьми, если вступите со временем в смертельную борьбу: я или ты!

Бога ради, не тратьте себя.

Как гибнет любовь, когда один человек обращается другим в собственность, так и в отношении времени... Люди спешат и суетятся, потому что находятся в плену у времени.

* * *

Как подумаешь иногда усталый, каких маленьких людей собираюсь я описать – оторопь берет: зачем, кому это нужно? – и бросишь. А потом соберешься, и думаешь, и опять за свое: большие люди, думаешь, сами расписываются на страницах истории и у них имеется множество слуг, которые не дадут им исчезнуть. Но тихий, скромный человек так-таки и сходит на нет, такой хороший, милый мне человек, и вот нет никому до него дела.

Досада вызывает новые силы, и думаешь – а вот оттого и не дам я тебе от нас исчезнуть, живи, любимый человек, живи!

Не надо искать опоры себе в людях отдельных: друг живет не в отдельностях, а в целом человеке, когда он, собираясь, слышит живое слово, и кричит, и хлопает руками от радости, или когда-то и где-то шепнул вам задушевное слово, или выглянул глазком из толпы, или вон против вас там в вагоне сидит и глядит куда-то вдаль с какой-то мыслью, а солнышко с той стороны лица раззолотило кудри, и одни реснички того глаза тоже святятся вместе с кудрями.

Ничего-то не нужно ей, этой милой девушке, от вас, и вы тоже боитесь спугнуть ее даже своим взглядом, но оба где-то в себе радуетесь, что вместе куда-то едете в один и тот же чудесный весенний день вашей жизни.

Вечером вчера вышел на улицу без всякого дела и поехал по метро в город. И вдруг мелькнуло мне знакомое чувство счастья своей личной свободы на мгновение: кажется, будто я владею мгновением жизни своей в толпе, как часто у меня бывает в лесу.

«А разве, – подумал я, – человеческая толпа не загадочна в жизни своей, как и лес?»

Человек близкий везде и всюду, только, чтоб заметить его, надо самому быть свободным, сильным, здоровым душой. Давайте же помогать и удивляться таким людям в первую очередь, а потом уж пойдем к труждающимся и обремененным.

Это – маленький вариант милосердия.

* * *

Ветер принес доброе семя и бросил его на камень. Оно изнывает о доброй почве.

Так личность, ее «хочется» ждет возможности войти в коллектив.

Мы, человечество, как отдельные корешки, питаемся одним общим стволом, и если я о чем-нибудь догадываюсь в себе, то это значит и для других корешков.

Вот почему, когда писатель говорит о себе, то говорит и о другом.

Забылся от горя и шел по дороге, опустив глаза. Но в лужице увидел лес, и на голубом деревья высились так прекрасно. Да откуда же такое прекрасное небо взялось? Посмотрел и увидел небо.

Так и мое искусство, друзья, не больше лужицы, в которую из-за нашей спины смотрится невидимый нам весь человек с природой своей, небом, деревьями, водами, и я пишу вам только, чтобы вы обратили внимание.

Вдруг понял, что слово общество заменяет нам теперь то, что раньше называли человеком. То самое, над чем я тружусь уже несколько лет: назвать одним словом всего человека (весь человек в одном лице в противоположность сверхчеловеку).

Но только у нас теперь под словом общество понимают организацию, между тем как всего человека я представляю себе как организм.

* * *

Умрешь и забудешь. Но бывает, о всех забыл и живешь – это что? Это значит – частью умер; для того, о чем ты забыл, – ты умер. И так мы живем, забываем, и умираем, и опять живем новые, не зная забытого.

Только немногие вспышки бывают у отдельных людей: вспыхнуть, чтобы не забывали, – и это остается, и складывается с другим, и скопляется богатство незабываемого – культура человека.

Даже самое легкое дыханье ритма в душе поэта исходит от вечности, куда мы все друг за другом уходим. И врожденное всем нам чувство природы, культуры, связи – все это долетает до нас, живых, с той стороны, где собирается наша общая могила. Могила могил от начала веков!

Но это большая тайна, постигнуть которую можно только любовно-милостивым вниманием к жизни.

Что вы говорите мне о мертвецах! Есть разные мертвые, одни, которые из глубины пережитых тысячелетий и теперь властно определяют направление нашего современного лучшего, другие мертвецы, живущие с нами, обладающие часто бычьим здоровьем, пожирают наше творчество, прут нас всех живых упрямыми лбами в могилы...

Культура – это творчество в настоящем из прошлого в будущее, – и если мне лучше это удастся в автомобиле, то и машина является средством культуры...

* * *

Рожь подымается, ударил перепел. Боже мой! Это ведь тот самый, какой мне в детстве в Хрущеве кричал: у них же нет нашего «я и ты», – у них перепел весь один.

Семьдесят лет все «пить-полоть».

Как Бунин любил крик перепела! Он восхищался всегда моим рассказом о перепелах. Ремизов, бывало, по телефону всегда начинал со мной разговор перепелиным сигналом: «пить-полоть».

Шаляпин так искренне по-детски улыбался, когда я рассказывал о перепелах, и Максим Горький... Сколько нас прошло, а он сейчас все живет и бьет во ржи: «пить-полоть».

Мы поодиночке прошли, а он не один, он един – весь перепел, в себе самом и для всех нас проходящих.

И думаешь, слушая: вот бы и нам тоже так; нет нас проходящих – Горький, Шаляпин, Бунин, тот, другой, третий, а все это – один бессмертный человек с разными песнями.

Великий портрет есть более чем просто живое существо: живое – это сам живой художник и к нему еще нечто, переживающее самого художника в поведении других людей.

Мост душ. Человек рождается каждый для себя и даже первым криком своим заявляет право свое на весь мир. «Это я, – кричит он, – я, владыка мира, пришел!» Но когда начинает ребенок расти, его встречает другой такой же, с мандатом на владычество мира, и третий, и каждый. Так начинается борьба между всеми за каждого, пока, наконец, каждому не приходит необходимость в невозможной этой борьбе за господство кончиться.

И умирая, тогда видит мудрый, что не за себя он боролся, а за какого-то другого, кто лучше себя, и что каждый, сам того не зная, борется за другого, лучшего.

Так смерть у людей проходит, как мост их душ.

Против моего окна церковь вся облупилась, от купола остались только проволоки, – целая сеть каркаса, покрытая галками. Наверху сияет по-прежнему крест, а внизу вокруг церкви всякий хлам: столы опрокинутые, скамейки, железки какие-то, обручи, – как будто Спаситель опять рассердился, и опять выгнал торгующих из храма, и выкинул все их барахло.

Так вот и эта самая христианская наша личная мораль подвергается страшной критике времени. Время говорит христианину: «Ты не отделаешься теперь личными добрыми делами! Погляди на эту ободранную церковь – ее поставил еще более наивный, чем ты, человек, замоскворецкий купец. Он хотел церковь этой загладить свои грехи. Он, простой купец, гладил грехи свои церковь, как утюгом, ты же гладишь книгами, и все равно, лично вы себя спасаете, раздавая бедным копейки, или все равно, тысячи, – все равно! Даже если и жизнь свою отдаете, спасая свою душу, – этим не спасетесь! Нужно самую душу отдать людям и спасать не себя, а людей».

Но, Боже мой! Есть и эти слова в Евангелии о душе. Значит, не Христос виноват в этой ободранной церкви, а тот наивный замоскворецкий купец, который церковь хотел загладить свои личные грехи.

И ты, писатель, тоже пиши – грехи, молись – спасайся, но когда придет час отдать свою душу за други, не отделяйся от этого собранием своих сочинений: твои сочинения со временем обдерут так же, как ободрана теперь эта замоскворецкая церковь. И все твои внутренние полочки, скамеечки, перегородки – все будет выброшено, как вот теперь выброшен хлам из этого бедного храма (1946).

Все и каждый. Смотришь на цветущий луг – это одно, и смотришь дома на единственный цветочек, взятый с того же луга, – это совсем другое. То же самое лес и маленькое деревце из того же леса, пересаженное в свой огород. Миры одинаково прекрасные, но разные, и есть люди, которые любят плавать по морям, и есть любители налитого аквариума; одни смотрят на массы, другие на личность.

Луг цветет, каждый цветок непременно же поет свою песенку, хотя виден и слышен весь луг. Отдельного цветка не заметишь и не узнаешь, кто из цветов больше всех сделал для цветущего луга. Вглядишься, выберешь цветок отдельный, и он прекрасен, но это совсем другое, чем луг.

Большое дело помогает, как огромный каркас, на котором я должен растянуть свое маленькое дело: через это мое дело станет большим.

Человек шагает все вперед и вперед к своему единству, и на этом пути происходит одновременно и дробление существа человека.

Происходит одновременно образование личности, как агента связи между людьми, и индивидуума-собственника...

Как вода размывает гранит, так и общество находится в вечной борьбе с индивидуальностью. Тезис: «Я стою на своем», – говорит каждый камень в природе. Антитезис: «Но я тебя все-таки размою», – отвечает вода.

Синтез борьбы воды с камнем – плодородная почва, на которой вырастает дерево.

Смотрю сейчас на елку, и мне представляется в ней ее живое существо, идущее из тени к свету. Каждый сук по-своему и со своим лицом несет и отдает свою жизнь на образование ствола – этой математической прямой пути всех к солнцу. И великое солнце любит все ветви, все лапки, все иголочки. Но как будто оно любит всех-то равно, а каждую иголочку больше, и вот отчего ни одна даже иголочка с другой не сложится: все разные, а ствол прямой поднимается к солнцу.

В этом все многомиллионные существа, составляющие дерево, счастливы, и в этом счастье поднимается все дерево, и смысл этого счастья в том, что солнце любит всех равно, а каждое отдельное, даже иголочку – больше!

Вот бы и нам так устроиться в жизни – чего бы лучше! Но мы, если любим всех, то забываем о каждом, и если вспомним каждого – то забываем всех.

Тема нашего времени – это найти выход из любви к каждому любовью ко всем, и наоборот: как любить всех, чтобы сохранить внимание к каждому?

Глава 29

О мертвой и живой воде

Две силы формируют мир, действуя одна в сходстве, другая в различии. То, что в сходстве идет, мы сознаем как законы. То, что в различии, – как личности.

Умирая, все идет в сходство, рождаясь – в различие. И все это высказано в сказке о живой и мертвой воде.

* * *

Моя тема. Сделаем предположение, что в мире природы все неповторимо, и самодержавно, и незаменимо и что обобщение начинается человеком.

Одна из моих тем: то, что называется грех, есть пропуск жизненных единиц при обобщении, как при пахоте поля непропаханные частицы поля, огрехи.

С этой темой неповторяемости и незаменимости жизненных единиц я родился, как другие родятся с неудержимым стремлением обобщения и замены одной единицы другой.

У всякого принципа нет лица и внимания к лицам. Вот почему все принципиальное безжалостно.

Принцип есть средство, но не цель человека.

Сказать всем, это значит – сказать Никому.

Профессоры в Доме ученых наверху даже иногда барышень принимали, как следует принимать знаменитость, но швейцару внизу все профессора различались между собой лишь номерками, которые он всем одинаково выдавал с вешалки: для него номера от калош были разные, но профессора, как для нас калоши, были все одинаковы. И вот когда этот самый знаменитый в Москве человек потерял номерок и назвал свое имя, швейцар невежливо отказался выдать калоши.

Вот в этом незнании, невежестве и зарождается необходимость закона, для которого люди – есть человек, профессора – профессор, в том же смысле, как ржаные зерна есть рожь, капли воды – вода.

Высшая нравственность – это жертва своей личности в пользу коллектива. Высшая безнравственность – это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого (например, смерть Сократа, не говоря уже о Христе).

Природа вся личная: каждое семечко, каждый листик имеют свою отдельную судьбу. Человек отличается от природы способностью сделать обобщение и тем самым выйти из обычных персональных законов природы. Обобщение тем самым, конечно, должно быть и убийством, и не случайным, как в природе, а принципиальным. (Каин убил Авеля, конечно, принципиально.)

Истоки науки, искусства все персональны, но силой обобщения присоединяются к общему делу, становятся тоже полезными в том смысле, как атомная бомба одинаково «полезна» в сторону добра и зла.

Всякий может приказать стричь овец под одну гребенку. Хороший хозяин в каждой овечке видит свое, как будто он любит всех, но каждую больше.

* * *

Скачок авторов. Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в высший момент восторга («прекрасное мгновение, остановись!») его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются.

Однако, несмотря на положение Филемона и Бавкиды, Фауст находит себе высшее оправдание, точно такое же, как в «Медном всаднике» находит себе оправдание Петр: «Красуйся, град Петров!»

Тут и там проблема личности и общества разрешается в пользу общества, причем исключительно благодаря скачку авторов: Гете скачет через Филемона и Бавкиду, Пушкин – через Евгения.

Медный всадник сказал бы Евгению: «Ты мелко мыслишь!»

Так образуется сила обобщения, путем уничтожения, убийства случайного.

..Еще я чувствовал ночью властолюбцев, как нечто чуждое бесспорно, что-то вроде черных скал, на которых и мох не растет.

Через тысячи лет, может быть, и отмоет вода от них и унесет в поля плодородные пески, но сейчас они стоят, погруженные в воду, и ничего нет у них с водой, и у воды – с ними.

На высоких горах ничего не растет, но зато оттуда далеко видно.

Все хорошее в человеке почему-то наивно, и даже величайший философ наивен в своем стремлении до чего-то просто додуматься... Серьезна и не наивна в человеке только мощь, могу – вот и все.

Как мог Пушкин, заступаясь за Евгения, возвеличить Петра? Как это можно так разделить себя? Наверно, надо быть очень богатым душой и мудрым...

Разум бывает прекрасен, когда показывается людям своими далекими границами, обнимающими огромный простор. Это – как выходишь из темного леса на берег, и открывается море. Или как Пушкин, замученный мыслью о судьбе бедного Евгения, вдруг как будто на берег океана выходит и говорит: «Красуйся, град Петров, и стой!»

«Я» – это душа всего, это Евгений, который пережил свой страх и свой гнев на Медного всадника и ему довольно смотреть на цветок через щелку забора, чтобы участвовать в этом великом существенном, перед чем Медный всадник кажется чем-то вовсе даже и не мешающим: медь и медь!

Несколько смешна только с душевной точки зрения фигурная чопорность Медного всадника: сущности нет – одна форма. А между тем сколько гонора вздыбилось... чуждое искусство! В существе нашей жизни ничего нет такого.

Евгений из «Медного всадника» – это сам человек, мой «обыватель», а Петр – это всадник медной необходимости перемен.

То, что я в себе называл «оправданием обывателя» и «смирением», – это было признанием непосредственной очевидности, то есть жизнью, противопоставленной интеллекту.

Медного всадника и Евгения можно понимать как спор между горделивой формой и смиренной материей, за счет которой эта форма создается.

Отвлеченная мысль уходит, а частности остаются в отчаянии и страданиях оттого, что их не взяли с собой. Почему же и вправду их не взяли? Почему отвлеченная мысль никогда не берет с собой всего и непременно оставляет малых, обойденных, обиженных? Не та ли самая обида, какую испытывают в творчестве природы миллионы брошенных и не имеющих возможности прорасти всяких семян? Не есть ли и адская борьба за существование последствие такого творчества?

А когда поезд начинает двигаться вперед, мы видим из окна, как близкие предметы уходят назад и только очень далекие, как звезды, остаются наравне с нами: все близкое, только близкое от нас отрывается!

Что же нам остается делать в утешение близких: не мыслить, не ездить, не двигаться? А мысль есть непременно движение...

Когда я читаю о рыцаре печального образа, как он с копьем наперевес мчится, я всегда вхожу в положение мельницы: ведь это случайность, каприз автора пустить ее в ход как раз в то время, когда мчался на нее Дон-Кихот. Если бы дело происходило в безветренный день, то ведь очень возможно, что рыцарь поломал бы ей крылья и лишил бы на некоторое время население возможности обмолотить свое зерно.

Я живо вхожу в положение мирной беззащитной мельницы, и всей душой в эту минуту ненавижу я рыцаря, наделенного всеми хорошими качествами, и только смешного, но не страшного.

А он страшен...

...Мы теперь хорошо научились (и спасибо учителям) не делать заключений о целом по частному случаю. Встречаясь с какой-нибудь гадостью, мы обходим ее, как навоз, предоставляя времени обратить его в полезное удобрение, и говорим: «Это надо пережить!»

...«А вообще...» – и делается вывод.

Нет, будьте осторожны, подождите делать вывод, помните, что, сделав вывод, вы с чем-то кончаете, что вывод в отношении нашего внимания к чему-то, нашего ожидания от чего-то, нашей веры, надежды, любви есть то же, что смерть.

В живой творческой жизни по пути к бессмертию нет никаких «вообще», и даже у мертвых появляется лицо, и так мертвецы воскресают.

Сделав вывод, человек кончает с вниманием к частному; как творческое существо он прекращает себя и делается орудием. Но дерево жизни производит все новые и новые слои древесины, и в этом прогресс.

Нужно победить войну, и это должно совершиться, как в древе жизни: образуется новый слой древесины.

* * *

Запись во время войны. Три дня осторожно разбирали кирпичи разрушенного дома над бомбоубежищем. Тут где-то в толпе таился и Евгений, тот самый неумирающий Евгений, которого Пушкин изобразил в «Медном всаднике». Три дня, проезжая этим местом, я отрывался от руля, озираясь на страшное место: десятки людей, осторожно работая, разбирали кирпичи над похороненными людьми... «Ужо тебе!» – повторяли мы про себя, как Евгений в «Медном всаднике». И тут же искали виновника, кому хотелось бы бросить эти слова. Мы не были так просты, чтобы все отнести к Гитлеру. Нет, дело было не в Гитлере, а в идее чьей-то, падающей на людей гораздо ужаснее, чем фугасные бомбы... Ужасная идея рождалась не как рождается на земле вся жизнь – в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции: среднего несуществующего, которое должно существовать.

В этом должном, выведенном арифметически, и состояла ужасная идея, собравшая над городом самолеты, нагруженные фугасными и зажигательными бомбами.

А Евгений, который стучал кулаком по фанерному забору и грозил кому-то: «Ужо тебе», – это была живая личность человека, пропущенная при арифметическом вычислении должного. Безумец грозил безликому математику цивилизации, а Пушкин заключал: «Да умирится же с тобой и покоренная стихия». Стихия умирится, но мысль? Никогда!

Друг мой, больше, больше укрепляйся в силе родственного внимания, обращенного к тварям земным, вглядывайся в каждую мелочь отдельно, и различай одну от другой, узнавая личности в каждом мельчайшем даже существе, выходя из общего, показывай,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
собирай миллионы их, и весь этот величайший собор живых выводи на борьбу против среднего должного.

Ссорьтесь, друзья, даже и деритесь, только не делайте выводов.

Мои выводы – образы, и самый большой вывод, самый большой образ – это мир, как целое, и смысл весь в отношении к этому целому.

Глава 30

Загадка истории

Люди не любят объяснять явления общественной жизни глубокими причинами, но глубокие причины действуют, и вот отчего все выходит как-то не совсем по-нашему.

Мысль прикована к загадке истории: скоро, знаем мы все теперь, что очень скоро прочитаем разгадку, и с трепетом ждем.

1917 год. После дней революции я еще не напечатал ни одного своего слова, и мне радостно, что я еще ничего не сказал: как будто передо мной лежит огромное неспаханное поле девственной земли, и я, как многие пахари теперь, в марте, осматриваю перед началом работ свою соху и потом выхожу на пригорок осматривать поле.

Прошлое, как большая низина болотная, и я в муках ищу высокое место, откуда можно бы оглянуться на себя и на все.

1921 год. Обломов. В этом романе внутренне прославляется русская лень, и внешне она же порицается изображением мертво-деятельных людей (Ольга и Штольц).

Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское «неделание».

Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою.

В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а Максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел-сидел, и вдруг пошел, и да как пошел!.. Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приблизительное... Устраиваться можно было только «под шумок», прикрываясь лучше всего просветительной деятельностью или европеизмом... Не могут все быть Обломовыми, не могут все быть Максималистами...

1923 год. Остановись на минуту, присядь записать свои мысли, свои чувства, и этот стул или пень, куда ты присел, уже есть твой дом: ты сидишь, ты – оседлый, а та мысль, те чувства, которые ты записал, уже покоятся на основании том самом, где ты присел, будь это стул или пень...

И вот почему источником искусства бывает прошлое: ведь каждого из нас судьба ведет в конце концов в свой дом.

Вот когда бегущий остановился, оглянулся – в этот момент он стал поэтом и судьба повела его в свой дом.

И пусть он будет славить революцию, движение – все это ему уже прошлое, сам он сидит на табуретке или на пне и сочиняет стихи.

* * *

Кончается Вторая Отечественная война. Так понимаю себя, что кончается время жизни моей, когда я питался верой в природу, «все во мне и я во всем». Этим ключом я открывал соответствие того, что во мне, с тем, что во всем. Этим открытием я потом и жил. Теперь же я знаю: все во мне! Но я знаю также, что там

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
во всем чего-то и нет моего, и на это небывалое во всем мире устремлен мой
интерес.

– Откуда они ума набрались?

– Это, дорогая моя, не ум, а история; между нами есть умные и дураки, и так, что
один чуть-чуть поумней, другой чуть-чуть поглупей, а в истории ум один и его
люди получают не от природы, а входят в него.

Вот мы с тобой сейчас ничего не знаем в политике, живем глупенькие, а войдем в
тот ум и какие еще будем умные-разумные.

Нас, стариков, разделяет от молодых завеса прошлого, которая так висит, как,
бывает, кисейная занавеска в комнате.

От нас изнутри к ним наружу видно, а от них к нам в комнату ничего видеть
нельзя.

Задача моя в романе[5] – найти оправдание современности в необходимости человека
взять на себя грех и вину обобщения, чтобы взять власть над природой, и эту
власть сделать добром, и воспользоваться им как удобрением почвы для выращивания
из человечины личностей...

...Не в поэзии, не в искусстве дело, даже не в личности, а все – в народе, в
нации, в социализме, в новой грядущей жизни всего человека.

Вот тропинка возле большой дороги. Валом валит по большаку народ, лошади,
машины. А ты по тропинке спокойно иди себе, не торопясь. Пусть обгоняют – не
ускоряй шага, не суйся туда, на большак, и не тужи, если все пройдут, а ты
останешься, медленный, на своей тропе.

Возможно, к тебе кто-нибудь подойдет еще отставший, спросит тебя, и ты укажешь
путь, куда все прошли. Учись же теперь держаться своего пути.

Шел по берегу реки до Крымского моста, и редко плывущие льдины, как все равно
вчера зяблики в лесу, поднимали во мне знакомое остро радостное чувство природы,
в котором душа освобождается от боли и становится большой, как мир, великой
душой.

В темноте мне светила благовещенская зорька и громадные дома с огоньками по
окнам.

В таком состоянии великодушия я ставил мысленно на место этих домов прежние
береговые березки и елки (их нет, но я-то их помню!) и дивился трудной судьбе
этих великанов – домов.

Так шел я по набережной, понимая и принимая к сердцу весь труд управления водой.
Я сравнивал эту быстро бегущую воду весны с потоками нашего сознания и берега
реки сравнивал с делом тех, кто управляет потоками и строит берега, чтобы
сделать полезным движение потока.

«Какие великие дела берут на себя эти люди!» – думал я. И в великой глубине
своей предстала мне детская сказка о золотой рыбке.

– Так растите же, – говорил я береговым домам, – выше и выше!

Золотая рыбка вам положила их вознести хоть до небес. Но только будьте мудры и
скромны, не посягайте на свободу самой золотой рыбки.

Неизменного идеала, как и неизменного плана быть не может, но, чтобы следить за
его изменениями, надо не изменять ему, а самому изменяться. Двигаться вперед
можно, только изменяясь вместе со своими идеалами.

Есть, однако, кто падает в прах, изменяя своему идеалу, и есть, кто
мумифицируется в верности ему.

Идеал живет, изменяясь, и я в нем живу, и нет неподвижной идеи. Величайший долг
человека – это изменяться (как идеал – так и я!), изменяясь же, не соблазняться

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
временем: не за временем идти, а за Истиной, идущей во времени. (Истина – Правда.)

Нужны ценности положительные, чувства небывалые, мысли – подчиненные великому целому, – вот что должен теперь давать писатель.

Если мы видим трудный переход земледельца от сохи к трактору, то ведь еще труднее переход его к новому механизму государства. Везде родственная личная связь заменяется знанием: не сученой ниткой, как раньше, сшивается наше государство, а машиной...

1 Роман «Осударева дорога» Тысячи лет учились жить люди для себя, как живут в природе хищники. Но в то же время в той же самой природе есть животные, которые живут не для себя и мед собирают и складывают в запас будущего.

Социалистический процесс обобществления нам кажется похожим на возвращение человека в улей.

Приходил пчеловод Саня, предложил перевести моих пчел на веранду – теперь уже не замерзнут.

– Мы теперь, – сказал я, – скоро сами будем как пчелы.

– И доведут! – живо ответил Саня.

Я думал, он в недобром смысле сказал, а он, оказалось, думал о пчеле совсем по-другому.

– Собственность, – сказал Саня, – теперь уже, можно сказать, исчезла. Еще немного, и мы тоже, как пчелы, будем за взятки стоять, не собственность будет нашей целью, а «взятка».

С этим я не мог не согласиться и не пожелать от души, чтобы у людей на первом месте была не собственность, а «взятка», то есть личное участие в создании общественного блага.

Между тем в те годы, когда все началось, я не раз содрогался от мысли, что со временем мы будем как пчелы. Наверное, это происходило от страха перед тем, что заставят для «взятки» бросить свой талант: я смешивал талант свой с собственностью, и оттого был заодно с собственниками и боялся общественного улья.

Не то интересует, чем я отличаюсь, а то, чем я, отличник, соединюсь с другими: вот «взятка»!

Когда человек берется за дело, то он непременно прячет свою мысль от другого, и так он охраняет свое первенство, как необходимое условие своего творчества.

Вероятнее всего, это живое первенство при падении человека каменеет и превращается в собственность.

Преступная собственность образуется в краже человеком у Бога времени по формуле: «Время есть деньги». Тут начало греха, имеющего последствием войны.

А вот и такое еще может быть понимание нынешнего могущества России: весь мир увидал по двум мировым войнам, на каком пустом месте (частная собственность!) воздвигнут карточный дворец современной общественной нравственности.

Большевики успевали и успевают потому, что некому и нечем им возразить и никто не может указать на святость ее основ.

Похоже все на какой-то дырявый сосуд, в который наливается и опять из него выливается народная жизнь, и опять и опять подхватывается черпаком, и опять наливается и выливается...

Так совершается в мире борьба двух творческих начал в человеке: частной инициативы и социализма – силы первенства и силы всего человека в его необходимости или послушании.

Голос борьбы за первенство, за лицо говорит: хочу быть самим собой; голос борца за организм всего человека говорит: слушаться надо. Вот и вся тема моего «Царя» [6].

Почему же тридцать лет, Михаил, ты мог жить собачьей жизнью со своими собачьими рассказами и отгонять от себя мысль о борьбе чечевичной похлебкой против борьбы человека за его первенство? Потому, что ты очень веришь в русский народ, что он выйдет на широкий путь борьбы всего человечества за его первенство в природе! И сейчас я в это верю. И если даже погибнет Россия в борьбе за чечевицу, то какие-то плодородные берега будут созданы движением человечества на пути его к первенству...

Как ясно теперь, чего я боялся: я боялся, что умиренность стихии с человеком, то есть гармонию, победу я подменю сдачей первенства за похлебку, что я предаю этим наше первенство. Начал опять думать о «Царе», что борьба за первенство должна в нем сплестись с борьбой за организм (общественность), противопоставляемой борьбе за существование.

«Царь природы, или Осударева дорога». Завет, преподанный Марксом, состоял в философии действия (изменения среды) – это самое главное. Требуется от человека усвоение лучшего в прошлом с целью посева его в будущее.

Роль человека – очистка семян истории.

Ленин гениален потому, что перешел черту, которую всякий другой не смел перейти (нажал гашетку взведенного народом курка). В этом действии Ленина народ узнает свое дело, спуск гашетки – момент превращения народного дела в личное, и в этот момент личность делается вождем народа.

Решение Ленина – взять власть, то есть то, что всякому интеллигенту было ненавистно, – есть решение гения.

Он шел против всех и в этом был прост, как ребенок.

Все время теперь думаю о простоте Ленина, о полном разрушении всякой позы и иллюзии (кстати, иллюзия и поза – нерусские слова, а хорошо!).

Слова Белинского, что Россия скажет миру новое слово, – эта тема моей повести [7].

Моя родная страна скажет новое слово и им укажет путь всему миру.

А разве немец не так же думал, англичанин, француз? Путь веры в миссию своей страны кончается непременно войной. Значит, слова Белинского сами по себе еще ничего не значат и нужен к этому плюс: коммунизм.

Значит, Белинский предчувствовал слово, но не знал его, а Ленин это слово сказал для всего мира, это слово – коммуна.

Русская интеллигенция взялась, конечно же, от самого народа и только простые народные хождения к святым местам и сектантские искания заменила хождением в народ и «в люди», исканием идейным в области культуры, – хождением к местам культурных достижений человечества.

Ленин всю эту творческую тревогу интеллигенции и народа воплощал в себе, в нем собрались все начала и все концы искания и зарождения, но он единственный из всех сказал: «Довольно исканий и хождений, давайте делом займемся!» И всю скопленную тревогу превратил в дело.

В голову приходит мысль о том, что Толстой своим непротивлением все подготовил к тому, чтобы кто-то пришел и одним решительным ударом (как Ленин) рассек гордиев узел русского народного непротивления.

Входя в колено жизни, слабеющие люди и народы падающие получают веру в инертность человеческой природы и убеждают себя в этом ссылаясь на историю и на «суету сует» Соломона.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Нужен приход молодых народов, чтобы загорелась вера в небывалое.

– Не бывает? – А мы попробуем!

Нет никаких сомнений, что наши дипломаты, как собаки, идут по свежему следу истории.

* * *

Все пережитое смотрится в наше время, как в зеркало. И прямо скажу: мы не другими стали, как любят теперь говорить, мы те же самые, только впервые увидели себя в зеркале и стали прибираться, поправляться, как делают все, увидев себя в зеркале.

Мы потому современны, что нас всех соединяет какая-то мысль. Во всяком времени проходит особая мысль, и в этой мысли содержится путь, по которому в это время надлежит нам идти.

Можно ли знать эту мысль? – это вопрос, но чувствовать сердцем эту мысль, как наш путь, может каждый, кто хочет заглянуть в свою совесть, и это чувство истинного нашего пути совестливые люди называют правдой.

Впрочем, конечно, есть и бессовестные... Но у кого совести нет, у того, скорей всего, нет и правды.

Христос и Пилат. Христос как производитель жизни, Пилат – как потребитель. Христу – палач, Пилату – повар.

– Ты, Михаил, только представь себе людей, как они сейчас нам показываются, и ты сразу узнаешь и Христа со своими мучителями (палачами), и Пилата с его поварами.

– Вижу, – говорит Михаил, – необъятный подбородок на лошадиной челюсти и весь шар головы, и я трепещу, как осиновый листик, боюсь, как бы он не обратил на меня внимание... И вот он обратил внимание, и палец его, короткий и жирный, тянется к моему стебельку.

Противоречия такие, что одно исключает другое, встречаются постоянно и в человеческом обществе, и в природе: они указывают яснее ясного на то, что ни у людей, ни в природе нет правды, а что она делается всеми существами в мире с надеждой на будущий какой-то хороший конец...

* * *

Мне кажется, что если принципы нашего времени свести в единство, то желанный свет нашего времени – это радость матери в первый момент после освобождения от мук рождения, как будто свет только сейчас и начинается. Это и есть жизнерадостность.

Я думаю, что вот такого рода жизнерадостность и есть основная черта нашего русского народа: радость рождения, и очень может быть, что эта жизнерадостность внутреннего народа стоит к его страданиям в том же отношении, как радость матери к перенесенным мукам.

А ребенок, рождаясь, тоже кричит, и смолкает, только встречаясь с грудью матери.

Мы знаем, что чувствует рожающая мать, но мы ничего не можем знать, что чувствует рождаемый.

Итак, коммунисты – это акушеры, призванные к операции при тяжелых родах. Россия – это мать рожающая, а я – «рождаемое...» Что это, символ? Да! Но это не символ «символического искусства», а символ веры русского человека.

Сущность материнства – это концентрация материи в себе: все «на пользу».

На этом зиждется мораль коммунизма, вернее, мораль рождения, возникновения. Материализм есть дело твоего отношения ко всему телу человечества, как к своему собственному.

Человек, умирая, какое-то слово сказал. И умер человек, и то слово его было услышано. И с этим словом стал жить другой человек из года в год, вспоминая его

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
и к смыслу его прибавляя свой новый смысл.

И когда состарился этот человек, то, умирая, сказал это слово, полное смысла, и третий человек услышал это слово и стал жить по этому слову, наполняя его новым смыслом.

Вот и я пришел к этому слову и начал жить им, как будто только родился с ним. Слова этого я не назову, пока не наполню его своим смыслом.

Правда – это общая совесть людей, а вымысел – это за что я стою, это новое, небывалое.

Вы думаете о правде, как о неподвижной скале или как о корове молочной? Живая правда живет и пробивает, как все живое, себе путь, как весенний зеленый росток среди хлама.

Дон-Кихот вбил себе правду в голову, как гвоздь, а правда, как зеленый росток среди весеннего хлама: страшно смотреть, какая борьба! А пройдет время, и все станет зеленым: правда победит, и наступит век правды.

Слово правды делается всеми человеческими и нечеловеческими правдами и неправдами, а не тобой одним.

В детстве нам называли лучших людей умными. И когда, бывало, скажут о ком-нибудь «умный», мы такого человека уважаем... Но если бы среди великих имен: Канта, Спинозы, Дарвина или еще кого-нибудь, стали искать «умного» человека в нашем детском понимании, то и среди великих ученых «умного» мы, может быть, и не нашли б.

Понимаем теперь, что в наше время умным человеком назывался человек, обращенный сердечным вниманием к другому человеку. И это не просто добрый, а как бы умеющий делать добро, и не просто добродушный, а знающий, в какие именно руки направить добро.

Нечего, нечего загадывать, выкладывать кирпичные домики будущего, будущее само о себе позаботится. Надо чувствовать и ловить в себе прафеномен нашей русской нравственной жизни, и я думаю, что его можно назвать: это друг, в этом все. Только друг! И тем самым определяется и недруг.

Друг наш придет не за страх о своем роду-племени, а по решению нашей совести, не за страх придет, а за совесть.

Читаю взасос Маяковского. Считаю, что поэзия – не главное в его поэмах. Главное то, о чем я пишу каждый день, чтобы день пришпилить к бумаге. Потомки, может быть, и будут ругаться, но дело сделано – день пришпилен.

И это пришитое есть правда, которой, оказалось, служил Маяковский.

* * *

Бессильный человек ничего не может сказать о правде и чувствует ее где-то очень далеко от себя: «А ведь есть же где-то правда на свете!»

Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду. Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой.

Слово не рождается, а образуется в деле из маленьких слов: подай, помоги, передай!

И так, образуясь, слово венчает в конце всякое дело, полезное для рода человеческого, и открывает нам смысл вещей, из-за чего на свете все делается.

Правда истинная – а разве есть еще какая-нибудь правда? А как же! Вот гуси на перелете летят, одни машут крыльями, а другие дают направление: «га-га».

Вот это «га-га» у гусей и есть их правда гусиная. А у человека своя правда, единственная правда, истинная: летит вперед и путь нам указывает человеческий.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ты думаешь, правда складывается и лежит кладом, кто нашел клад – богат и перешагнул? Нет! Истинная правда не лежит, а летит.

Не рыба мне нужна, а сама мысль и чувство, которые сопровождают лов рыбы, из-за чего, сами того не зная, сидят днями любители-рыбаки Я до того это понял, что часами могу сидеть, не забрасывая удочки.

Но бывает что-то вроде вины от этого, и тогда спохватишься – и за удочку. И когда выхватишь рыбу, то опять можно думать. Так что в конце концов, чтобы думать о рыбе, нужно ее и поймать.

Мыслить – значит, как синичка, бегать по стволу дерева и вверх и вниз головой и прыгать туда и сюда с веточки на веточку.

Движение во все стороны есть одно из необходимых условий существования мысли. И если все-таки ствол дерева един, если для совершения дела мысль должна остановиться на чем-то одном, то необходимое движение мысли надо искать в деле.

Чувствую всем народным своим существом, что когда-то где-то в нашей стране родилось или пришло небывалое слово, и мы теперь перешли от слова к делу жизни, и поэты наши должны дать не поэзию слова, как раньше, а поэзию дела.

Правда любит селиться в деле: не всякое дело есть правда, но правда живет всегда в деле, и если даже явится правда в красоте, то такая красота всегда бывает действенной.

* * *

Все и каждый. Есть книги для всех, и есть книги для каждого. Для всех учебники, хрестоматии, для каждого книга – это зеркало, в которое он смотрится и сам себя узнает и познает в истине.

Книга для всех учит нас, как нам надо за правду стоять. Книга для каждого освещает наше личное движение к истине.

Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется.

Правды надо держаться – истину надо искать.

Истина и Правда. Деловое искусство есть пропаганда или искусство, подчиненное правде-делу. Правда века людьми еще не вполне усвоена и потому не стала еще истиной, которая не мешает свободе искусства. Так что оставаться свободным в искусстве можно только на основе истины, контролирующей время правды, так как правда расположена во времени, а истина от него не зависит. И еще «так что»: правда есть истина, ограниченная временем.

* * *

Хлеб наш насущный. Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это «не о едином хлебе»?.. Напротив. Каждый из нас, испытавший крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то «высшем»...

Эти слова «не о едином хлебе» относятся к сытому человеку. Голодному почему-то это сказать так нельзя. Напротив, голодному надо сказать именно, что в хлебе единство солнца, земли и труда человека.

1942 год. Ах, как хочется жить! При этих словах мне мелькнуло из времени голодания первых лет революции, как однажды, достав кусочек черного хлеба, я обнюхал его, облизал и почувствовал в этом жалком кусочке черного хлеба благословенную творческую силу всего солнца...

Искусство слова состоит в знании того, что следует сказать немногим и что можно сказать всем... Есть ли слова для всех? Есть! Это первое слово «Хлеб».

..Пришел к своему месту на большом пне, где присел и притих и, подумав, записал себе в книжечку: есть слово для всех, это – «хлеб». И есть иное слово,

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
предназначенное для каждого из всех.

Первое слово «хлеб» в сущности своей не есть слово, а только лишь сигнал необходимости между людьми... Истинное слово требует от каждого творческого участия, в котором создается личность, и каждый из всех может сделаться личностью...

Пусть господствует зло, но я утверждаю неприкосновенную силу добра как силу творческую труда и прежде всего «хлеб наш насущный».

Нет, ни в разуме, ни в сердце до тех пор человек не найдет ответа на вложенное в его натуру чувство гармонии, пока не станет сам на свое собственное место существования и с полным риском для жизни и даже ценой унижения, с протянутой рукой, за куском черного хлеба, опишет свой собственный меридиан.

Становясь на свой корень, человек обретает счастье, несмотря на несчастья друга, потому что сам делается как все и в жертвенном творчестве своем забывает себя.

* * *

На злое дело – подкажи только – и всякий способен. На доброе – редкий. Зло сделать много легче добра. И все-таки живем и собираемся жить в будущем лучше в том уповании, что добро побеждает зло.

Пахло липовым цветом, и глаз отдыхал на чудесной, сочной, светящейся в солнечных лучах зелени.

Но мы не могли ничего друг другу сказать: возле этого бульвара с липами неустанно неслись, гремели, гудели трамваи и машины.

В будущем поезда спрячут под землю и в городе будет совершенная тишина. Вероятно, именно так и надо подходить к городу, то есть так же, как и к природе: участвуя лично в творчестве лучшей жизни и самого города. Так, если город глушит, надо броситься в работу над заглушением ненужных звуков, а не проклинать города.

У каждого зверя, у каждой птицы, и у паука, и у растения всюду и у всех есть место своего рождения – свой дом. Однако птицы улетают из своих гнезд, и маленькие звери покидают свои логовища, и пауки улетают на своей паутине. Много мужества, много героизма требуется от каждого паучка и пчелы, чтобы расширить ареал своего рода. Готовность умереть за других ценнее даже, чем самое рождение новых существ. И оттого и у животных, и у растений, и у всех живых существ на земле, и у самого человека готовность умереть за общее дело считают Большим делом, а рождение даже таких существ, как человек, считается Малым делом.

Этика социализма в том, чтобы маленькому вдунуть душу большого.

* * *

Необходимость политики основана на том, что нельзя во всех случаях действовать немедленно вслед за тем, как явилась мысль (сознание). Приходится, нечто зная вперед, подождать, – и эта вынужденная отсрочка действия есть политика.

И тоже, нельзя какую-нибудь мысль сказать сразу всем, надо подготовить массы к признанию данной мысли, – и это постепенное введение масс в крут нового сознания требует политики.

Наша идея, наше государство живет той личной энергией, которая содержится в каждом из нас, как запас, как сокровенное достояние каждого.

...Нет, социализм такая же правильная оболочка жизни, как известковая оболочка яйца. Социализм – это бесконечно близкое соприкосновение с жизнью, но совершенно такое же, как известковая оболочка соприкасается с содержанием яйца.

Если курица сидит на яйце, то все существа, заключенные в яйце, начиная с самого эмбриона и кончая последним электроном белка, являются между собой современниками и держатся друг возле друга в скорлупе яйца до тех пор, пока курица не отсидит свое необходимое время.

Так и у нас у всех это есть: мы все между собой современники и каждый из нас

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
участвует по-своему в зарождении, и вынашивании, и, наконец, в явлении на свет чего-то нового.

Между личностью и обществом есть люфт, когда и личность может надеть беду обществу и общество может погубить личность: и тут вся игра, стоящая целой жизни.

Правда, стоит заниматься этой игрой. И оттого занимаются, и существуют политики, и дипломаты, и цари.

Люфт между обществом и личностью – это «Бог правду видит, да не скоро скажет». И это «не скоро» равняется целой жизни.

Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали свое лучшее, и их так много, что имена не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун.

На тонкой ниточке состоит связь моя с родиной: эта ниточка – мое личное словесное творчество... И тут все: пока я пишу, я – сын своей родины. И потому нечего раздумывать, нечего расстраиваться, а побольше и получше писать.

* * *

В поисках образа героя[8]. Вся жизнь человека, его науки, искусства, техника – есть сказка о правде, и вся правда и вся новая мысль открывается в том, как бы нам сделать всем сказку, чтобы человеку на земле получше жилось.

Кончается сказка – начинается дело.

– Где же теперь будет сказка?

– В наших делах: наши дела будут сказкой.

Почему бы в образе моего героя не дать, пусть утопический, идеал разрешения свободы и необходимости?

Живой человек – это герой моей будущей повести, соединенный из фигуры моего друга О., Суворова, Руссо, Ивана-дурака, Дон-Кихота с тем ощущением нашего детства внутреннего («будьте как дети»), и природы, и себя самого в своей вере в жизнь, и любви.

Живой человек – это человек, находчивый в правде. Это вместе с тем значит, что такому человеку не нужно в решительный момент действия лезть на полку справляться по книгам и не нужно идти к начальнику просить выдать мандат на спасение утопающего человека.

Мой герой, когда с негодяем вступает в борьбу, то это все равно, что с самим собой начинает борьбу. Его задача – скрутить негодяя и заставить его делать то самое, чему он служит. Он везде милостив к своему врагу после победы, потому что враг как бы уже соединился с ним.

Правдотворчество дает бесстрашие самому себе, а со стороны становится страшно за правдолюбца: кажется, вот-вот он погибнет. Правдолюбец плывет в обществе, как корабль, рассекая лоно вод на две волны: на одной стороне друзья героя, на другой стороне – враги его... Вера в правду, ощущение ее и правдотворчество мгновенно показывают фальшь слов обыкновенных людей и мгновенно рождают неожиданный ответ, острый, пронзительный, как укол шпаги.

Дон-Кихот всегда в правде: он в правде и оттого не боится, не стесняется, не жмется ни в каком обществе, рыцари это или пастухи. Так вот и мой герой.

В книге «Дон-Кихот» нет нашего нажитого Дон-Кихота. Там только сатира на рыцарские романы, и Дульсинея – ирония, а не психология.

Мой герой – это Иван-дурак, как русское разрешение темы Дон-Кихота, – он вступился за мельницу: «Кто же ему теперь даст право ломать мельницы? Хорошо еще, ветер был, а будь тихо – чего бы он не наломал!»

«Новая мысль» – прибрать к рукам Дурака, то есть обратить его на службу не

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
«царю», а человеку и раскрыть глаза Дон-Кихоту на время.

Путь Ивана-дурака, то есть путь искусства (сказки), – путь восприятия жизни
цельной личностью. Так я и сделал, сбросив все «умное» на севере.

Куда же деть моего героя? С кем он борется? – С губернаторами (Санчо). – Во имя
чего? – Принципов Дон-Кихота. Это спустившийся сверху Дон-Кихот.

– Нашими глазами посмотрите, – приказывает ему губернатор.

– Нет, я своими глазами погляжу, – отвечает очнувшийся Дон-Кихот.

Новое в моем герое, может быть, одно: он наткнулся на губернатора, стал глядеть
в сторону Дурака и ему удивляться: «Михаил Михайлович, если бы я снова начал
жить, я бы пошел вашими путями».

Но страшно становится, когда представишь себе задачу обратить испанского рыцаря
Дон-Кихота в русского Дурака!

* * *

Туда, где складывается у людей правда, мне кажется, я спешу – спешу и кричу:
«Погодите, погодите, возьмите меня!».

Итак, всюду, мне кажется, все делают правду, а каждый из нас непременно спешит,
каждый нужен для всех, и все нужны для каждого.

Сегодня совсем маленький мороз – только не тает. Тихо слетает редкий спокойный
снег. Мы стоим у перекрестка перед красным светом в несколько рядов и в каждом
ряду в строгой очереди.

Тихо падающий снег шепчет о радости спокойного терпенья. Кажется, будто можно
так овладеть собой, что во всякое время и во всякой вещи будешь видеть тоже
такой красный свет, говорящий: «Дальше ехать нельзя, надо ждать. Успокойся,
стань в очередь и жди зеленого сигнала».

С какой-то отдаленной точки зрения человеческий род на земле похож на длинный
фитиль, зажженный, чтобы взорвать земной шар и превратить его в небольшое
солнце. Фитиль горит, после него остается зола – это наше прошлое; движение
искры вперед – это наше настоящее, а будущий мир – это мы все, обращенные в
солнце.

1945 год. Сама планета в опасности – это факт великий, но еще больше тот факт,
что каждому через пять-шесть часов есть хочется.

И если даже планета с одной стороны загорится, то люди с другой стороны будут
биться за кусок хлеба, пока можно будет терпеть подходящий жар.

Противник факта. Разве это неправда, если я скажу, что есть нечто большее факта:
мое творчество, из которого открывается факт в желанном мною направлении.

«Красота спасет мир»[9] – это значит, придет время, и всемирный противник чужого
факта – художник – будет не только мечтателем, как теперь. Он будет
осуществителем личного и красивого в жизни.

* * *

Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в общий костер, чтобы он горел
для всех, и что мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и
берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо будет зажечь на земле
новый огонь.

Как я могу уверить моих ближних в жизненном строю, что не для себя лично я
берегу свой огонь, а на то далекое время?

Глава 31

Война и мир

Первая мировая война. Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь
после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла?

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Зло – это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!

В толстовской эпопее войны не изображена обратная сторона, изнанка войны – то, что снабжает армию, связывает армию с тылом, в чем, как черви, заводятся подрядчики всякие, живущие от войны к войне надеждой на новую войну: такая война бывает раз в столетие, как тут не нажиться!..

Там, на фронте, враг стоит лицом, а тут, в тылу, он отдыхает и кушает, спит, наживается. Фронт – это очень узенькая линия, и там только момент, один момент после долгого времени ожидания, момент, когда враги становятся лицом к лицу. Но все другое время на всем пространстве от той узенькой линии, называемой фронтом, во все другое время – враг существо ласковое и даже ходит ко всеобщей.

Для победы нужен ум, здоровье и отсутствие совести. Странная стихия шевелится в душе, когда встречаешь в иностранце то, что раньше считалось в тайне души только цветом родной земли. Как будто земля эта становится не твердой застывшей массой, а подвижной и свободной, словно вышел на берег беспредельного моря: позади, в очертаниях помертвевшей земли, воспитавшее меня прошлое, впереди живое будущее, океан, соединяющий все земли, все государства и все народности...

И кажется, что назади лед, но вот лед растает и скоро будет живая вода.

Иногда встречаешь радостное и говоришь: «Это у нас только бывает, это наше!» А то обрадуешься, что не у нас только это, а везде, на всем свете то же бывает.

Радость о своем – это чувство земли, а радость, что везде так, – это чувство океана.

Красота национального лица создается не политикой, а общей жизнью, и каждому, действующему в ее сфере, красота дается без всякого усилия, она сама является.

Национализм тем отвратителен, что губит красоту жизни, а эта красота, собственно, и составляет национальность.

* * *

Вторая мировая война. Река женских слез. И скоро с фронта – река мужской крови. Расставаясь, плачут даже и молодые парни, этими женскими слезами прошибает мужа, и на время он становится женщиной, в эти моменты будущее геройское дело кажется маленьким. Уложил две перемены, нож, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на дымок, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставаясь с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки.

Все весенние цветочки и каждый зеленый смолистый лист просят нас об одном – о защите. И если мы хотим наслаждаться счастьем весны, которое они все приносят с собой, мы должны идти на войну за свое любимое и быть готовыми, любя, умереть. Все эти цветы новой весны тем и прекрасны, что пробуждают в нас лучшие силы в борьбе за любимое.

Сколько серых слез не одетой весны скопилось по сучкам, по веточкам и почкам и упало на землю, сколько теперь на тех же веточках и сучках шумит зеленых листьев и сколько цветов на земле под березой..

Я вспоминаю юношу на платформе с зенитным орудием. Стон, и вой, и вопль были в воздухе от деревенских женщин, провожавших эшелон на войну. Слезы рекой лились у всех и о том юноше, который сидел и улыбался возле зенитного орудия.

– Он улыбается! – сказал кто-то возле нас. И кто-то ответил:

– А ты взглядишь и пойми, чего эта улыбка ему стоит!

И вот теперь я смотрю на море радостных цветов под березой, на всю эту улыбку земли и сквозь свои собственные слезы вижу победителя-юношу с цветами в руках.

Сейчас идет война всего земного шара, потому что в беде, постигнувшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историческая задача большевиков – вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей.

Зимой ведь только хрупкое стекло держит в доме тепло, и при центральном отоплении дом без стекол есть могила. Стекла вылетают от далеко разорвавшейся бомбы – и человек выброшен на улицу. Величайшее злодейство... И тот злодей, кто молчал и берег свою жизнь, и, может быть, больше всех злодей ты сам, не отдавший жизнь за необходимое огненное слово.

Начались долгие страшные ночи с кошмарными просыпаниями, когда мысли, будто брошенные камни, летят и падают.

И мне чудилось, будто некогда гигантский человек впервые встретился с тьмой, и от этого мысли его стали падать камнями, и весь он распался на камни.

И так произошли на земле камни.

Потом я развивал эту тему в полусне, считая, что камни можно мельчить так сильно, что они становятся питаньем растений. Но если размельчить и эту пыль современными способами до величайшей тонкости, то эта пыль, представляющая собой раздробленную мысль, может стать любовью или питаньем души человека.

Не жалко мне было бросить свой домик в Старой Рузе и свою прекрасную квартиру в Лаврушинском. Стал сегодня бриться и увидел впервые, что кожа на моей щеке за эти дни начала морщиться, как у стариков. С некоторым страхом я этого ожидал раньше, но теперь мне было не жалко: пусть дом, квартира, пусть шея, пусть все тело, пусть самая жизнь – не жалко и этого!

Когда нивы поспели и колосья согнулись от тяжести зерна – не верьте колосу, что высоко над нивой стоит: этот колос пустой.

* * *

Теперь даже один наступающий день нужно считать за все время. Никто и никак теперь не может сказать, будет ли за этой жизнью в Усолье[10] какая-нибудь другая благополучная, но все равно, эти дни суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого и всех нас будут значительней всех будущих дней...

О время, время какое! Все маски сброшены с государств и с церкви, и все пережитое человечеством в этих формах опрокидывается в открытую душу каждого, как бремя, которое он должен вынести...

Говорят, люди в Москве теперь полусумасшедшие. И не мудрено: такой казни массовой посредством метания бомб в дома большого города еще не было. Кто первый придумал это и назвал именем тотальной войны?.. Ближе и ближе подступает к нам та настоящая тотальная война, в которой станут на борьбу действительно все, как живые, так и мертвые.

Ну-ка, ну-ка, вставай, Лев Николаевич, много ты нам всего наговорил!..

Стесненный и даже почти задушенный, вышел я в бор: там в холодном свете золотистой зари сосны горели. И мне стало стыдно за себя, за свое существование, и ненавистны мне были написанные мои бумаги, и этот ежедневный труд, в котором я похож был на червяка, ползущего с целью оползти неизвестно зачем земной шар. Страстно захотелось уничтожить себя как писателя и начать жизнь совершенно простую, как у всех... От этой мысли освобождения себя самого от плена писательства мне стало делаться лучше и лучше... Может, и сам-то скоро умрешь. Ты здоровей этой мыслью, что и так само собой без шутовства всесождения кончишься и не будешь себя чувствовать червяком, оползающим землю.

Стань в этом свете у неминуемого костра своего, как стоят эти сосны в свете золотистой зари, и подумай про себя, совсем про себя, на корне своем, в неподвижности полной: разве что-нибудь значит для тебя такого этот ничтожный червяк, этот ты, кого-то из себя представляющий?

Так я прислонился к дереву, слился с ним и мало-помалу стал совершенно спокоен.

Слово. Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс – и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Игорева». Но вот оно, Слово, лежит, и я знаю, по Слово этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно – не чугуном, а словом все делается.

Заря желтая, холодная. Не покрытая снегом земля зябнет. И даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне зари, не говорят ничего моему сердцу. И я молюсь о том, чтобы заря стала зарей, свет – светом и радовал нас, как было в мирное время

Пока я молился, милая лесная пила стала голубой, заря – золотой, а темная пелена облаков над зарей – сиреневой, и в сердце в ответ шевельнулась уверенность в существовании таких огромных богатств на земле, о которых не хочет знать человек, замороженный в злую сторону жизни...

* * *

Зло в красоте. Утром началась метель мельчайшими белыми пылинками, рассмотрев которые на темном, я убедился, что и такая пыль состоит из шестигранных звездочек... И все эти снежные груды, от которых гнутся пятидесятилетние сосны и аркой склоняются до земли березы, состоят из этих звездочек.

Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для того, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника...

Сколько замерзает в одну только такую метель живых существ, сколько поломанных ветвей, сколько изуродованных деревьев! Но придет время, и каждая прекрасная и злая шестигранная звездочка зла превратится в круглую каплю доброты, включающей в себя и красоту. Сверху добро, внутри красота – какая сила! А зимой – наружу красота, а внутри зло.

Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна.

Перебрасываюсь от этого в человеческий мир, и вся война представляется мне как болезнь, охватившая все человечество. И пусть вырастут на крови цветы – не утешительно. Пусть и тут каждый кристаллик зла превратится в каплю добра – не утешительно!

Могила могил. Снежинки (шестигранные звездочки), падающие с неба, в совокупности своей материи, падая на сучки, на ветки деревьев, обнимая каждый изгиб, засыпая каждую лапку, трудятся, чтобы все округлить, все похоронить, над каждым покойником насыпать круглый холмик-могилку.

Над этими бесчисленными могилами высится могила могил – небесный свод, и в нем с прямыми лучами солнце – отец жизни.

Всякое существо живое на земле стремится навстречу солнцу, и так создается рост жизни по прямой: каждая веточка стремится прыгнуть из своей могилки и воспринять в движении к солнцу, и вся жизнь в совокупности стремится выбраться к солнцу из-под своей могилы могил – небесного свода.

* * *

Моя кристаллография. Снег идет. Снежинки на рукаве. Я думаю о них. Всякий кристалл складывается из прямых линий, но, падая, вместе со множеством других образует круглую форму (снежные фигурки на деревьях).

Не все ли равно – падает или тает? Тающий кристалл тоже непременно превращается в круглую каплю, и потому она падает. Значит, можно себе представить, что в начале творения мира был создан кристалл, который, падая, образовал из себя бесчисленные формы круглых миров. И, значит, наша планета Земля есть одна из упавших капель тающего в огне кристалла.

И вот почему истинное искусство несет в себе идею вечности и бессмертия: потому что всякая творческая сила искусства есть сила кристаллизации, это сила обратного восстановления упавших в округлые формы к изначальным и вечным формам кристалла. И все живое на свете существует, как попытка выйти из круглого состояния в те прямые, из которых создаются кристаллы.

Вот круглое семя дерева образует прямую ствола и в движенье своем к солнцу

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
исходит падающими круглыми семенами до тех пор, пока иссякнет вся сила корней,
движущих соки по сосудам дерева. (Все живое – из яйца.) Но мы – люди, в своем
определенном движении вперед, разве мы-то не падаем?

Все стремится выйти паденьем в круглый мир бытия.

Священная прямая. Единство в многообразии форм составляет и стиль и содержание
произведений художника, и это единство равнозначит, в моем понимании, со
священной прямой.

В юности я верил в простую, как рельсы, прямую прогресса человечества. Потом,
как и все, потерпел крушение, и весь мир с его человечеством завертелся по
равнодействующей силы центростремительной, влекущей вниз, и центробежной силы,
стремящей нас на прямую.

Теперь я начинаю верить, что, любя и благословляя жизнь, можно возвращаться с
живущими только при вере и уповании выйти когда-нибудь, как было это в юности,
на священную прямую.

Прямая и Кривая. Прошлую кампанию немцы, наступая на Москву, убедились, что
прямая не есть кратчайшее расстояние между Москвой и Берлином. В нынешнюю
кампанию сорок второго года они убедились под Сталинградом, что и кривая не есть
истинный путь.

* * *

Добрая мать. Смотрел целый час на материю снега, обнимающую каждый сучок, с тем,
чтобы устроиться на нем шариком. Сколько лысых голов, сколько мячиков, черепов.
И всюду и во всем одна цель этой снежной материи: облепить, округлить и
похоронить.

Снежная материя хоронит живые существа с целью их сохранения: под снегом они не
вымерзают. И та святая женская материя, о которой я говорил, есть добрая мать.

Если бы только мог современный человек подойти к текущей воде с тем священным
трепетом, с каким далекие от нас люди пустынь подходили в палящий знойный день к
оазису и припадали страстными губами своими к холодной воде. Сколько
наслаждения! Сколько благодарности! Сколько раздумья и поэзии!

А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде?
Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего
огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды.

На всю деревню голосит сиплым нечеловеческим голосом бабушка Аграфена: «Ой-и,
жизнь моя, Ванюшка. Ванюшку убили. Ой-и, жизнь моя, Николаюшка. Николаюшку
сегодня угнали. Ой-и, катитесь, слезы, по лицу моему». Идет с причитанием
медленно через все село из конца в конец.

Слушал я этот вопль, и даже в мои годы подмывает злоба на немца, и тянет она
включиться в массу, идущую на врага.

Но сегодня я опомнился от стыда, ведь мне семидесятый год, а я и молодой не умел
помогать на пожарах.

И самое происхождение этого чувства стыда неглубокое: это оттого, что сама
гордость хочет взять на себя больше, чем может.

* * *

Медведи. Забота о существовании и некоторые успехи в этом сохраняют наше
здоровье, но душа от этого теряет священный трепет, тревогу, порождающую новую
мысль...

Душа наша похожа, скорее всего, на медвежью, когда звери эти ложатся в берлогу и
снег изо дня в день засыпает их, и они не спят, а дремлют.

– Скажи мне, если мы останемся целы в этих испытаниях и сохраним свои души, не
стыдно нам будет?

– Перед кем?

– А хотя бы перед мертвыми!

Валил снег вчера, валил сегодня весь день, и лес наш совсем завалило, лес стал глухой. И мы стали, глядя на падающий снег, распускать шерсть: она распускала, а я связывал нитки и наматывал. Снег падает – клубок мой растет и растет. Время незаметно проходило, как будто время, грызущее сердце, покинуло нас и сматывалось на клубок.

Стало темнеть.

– Я как-то не чувствую времени, – сказал я. Она ответила:

– Мы наше время сматываем на клубок.

Мы зажгли лампу и продолжали наматывать, и время шло, и мы его не чувствовали. Потом стало клонить ко сну. Мы уснули, а клубок вырос до огромных размеров. И спали мы долго, может, мы столетия спали, блаженные, а наше злое время отдельно от нас все моталось и моталось в огромный клубок. И сколько снегу напало. И весь лес стал глухой.

* * *

Я помню, как на верху горы из-под ледника мчался поток и громадные камни, скользя по разогретому солнечными лучами льду, время от времени падали в поток. Слышался глухой удар, всплеск, на мгновение вся вода из потока взлетала на воздух. Но скоро вода, обегая со всех сторон камень, принималась за свою работу.

И что же? Там на берегу теплого моря, где волны прибоя ежеминутно приносят и дарят человеческим детям округленные разноцветные камешки, эта радость пришла от падения камня в поток так вода обрабатывает камень.

В искусстве текущем есть все, но побеждает и остается направление к делу мира. Враг затаился, и, чтобы не было страшно, надо стать выше его, и так, чтобы ему вверх не видно, а вы с верху видите его со всех сторон. Можно бы, конечно, оттуда сверху полить на него кипятком или осыпать горящими угольями, но почему-то на высоте и в голову не приходит такое поведение в отношении врага.

С самого первого слова я это понял и только этим путем продвигался вперед в искусстве слова.

Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время поставили себе задачу сказать о любви... И мы уверены в том и знаем, что наше время придет, как все знают, что рано ли, поздно ли война кончится.

Первый зазимок лег ночью, и утро вышло белое, и мелкий снег частой крупой все так и сыплется...

Я проснулся рано и лежал, не зная, что земля в обновке лежит.

Но мысль моя, внутренний мой человек, определенно всматривался в то время конца России, когда писали Блок, Белый и другие поэты, всматривался с таким чувством, будто все там у меня назади осталось как кладбище, засыпаемое снегом. Так ясно и просто думалось, и воспоминания не вызывали ни сожаления, ни боли.

Потому не больно было вспоминать, что ведь это не Россия кончалась, а сама Европа – идеал нашего русского общества, – вся «заграница» погибала со всеми своими мадоннами, и соборами, и наукой, и парламентами.

Падает снег на мою душу, и я молюсь об одном, чтобы дожидаться весны и прихода мысли в понимание пережитого конца и в оправдание погибших и нас, уцелевших...

Мы русские, и западники и славянофилы, в истории одинаково все танцевали от печки – Европы, а вот теперь эта печка, этот моральный комплекс не существует.

Будем мы теперь танцевать от другой печки – Америки, или же, наученные, будем танцевать свободно от себя, а не от печки?

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Два выхода из необходимости: бунт и творчество. Но за бунт люди отвечают. А творчество есть выход личный, это есть «мир».

Только быки борются своей силой, а человек борется тем, за что держится, во что верит, тем и бьет.

* * *

Чем же плох этот мой труд – снимать карточки детей для посылки их отцам на фронт. И так все, всякий труд, если научиться подходить к нему благоговейно... Так я смотрел на себя, фотографа, со стороны, и мне нравился этот простой старый человек, к которому все подходят запросто и, положив ему руки на плечи, говорят на «ты». Тогда мне думалось, я даже видел это, что именно благоговейный труд порождает мир на земле.

Когда приходят девушки за карточками и одна какая-нибудь бывает недовольна собой и говорит: «Я не похожа», я обращаюсь к свидетельству ее подруг, и они все отвечают: «Похожа». И она бывает вынуждена подчиниться и взять плохую, с ее точки зрения, карточку.

На самом деле этот суд всегда ложь, потому что лучшее, что лелеет в себе личико девушки, знает в себе только сама она, и ей, конечно, хочется быть похожей на это свое лучшее.

...Встретили мы молодого человека под руку с девушкой, на глазах у него была повязка из марли, и девушка сказала нам, что этому человеку – ее жениху – на войне выжгло глаза.

– А мы говорим сейчас, что нет больших страданий, чем от любви, но вот человеку выжгло глаза, и навсегда. Любовь можно вылечить временем, а глаза не вернуться. Душа в существе своем поражена, но мир весь целиком сияет. А если глаза выжжет, то мир исчезнет. Что хуже?

– Но ведь она-то с ним, она его ведет; она его любит. Пусть мир исчез – она с ним.

– Да, она с ним, но для нее нет жизни: она жертва.

– Так что же нам сказать: какая рана больше – в душу или в глаза?

– Это смотря по человеку: иному от раны в душу мир исчезнет навсегда, другому в слепоте к внешнему миру открывается зрение на великий безграничный мир внутренний. И значит, все сводится к одному: к силе, преодолевающей зависимость как от мира природы, так и от мира душевного.

Ленинградский фольклор. Солдат шел по улице, встретил покойника, обратил внимание на знакомое одеяло. Подошел, узнал свое одеяло и понял – жена.

Рассказчик прибавил:

– А если бы пошел другим переулком, так бы и не знал, что жена умерла.

Выслушали женщину из Ленинграда, башмачную закройщицу. Почерневший от голода мальчишка вырвал кусок хлеба у женщины, которая веревкой подпоясала каракулевую шубу – так похудела, и ноги, отекавшие от голода, обмотанные, похожи были на два бочонка. Как молятся. Как убирают покойников. Как немцев отгоняют. Как умирают... скорее мужчины, потом женщины, и всего выносливее оказываются дети.

Женщина из Ленинграда стала притчей во языцех, все узнали вдруг, какой ценой достается наше продвижение вперед... И тоже понятнее становятся в устах англичан героические эпитеты в отношении Красной Армии... Может ли в большой войне пройти безнаказанно действие, подобное истреблению индейского племени европейцами?

– Вот то-то и есть, что является надежда на взрыв, на выход из-под глубоких подземных пластов огня жизни... А что это за огонь, что это за сердце, такое большое, всеобщее, близкое, это сердце наше же собственное, что соединяет «я» и «ты» в наше «мы», это сердце, зарытое глубоко в землю, на которой люди теперь истребляют друг друга? Мы ждем этого взрыва.

* * *

Коровий рев. Каждое утро просыпаюсь, когда гонят мимо открытых окон коров и они мычат и режут. Прежде меня просто раздражал этот коровий рев, сопровождающийся хлопаньем кнута и окриками пастухов. Теперь, при этом глупом бессмысленно-безнадежном реве отдельных коров, я содрогаюсь, мне слышится в этом реве, в глубине его где-то заключенный человек, не имеющий возможности дать знать о себе своим голосом.

А когда после того встаю и выхожу на росу, то даже и все величие солнца не удовлетворяет меня, и в лучах его, и в цветах, и в траве, и в росе, и уже в том, что солнце круглое, мне чудится какой-то недочет. Чего-то не хватает во всем этом, что-то пропущено или где-то заключено и скрыто, как в этом реве коровьем, слышном теперь уже издали, продолжает чудиться заключенный в темницу родной человек.

Хорошо, что я, хотя и поздно, а все-таки это чувствую...

С детства мы говорим «народ», как что-то священное, и много перевидали подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю.

Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих, подземный, закрытый тяжелыми пластами земли. Это не только мужики или рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира.

Только чувствуя и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться.

Мой народ, которого я держался, не будучи народником, был мне вроде как теперь лес. Я хожу по лесу и своими образами как бы перелаживаю в человеческое сознание лес, улучшая его, и тем продолжаю незнакомое, неведомое мне творчество. Так и народ мой был мне как лес для художника.

В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир.

* * *

Беседовал сам с собой, да, именно: какой-то Сам беседовал с Собоим.

Сам говорил:

– Мне хочется все пережить и поглядеть, как после всего заживут!

– Понимаю, – отвечал С собой, – тебе просто хочется жить, и в этом нет ничего выразительного: каждому хочется выжить.

Хвосты. Воздух стал серым от комаров. Коровам и то чувствительно, и они пустили в действие специально для этого сделанные и навсегда прикрепленные к ним хвосты.

Мы же вместо хвостов сломали себе по березовой ветке и, когда миновала нужда, бросили их, с благодарностью сознавая свою освобожденную от вечного нашего «хвоста» человеческую природу.

– Нечего особенно радоваться, ну, а это все, – указала на свое тело моя спутница, – разве все это не хвосты, и сколько их!

– Конечно, хвосты, – согласился я.

– А эта беготня с утра до ночи за продовольствием, это не хвосты?

– Хвосты!

– А та мечта о будущих полных магазинах, и ресторанах, и домах отдыха?

– Конечно, конечно, даже все прошлое наше, каким, в сущности своей, являются все потребности нашего тела... все это у нас коровьи хвосты.

– Прошлое! А это будущее, посвященное счастью удовлетворения хвостов всего

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
человечества! И ты не радуйся очень на то, что мы со своими веточками березы очень далеко ушли от коров: по пути совершенства человека в его борьбе за существование и в естественном отборе столько нарастает необходимых «хвостов», что, если бы коровы их видеть могли, они бы запрыгали от радости.

* * *

«Война учит всех», – пришло мне в голову, когда я снимал за картошку двух мальчишек по пятнадцать лет. У одного были на груди стрелковые ордена, и я не знал, как мне с ним быть, потому что в комнате стена мешала отодвинуть аппарат, чтобы могли выйти все ордена.

– Что делать? – сказал я. – Если снять ордена, то обрежется сверху голова, волосы почти до самого лба. А сохранить голову – срежем ордена.

Мальчик задумался.

А я ему пословицу: «Или грудь в орденах, или голова в кустах»

– Режь голову, – ответил мальчик.

Смотрю в себя и через себя одного понимаю все русское, до того я сам русский. Так, если хочу понять, откуда у нас берется столько героев, то сам эту готовность к героизму вижу в себе, как будто сидишь ни у чего и ждешь, что тебя позвуют, и как только позвали, то ты делаешься будто снарядом: вложили тебя в пушку – и полетишь, и с удовольствием, с наслаждением разорвешься где надо..

Самое характерное в нашей стране от начала революции, когда начальники (Чапаевы) ходили в калошах на босу ногу, и до ныне, когда иной начальник в погонах золотых, это, что народ обходится с этим начальником не как с титулованной куклой, а как с живым человеком. («Знаем мы, откуда вышел Калинин».)

Наши победы там у них понимаются как чудо, но посмотрите на борьбу нашу с Германией с точки зрения Бисмарка, помните: Германия активная, мужская страна, Россия – пассивная, женственная. Очень верно. Только почему же заключать, что муж в борьбе непременно одолеет жену? Не видим ли мы везде наоборот: муж какой-нибудь дважды герой возвращается в свой дом, и там герой становится ребенком, а самая обыкновенная баба обходится с ним, героем, без орденов, как с младенцем.

Так и теперь с немцами-героями вышло: это баба их победила, и не какая-нибудь символическая, а самая обыкновенная баба, выполняющая в колхозе под управлением пьянчужки-председателя нечеловечески тягостную работу. Тут весь бабий секрет в стихийном терпении Вот тут-то в дебрях тыла бабьего и таится то «чудо». (Эта мысль требует большого раздумья с углублением в быт: например, баба же не пьянствует, не распутничает, ждет, работает, рожает, и у нее дети, и тут открывается родина.)

В детском вагоне. В детский вагон вошел грубый парень и, увидев, что места ему нет, все занято детьми, сказал:

– Ишь нарожали, пора бы перестать: столько горя, а они рожают.

– А это, милый, не радость: поди-ка роди! Умница нашелся, – теперь-то и надо рожать.

– И поощрять даже надо.

– Я это знаю, а все-таки неприятно смотреть – там умирают, а тут прибывают, будто не люди, а куры разводятся..

– Именно это и надо поощрять!

– Человек не курица, – продолжает, не слушая, парень, – курице голову отрубишь – она воскреснет, а человека не воскресишь. Человека таким, как был, не родишь.

Вошли слепые, один играл на гармошке, другой пел о том, как на Западном фронте геройской смертью погиб молодой человек и как дома плакала его мать. Все женщины в вагоне плакали, видно было насквозь, как много в стране страдания и горя, –

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
так много, что, глядя на плачущих, даешь себе обет как можно осторожней
обращаться с людьми на улице, в трамваях: почти каждая женщина – сосуд страдания
и горя.

И заключение грубого парня:

– Вот видишь, плачете, а спорили, что надо рожать. Человек не курица, человек
умер – и не родишь его!

* * *

У меня свое, у тебя свое, у него... а вместе – это родина. Чувствовать вместе
«свое» мы научились на войне.

Чувство родины сейчас связалось у всех с концом войны. Кончится война, сделаем
все последнее дружное усилие для конца, и тогда все то хорошее, что мы ждем,
будет родиной.

Сегодня вся Москва едет в поле с железными лопатами, едет не могилы копать –
огороды! Смотришь и радуешься силе жизни, побеждающей скорбь. Но эта радость
жизни в лучшем своем выражении не больше того, как высказано в Одиссее:

Итак, мы плыли дальше, поминая милых умерших,

Втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых.

Из окна. Погода ужасная, холод и буря. Березка перед моим окном едва только
оделась, и так нежна еще зелень, что сквозь нее видны все сучки, от больших до
самых тонких. И вот буря треплет ее, бросает в стороны, гнет чуть не до земли.
Как это ужасно! И переношу мысль на человека: сколько надо было жить, мучиться
человеку в этом безобразном хаосе, чтобы научиться удерживать в себе постоянную
мечту и веру в возможность лучшего.

Что человек – посмотрите на кошку: как она отзывается на ласку. И даже свирепый
тигр – разве он не таит в себе ту же потребность? Если бы такая особенная в его
жизни тигровой выпала близость к человеку, – разве он тоже бы не жался, не
мурлыкал, не просил бы его там почесать, там поскрести...

А разве все в мире не таит в себе готовность любви, разве в самой ужасной битве
и при разжигании ненависти то же самое не вспыхивает там и тут искра голубого
света этой таинственной всеобразующей силы?

Разговор с майором.

– Вы что теперь пишете? – спрашивает он.

– Я пишу, – ответил я – только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война
пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир. Так вот я для
того мира пишу.

– Почему же вы думаете, что я удивляюсь: ваша мысль большая и верная. Война
пройдет – книга останется. До войны и я тоже был учителем...

Когда личность в своем высшем развитии выходит за границы своего национального
происхождения, то ведь эта нация цепляется за нее и венчает «национальным»
поэтом, артистом, ученым или что там еще. Но личность сама по себе освобождается
от этих уз. Шекспир становится похожим на русского, Толстой – на англичанина,
Моцарт, Чайковский, Бетховен... Да, мы люди в творчестве своем как вода: каждый
ручеек стремится преодолеть косность условий своего происхождения и уйти в
океан.

В книгах людей надо учить не рассуждению, книга не для того, чтобы ума
набираться, а для того, чтобы учиться любви.

Молодой человек двадцати семи лет, садовод по профессии, ныне лейтенант Заведует
каким-то гаражом в Москве. Проходя ежедневно мимо моей дачи, он видел, как я
шкурил столбы, как ухаживал за машиной: смазывал, надувал баллоны, мыл. Недавно,
проходя мимо меня навеселе, он поманил меня пальцем и спросил:

– Ты, дедушка, кому это помогаешь?

– А я сам себе, – ответил я, – помогаю. Я писатель и стараюсь все для себя делать своими руками.

– Разрешите мне вам помочь, – сказал он с большим почтением, – у меня есть замечательная лампа-переноска. Есть конденсатор, молоточек для трамблера, хотите, я сейчас вам привезу на велосипеде?

– Привезите, – говорю, – только не знаю, как я расплачусь...

– А ничего не надо, поставьте сто грамм вина, распейте сами сто грамм со мной, и я буду очень доволен: я больше всего дорожу хорошим обществом.

Вечером я сказал жене:

– Ты, живя со мной, была не раз свидетельницей явления подобных неведомых друзей. Вот за это я и живу в России, и люблю русский народ.

– Почему же русский, – спросила она, – разве англичане или любой другой хуже?

– Наверно, не хуже, – ответил я, – но ведь это отвлеченно и неощутимо для меня, ни языков как следует не знаю, ни соприкосновения не имею. Вывод, конечно, делаю: человек – везде человек. Но как я могу любить «вывод»? Я люблю русского человека и только на основании этой фактической любви делаю заключение, что у всех народов есть свои хорошие люди.

Она с трудом нашла магазин, где склеивается фарфор. Заведующий отказался дать ей жидкость для склеивания и требовал, чтобы она сервис доставила к нему.

И вдруг сидящий джентльмен из евреев, узнав, что это для

Пришвина, весь преобразился и сказал, что для Пришвина он сам придет к нему на квартиру и все сделает бесплатно.

В воскресенье он к нам пришел. Поняв, что он мой читатель, я спросил, какие он мои книги читал и что ему больше понравилось.

– Извините, – ответил он сконфуженно, – я вашего ничего не читал.

– Как же вы про меня знаете?

– У меня, – ответил он, – двое сыновей, оба погибли на фронте. И я помню, как часто они о вас говорили, как они любили вас.

– Писателей-то совсем нет, – сказал N.

– А маршалов? – ответил я. – Но пришла война – пришли и маршалы. Так будет и с литературой: начнется истинно мирное строительство, откроется внимание к жизни народа – явятся и писатели.

Писатели, тоже как грибы, растут при подходящей погоде.

Писатель – это стрелочник времени.

* * *

История человечества начинается жертвоприношением Богу баранов и приходит к жертве себя самого за друзей своих. Какое же это движение вперед человека!

Так можно ли унывать даже во время самой жестокой войны?

Рожь хорошо выколосилась, и отдельные колоски зацветают. Великаны-колосы маячат на высоких соломинах, и маленькие жмурятся в тени. Равных по точности не увидишь в поле ни одного колоска, ни одной соломины. Но все поле ровное, и у высоких нет упрека малым, и у малых нет зависти к высоким.

Каждый колос, каждая соломина, такие все неравные, показывают нам свою великую

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
всеобщую борьбу за жизнь, за свое лучшее, но все ровное поле высокой зацветающей ржи свидетельствует нам о победе.

Смотрю на рожь и вижу поле новых людей, и нет у меня в душе особенной жалости к слабым, и нет зависти к высоким. Мне только очень хочется самому подняться повыше и стать свидетелем победы нашего дела на всем человеческом поле.

На войне природный человек в каждом открывается, каков он есть: храбрый делается трусом, робкий – героем. Так что война это что-то вроде Страшного суда. И хорошо, если, отменяя войну, человечество найдет себе иную, более отвечающую времени форму суда и непременно «страшного», в котором вскрывается внутренний человек. Без такого Страшного суда невозможен мир во всем мире и движение к лучшему.

В конце концов, думаю, люди выйдут из нынешней беды, пусть даже и с большими жертвами. Но кому удастся увидеть новый свет, то первое, что ему представится, это быстрота движения человечества в деле преодоления пространства и времени.

Давно ли и войны, и радости мира происходили на пяточке, а теперь весь мир человеческий кругом состоит в войне двух половин и произносит цель войны – мир во всем мире. Такой великий прогресс в преодолении пространства и времени!

Второе, что откроется будущему человеку и поразит его совершенно, – это что, очевидно, существует какой-то мир, независимый от пространства и времени, и в нем человек остается таким же неизменным, как и тысячи лет назад. У нас сохранились памятники, свидетельства о том человеке, и мы видим в них нечто неизменное, и в них поклоняемся вечности независимого духа, заслоненного от нас страшно быстрым движением внутри пространства и времени.

Мы на пороге какого-то нового синтеза этического сознания.

Есть ли это новое время начало конца света или начало жизни без войн – в этом сейчас и определяется каждый из нас.

Почему Шекспир так долго живет среди нас после себя? Многие говорят, будто он провидел наше время. А мне кажется, он не вперед глядел, а просто видел что-то возле себя, был современником душевного потока, подобно тому как мы являемся современниками идеи торжествующего социализма. Не в том ли секрет всех художников, побеждающих время: не вперед они видят, а здесь, возле себя самого, и это хватает им надолго.

Мне даже кажется так, что во всяком настоящем таланте содержится особое чувство современности.

Может быть, даже в состав таланта включен какой-нибудь особый орган и посредством его они, художники, ориентируются во времени, подобно тому как перелетные птицы определяются в своих огромных пространствах.

Вот сейчас, по-видимому, на всем земном шаре человек идет против человека войной... Но мы чувствуем, напротив, что в настоящей современности на всем земном шаре не война – там жизнь, и, напротив, на всем земном шаре, как никогда, человек идет к человеку.

...Пусть даже сейчас восторжествует не мир, а война. Современным останется путь к миру, и останется в творчестве своем тот Шекспир, который укажет путь к миру...

И возможно, я, скромный писатель, тоже перехожу какой-то великий путь, и где-то сзади издали глядят на меня, и тоже за мной идут, и тоже, сами того не зная, за собой ведут?

Глава 32

Мать-Родина

Значение этих повторяемых и стираемых слов: мать родная земля... В сущности, как все переберешь в себе, земли тут и нет никакой, это не земля сама, а любовь к человеку, как бы приподнимающая на воздух все эти родные елки, березки, овражки и яблоньки. Это материнская любовь делает землю родной и прекрасной. Можно тоже родиться поэтом, и тогда родную землю можно найти в любой земле, и родиной сделать себе стратосферу, и там на воздушных шарах утвердить любовь как дело

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
родственной связи со всем живущим.

Моя любовь к родине больше любви к искусству, и в этом все.

...Так-то оно, конечно, лучше бы работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?»

Если слышу «больно» – ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он за «естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека?

По правде сказать «я» можно лишь на родном языке.

Родина. Что скажет о ней дитя ее, что откроет, – не откроет чужой, прохожий человек. И то, что увидит чужой, не знает рожденный на ней.

* * *

Мое чувство родины исходит от слова, которое унаследовал я через мать мою от русского народа, – это наследство и есть моя родина. Но в любви своей к русскому слову я приложил много своего личного труда, и как бы я мало ни сделал, но в меру своего таланта и усердия оно представляет собой нечто отличное от всего полученного мною наследства: там в чувстве родины я вместе со всеми едино тело и един дух, здесь в отечестве я представляю собой, как и каждый поработавший честно на пользу своей родины, личность единственную, неповторимую и незаменимую.

Чувство родины неизъяснимо, мы связываем его с чувством материнства, родина – это мать моя, а собрание дел моих (сочинений) есть мой паспорт в отечество

Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечта и существование» сходятся).

Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в капитанской дочке. И теперь читаешь – и как будто у себя на родине...

Моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, – то и другое для меня теперь археология; моя родина, непревзойденная в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости, – моя родина – это повесть Пушкина «Капитанская дочка».

Природа, как и жизнь, не поддается логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове природа. Никто не даст всеохватывающего определения: одному это дрова и стройматериалы, другому – цветы и пенье птиц, третьему – небо, четвертому – воздух, и так без конца. В то же время каждый из этих потребителей знает, что это не все.

Недавно это нечто большее, чем свой личный интерес, мы по-чувствовали к природе во время войны, и как мы это почувствовали, общий интерес: это родина, дом наш.

Природа явилась нам как родина, и родина-мать обратилась в отечество.

Родина, как я ее понимаю, не есть что-то этнографическое, неподвижное, к чему я теперь прислоняюсь. Для меня родина – все, что я сейчас люблю и за что борюсь, родина – это я сам как творческий момент настоящего, создающего из прошлого наше будущее.

Чувство родины в моем опыте есть основа творчества.

* * *

Мое направление. Материал у меня под ногами – моя родная земля, а направление мне дает каждое дерево своим ростом вверх прямо к свету. Все остальное – борьба.

У меня тоска бывает чаще всего от прихода в свое внимание чего-нибудь избитого, повторенного много раз, пошлого. Есть, однако, избитое, например, выбитая ногами

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
людей тропа – никогда не вызовет тоски, есть травка-муравка на дворе, всю жизнь смотришь – и ничего...

Деревенские задворки – самое чудесное место на земле: среди молчаливых сараев полукруг полей завершается лесами.

Солнце после дождя. Иду без шляпы в задворках по тропинке между сараями, трава на тропе подбита, примята ногами, и земля виднеется. А по сторонам тропы поднимается та самая трава-мурава, которая, кажется, была со мной от рождения, – это пырей, одуванчики, просвирки.

– Так вы тут стоите! – сказал я.. И правда, стоят, а тропа – я иду, иду, и эта тропа есть моя самая близкая родина.

Аромат истории. Сказать, какой запах у черемухи сам по себе, невозможно: этим пахнет только черемуха, и нюхали этот аромат еще и те русские, кто слушал Баяна, певшего свою былинку о полке Игореве, и много раньше того, в те времена, о которых мы и не догадываемся.

И когда понюхаешь, то присоединяешься ко всему этому прошлому, я – по-своему, другой – по-своему, третий, каждый по-своему присоединяется к одному и тому же. И так из всего этого: каждый по-своему и все – к чему-то одному: так и складывается родина.

* * *

Моя наука есть наука родственного внимания своеобразию каждого существа. Эта наука привела меня к искусству слова, а искусство слова – к родине. И я понял, что природа есть родина.

Лучшее, что я храню в себе, это живое чувство к хорошим людям, от которых я произошел, замаскированное словом «природа». Это и есть живое чувство родины.

Тема о хороших людях, как чувство родины, в сущности, и есть содержание понятия «природа».

Если бочка под каплей полна и вода все льется из водосточной трубы, то нужно ли раздумывать воде, чтобы перелиться из бочки и свободным ручьем радостно, с говором бежать по земле в реку, в море и, может быть, в океан?

Так и я тоже мало думал о мастерстве строительства русской речи, а всегда помнил о той «бочке», откуда сам теку, и эта память о бочке определяла мое поведение.

* * *

В моей борьбе вынесла меня народность моя, язык мой материнский, чувство родины. Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленею и летом к петрову дню цвету.

Ничего с этим не сделаешь, и меня уничтожат только, если русский народ кончится, но он не кончается, а, может быть, только что начинается.

Глава 33

Душа природы

Искусство и наука – будто двери из мира природы в мир человеческий: через дверь науки природа входит в мир человека, и через дверь искусства человек уходит в природу, и тут себя сам узнает, и называет природу своей матерью.

Дети, все дети, и вы, настоящие наши физические дети, и те взрослые, пожилые и вовсе старики, кто сохраняет в душе себя самого, как своего ребенка!

Все мы когда-то вышли на свет из темной утробы нашей матери. Все мы вышли из тьмы, и все мы движемся к свету, вместе с нами совсем рядом из темной земли поднимаются к солнцу деревья, былинки, соломинки, цветы и вместе с нами живут.

Теплый пар продолженной, измученной холодной земли даже и в Москве можно понять.

После обеда мы выехали и на полпути поставили машину к обочине, сели на опушке леса. Все летние птички пели, и все пахло. Мне было так, будто вся природа спит, как любящая мать, а я проснулся и хожу тихонько, чтобы ее не разбудить.

Но она спит сейчас тем самым сном, как любящая мать, спит и во сне по-своему все знает про меня, что вот я запер со стуком машину, перепрыгнул через канаву и теперь молча сижу, а она встревожена – куда он делся, что с ним.

Вот я кашлянул – и она успокоилась: где-то сидит, может быть, кушает, может быть, мечтает.

– Спи-спи, – отвечаю я потихоньку, – не беспокойся!

Кукушка далеко отозвалась, и эта кукушка, и зяблики, и цвет земляники, и кукушкины слезки, и вся эта травка так знакомы с детства, все, все на свете – сон моей матери.

Матушка, дорогая, спи-спи еще больше, еще лучше. Тебе так хорошо, ты улыбаешься! Начался теплый июнь, трава поднимается, рожь колосится, довольно, довольно ты мне всего дала, спи, отдыхай, а мы позаботимся.

А может быть, вся природа вокруг меня – это сон? Это кто-то спит... Везде и всюду: в лесу, на реке, и в полях, на дороге, и в звездах, и на заре вечерней и на утренней – все это – кто-то спит. И я всегда, как «выхожу один я на дорогу». Но спит это существо «не тем холодным сном могилы», а как спит моя мать. Спит и слышит меня.

Так и вся наша мать-природа, и я ее младенец. Меня она чувствует и слышит во сне и, по-своему все понимая, знает, и тоже, бывает, вдруг привидится ей, что я попал в страшную беду. Тогда мать моя поднимается, и в природе начинается гроза.

Все лучшее дано мне в нерукотворной природе. И когда мне надо, я замираю в лесу, так притаиваюсь, так затихаю, что вижу, как поднимаются прижатые зимой травы, слышу, как трескается почка и как, прыгая, шлепается первая проснувшаяся лягушка. Я все это собираю и приношу туда, где я сам расту, сам живу, сам, как травы, поднимаю слои слежавшихся надо мной прелых листиков.

Сегодня я прошу, чтобы мне было легче подниматься и расти, легче было в тех усилиях, которыми приходится поднимать на себе тяжелое прошлое.

Я не потому прошу легкого вместо тяжелого, чтобы скорее выпрыгнуть, раньше всех показаться на свет, а только потому, что, истратив много труда, начинаешь переоценивать свое значение, гордиться перед нижестоящими и питать злое к вышестоящим и легко вырастающим.

Я прошу: улыбнись мне, матушка, и сдунь с меня, желтенького, старые тяжелые листики... Вспомни, сколько раз соблазнилось сердце мое величием трудного и сколько раз оно не пошло на соблазн!

* * *

Когда просыпаюсь, спешу скорее открыть занавеску и поскорей узнать, что там делается, – открываю занавеску на окне, все равно как перевертываю страницу неожиданной новой захватывающей книги.

Березовый сок. Вечер теплый и тихий, но вальдшнепов не было. Заря была звукоемкая.

Вот теперь больше не нужно резать березку, чтобы узнать, началось ли движение сока. Лягушки прыгают – значит, и сок есть в березе. Тонет нога в земле, как в снегу, – есть сок в березе. Зяблики поют, жаворонки и все певчие дрозды и скворцы – есть сок в березе.

Мысли мои старые все разбежались, как лед на реке, – есть сок в березе.

День прошел, как самый большой праздник, чего стоит жизнь одного только моего окна: какими чудесными узорами разукрасил его мороз поутру, как от солнца протаяла солнечная серединка, потом исчезло все и на краях, а вечером опять заузорило. Так и весь день, как окно: в середине пламенеет воздух, плавится снег, и выступает вода на дороге, а утром и вечером все обрамляется легкоморозными зорями. День, как в раме, день, как окно в грядущее.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Природа есть родина всех талантов, начиная от росинки солнца, сверкнувшей всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры.

Мое настоящее искусство – живопись, но я не могу рисовать, и то, что должно бы быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистые, из фраз – то прямые, как стены древних храмов, то гибкие, как в завитках рококо. Что же делать – то? При усердии и так хорошо.

А может быть, так и все художники работают мастерством чужих искусств, пользуясь силой родного? Молчаливый поток родства, продолжающий мир и иллюзию его.

Гляжу на лес, засыпанный снегом, расцвеченный лучами заходящего солнца, и мне возвращается старая душевная мысль о том, что удержать эту красоту можно только красками и что тут все в красках дело. А раз только в красках, то, значит, существо – то неуловимо, и все только кажется, и это «кажется» для художника является существом.

Апрельский свет – это темно-желтый, из золотых лучей, коры и черной, насыщенной влагой земли. В этом свете мы теперь и ходим.

Бывает, лежит, как первозданный порфир, красный мох большими глыбами, на глыбе – березка, а крепкая темная зелень брусники, облитая росой, блестит литым серебром.

Мне принесли белую водяную лилию. Я дождался, когда солнечный луч попал ко мне в окно и поставил стакан с купавой против луча.

Тогда желтое внутри цветка вспыхнуло как солнце, а белые лепестки стали так ярко белы, что неровности бросили синие тени, и я понял весь цветок, как отображение солнца на небе.

Долго смотрел на прекрасный цветок и затосковал по воде.

* * *

Не один человек, но вся природа и в ней каждый род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней все живое.

Предрассудок времени. Жизнь солнца настолько больше жизни отдельного человека, что в отношении к человеку какому-нибудь оно – вечность. А если бы у солнца было сознание, то человек весь даже для него был бы не больше шевелящейся плесени. Следовательно, длящаяся в веках повторяемость одного и того же явления, вроде восхода солнца, есть только с точки зрения существа с укороченным веком. С точки зрения какого-нибудь великого в отношении нашего солнца светила (как велико солнце в отношении человека) это солнце – лишь на одно вселенское мгновение вспыхнувший вертящийся клубок перегорающего металла.

Итак, длительности повторений, как нам кажется, в природе вовсе нет и быть не может. Это есть даже не реальность отношения нашего, а, скорее, настроение от усталости (для молодежи нет повторяемости, для старости все повторяется).

Понятие «законы природы» включают в себя нашу ограниченность восприятия жизни времени: на наш век солнце всходит и заходит, как ему положено «законом». И мы пользуемся этим «законом», считаем часы, минуты, секунды.

Но сущность нашей жизни совершается не по часам и законам. И все в природе неповторимо, все беззаконно и совершается в первый и в последний раз... Весной света мы даже и совсем забываем о времени, нам кажется, будто солнце не по закону пришло в повторении, а единственный раз.

Можно подходить к природе с тем, чтобы законы открывать, но можно открывать и беззакония: то, что случается единственный раз и больше уже никогда не повторится. Это чем отличается один человек от другого и носит название «я». Единственный раз это «я» пришло в мир, и больше никогда не придет. Но точно так же и день придет и уйдет: другого точно такого дня не повторится, и «пара» дней – это бессмыслица.

* * *

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто – сам виноват.

Вошел утром я в лес, и удивился, и обрадовался – сколько чудес совершилось в одну майскую ночь без меня: как позеленились дорожки, как подросли свечи побегов на молодых соснах, как возмужали березки, сколько лужиц закрылось вырастающей из-под них ярко-зеленой травой.

И так много, много всего, и все без меня, все делалось само собой на радость и удивление. И я радовался и удивлялся этому миру, где могут создаваться прекрасные вещи без всякого личного моего участия.

Но в том же мире есть другие вещи, растущие только во мне и вырастающие только из меня и непременно в моем присутствии. Я знаю их хорошо в моем томлении духа, в страданиях, в ожидании лучшего, но никто бы не знал об этих страданиях, если бы они, вырастая, не встретились бы через меня с тем прекрасным в природе, что создано без меня.

Лес берегами, как руками, развел – и вышла река.

Такое задумчивое утро, что кажется, будто и петух кричит тем самым словом, какое держишь в уме.

Внутренняя жизнь природы – это я, или душа человека, и если надо что-нибудь в природе понять, то надо просто углубиться в себя, в то же время не выпуская из вида внешнего облика того, что захотелось в природе понять.

Мальчик спрашивал меня: почему мы весной не любим зиму, зимой осень, нет того, чтобы постоянно и одно и то же любить, отчего это так? И я маленький спрашивал себе тоже вечную игрушку, чтобы никогда не ломалась, но мне отвечали, что такой игрушки не бывает.

Так мы растем: мы не знаем, что вечная игрушка, вечное время года в нас самих заложено, и только рост бывает в разной среде, и в этой разной среде мы по-разному отражаемся.

С самого детства и до старости остается человек тем, кем он родился, но, как в лесу ель малая становится высокой, так и мы перемещаемся из разных слоев воздуха над землей все выше и выше.

Жизнь – борьба, но только разная бывает борьба и разные люди. Бывает борьба весны с зимой, когда знаешь, что, какая бы ни была страшная борьба, все кончится к хорошему и начнется новая прекрасная жизнь. Такими бывают и весенние победные ручьи и бывают весенние люди. А то борется лето с зимой, и бывают осенние хмурые люди, борются за жизнь, но знают наперед, что им не победить.

Какой еще может быть вопрос, – все мы вышли из этой борьбы и в нас постоянно происходит то же самое, но только нам не видно, потому что все происходит в себе.

Весной, как бы ни было плохо в природе, какой бы ни был тусклый день, – все равно весь день так не простоит и переменится к лучшему: тебе тут делать нечего, садись в седло, сложи поводья и знай, что приедешь к хорошему. Осенью другое дело, тут все зависит от тебя самого: какое ты запас богатство, как ты его в себе доберег...

Каждую весну и каждую осень человек поэтически переживает и свое собственное рождение, и умирание.

Синяя тишина. Вчера десять и больше раз начинался дождь, и я уже не обращал на него внимания и ходил с Кадо по дождю.

В промежутках между дождями было так тихо и темно, что каждое дерево как будто оставалось наедине само с собой, и все можно было видеть у них, даже самое тайное.

Плакучие березы опустили вниз все свои зеленые косы, а в елках нависла синяя тишина.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Тоска в душе человека соответствует в природе осеннему мелкому дождю, необходимому при посеве озимых. После некоторого времени, которое нужно пережить, всходят крепкие озими. И в душе человека после тоски...

* * *

К природе нельзя подойти без ничего, потому что слабого она сию же минуту берет в плен и разлагает, поселяя в душу множество грызущих червей. Природа любит пахаря, певца и охотника.

Чувство природы оценивается только силой. Если это слабое чувство, то оно является чем-то вроде вкусного соуса любующихся дачников, если же оно сильное чувство, то всегда имеет косвенное отношение к другому человеку.

Горе наше, что люди цветут не как деревья каждый год, а только раз в жизни, и все в разное время, и у каждого человека своя весна. Вот почему, когда вся природа в мае цветет, на человека грустно смотреть – так он сер кажется в это время. И разодетые дачники своим нарядом не создают весну: не народ весну делает.

Вещи, собранные в моей московской квартире, имеют один недостаток: они не мои. Моих вещей как-то вообще нет, но в лесу деревья, цветы на лугах, облака на небе – это все мое.

Сегодня было тихое морозное утро. Я любовался впервые горами от первого легкого разлива света до тех пор, пока не стал свет белый, и день белый, и горы встали белые в славе.

Горы, горы! Два месяца я буду смотреть на вас с этого места, и каждый день по-разному вы будете играть мною, часто определяя на весь день мое настроение... Сегодня утром перед окном земля белая поднимается к небесам. На лесах туман рассек все черное белой полосой и оставил вверху черные зубчики леса, пилой своей пересекающие бок ближайшей горы с вечным снегом. Но гора эта закрывает еще более высокий Эльбрус.

Да, так и у гор, как у людей: очень часто небольшие закрывают собой высочайшие, и надо сделать лично большое усилие, лично совершить трудный путь, чтобы увидеть вершины во всей их свободной и ничем не заслоненной красоте.

* * *

О человеке, предчувствуя с тревогой и любовью его трагедию, никогда нельзя сказать, что не ошибешься, что не кончится все при помощи его хитрости комедией; в природе этого «от великого до смешного один шаг» – совсем нет.

...Так что можно сознательно искать в природе явления, вполне соответствующие явлениям в душе человека, и это будет путь не только заправки искусства, но и знания (здорового знания, потому что в природе содержится только чистое и здоровое).

Никто не таится так, как вода, и только сердце человека иногда затаивается в глубине и оттуда вдруг осветится, как заря на большой тихой воде. Затаивается сердце человека – и оттого свет..

Ночью было продолжение мысли о возвращении героев в себя и перешло на всю поэзию: что поэзия, погуляв на людях, может вернуться к себе, в свой дом и служить себе самой, как золотая рыбка. Тогда все, что было в мечте, как дружба, любовь, домашний уют, может воплотиться: явится друг, явится любимая женщина, устроится дом, и все выйдет из поэзии, возвращенной к себе.

Я могу об этом свидетельствовать: в моем доме нет гвоздя, не тронута рукой любимой женщины. Так, может быть, со временем и весь желанный мир, вся природа войдет в меня и будет со мной.

Закат солнца. Нарочно не спряталось совсем, а остался глазок, – солнце сказало себе: «Подожду, хоть одним глазком на все погляжу, как-то живете без меня»

..Все цветет. Так все роскошно вокруг и так много всего. Что душа моя – глиняный кувшин – не вмещает, и все льется через край из моего кувшина.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Возле опушки южной слегка зеленеет дорожка, и кто бы ни прошел, тоже сразу заметит и скажет: «Зеленеет дорожка». Сколько рождается в этом, и как мала душа моя, чтобы вместить в себя всю радость...

Вот почему я выхожу из себя и записываю сегодня для всех: «Зеленеет дорожка, друзья мои!»

Глава 34

Деревья

Может быть, лучшие мечты человека родились в растительной половине его души. Растение – это покой и задушевность, – это Данное; животное – это движение, действие, – это Соз-данное.

Да, мы разделяемся на тех, кто производит что-нибудь, и на тех, кто этим пользуется: одни создают музыкальные концерты, другие едят под музыку. И это вечное разделение, возможно, перешло в нас от разделения на растения и животных.

* * *

Жизнь – это борьба за бессмертие, опушки старых лесов покрыты, как щеткой, молодой порослью: старые передали молодым дело борьбы за жизнь, и молодые так живут, будто они родились совершенно бессмертными. Тут борьба совершается без лозунгов, без идей: на опушке леса величайшее из дел совершается в стыдливом молчании.

Создавая парк, мы плачем об утраченном лесе, и когда осенью нам кажется, будто все деревья плачут, то это деревья от нас взяли свои слезы: плачут они о потерянном счастье дикого леса. Но мы знаем, что если плачут и вправду они, то это мы их научили, и это от нас они взяли плакать о чем-то прекрасном и навсегда утраченном и весной радоваться в ожидании чего-то такого прекрасного, чего никогда на свете и не было.

Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было.

Сейчас совершается у елок опыление, семенные елки сейчас стоят желтоватые от пыли. Наверно, несколько миллионов пылинки «пропадает» на одну, вошедшую в процесс оплодотворения семян в шишке.

Сейчас я начинаю думать, что миллионы пылинки, не нашедшие употребления, вовсе не пропадают, а живут, объединенные единством стремления к продолжению жизни. Единственная оплодотворяющая пылинка служит не так для оплодотворения, как для объединения всех: каждая из них стремится к одному и тому же. Не только пылинки, не только икра, но и наши слова направлены к чему-то одному: к слову, побеждающему время...

В мире совершается борьба за единство и всей совокупности множества – в единстве за жизнь, за ее продолжение, за ее вечность.

Как это можно смотреть на выразительные, старые, высокие деревья и не увидеть в них жизнь всего человека, каким он смотрится из-за нашей спины в тихие заводи ручьев, рек и озер?

Тайна жизни вся скрыта в маленьком семени: было маленькое семя ели, это семя раскрыло теперь все заложенные в него возможности, и по срезу огромного ствола я считаю годовые круги.

В этом и человеческая сложная жизнь ничем не отличается от дерева: из нас тот высший человек, кто лучше всех других раскрыл все заложенные в себе самом возможности.

Как нет на земле безвоздушного пространства, так нет и полного молчания. Если же всякий звук стихает, то деревья, кусты, облака, а то и запахи начинают говорить.

Так однажды весной я слышал в аромате почек благоухающую беседу березы с черемухой.

Прочитав прекрасную книгу, я думаю: вот я ее в день прочитал, а ведь чтобы написать ее, он истратил всю жизнь!

Выслушав весной первый зеленый шум у березы, я говорю: чтобы так прошуметь, ведь она полвека росла.

Лесная книга дается только тем, кто хочет читать ее без всякой ощутимой пользы для себя или корысти, даже нужен тебе гриб или орех, и то будет мешать тебе, и не хватит внимания вникнуть в ход лесной жизни.

* * *

Как распускаются разные деревья. Листики липы выходят сморщенные и висят, а над ними розовыми рожками торчат заключавшие их створки почек.

Дуб сурово развертывается, утверждая свой лист, пусть маленький, но и в самом младенчестве своем какой-то дубовый.

Осинка начинается не в зеленой краске, а в коричневой и в самом младенчестве своем монетками, и качается.

Клен распускается желтый, ладошки листа, сжатые, смущенно и крупно висят подарками.

Сосны открывают будущее тесно сжатыми смолисто-желтыми пальчиками. Когда пальчики разожмутся и вытянутся вверх, то станут совершенно как свечи.

Внизу, на земле, вся листовенная мелочь показывает, что и у нее такие же почки, как у больших, и в красоте своей они внизу ничуть не хуже, чем там, наверху, и что вся разница для них во времени: придет мое время, и я поднимусь.

В золотистых оранжевых сорочках рождаются новые веточки елки, и когда они выходят, сороки летят и цепляются за невидимые паутинки и тревожат напрасно всех лесных пауков.

Новорожденные ветки, светло-зеленые на темной старой зелени, частые, изменяли весь вид угрюмого дерева.

Но и в такие солнечные дни эти елки сохраняют свое непокорное наивному счастью листовенных деревьев достоинство.

Ранней весной от солнца еловый лес зеленеет, но, когда береза распустится, он становится еще чернее, чем был, как будто по березе понял, что не стоит вообще зеленеть на земле.

А березку ничего не смущает, как зеленое воздушное видение стоит, скрывая свой белый ствол в еловой черноте.

Молодые елочки маленькие дают прирост лапками светло-зелеными, в сравнении с основной темной зеленью ели почти белыми.

На эти белые лапки у совсем крошечных елок смешно смотреть так же, как на лапищи маленьких щенят.

До того хорош бобрик частых еловых самосево, что хочется его погладить ладонью, и даже в голову тут не приходит, что в этом столь мирном сожителстве родных елочек происходит война с изреживанием: процент изреживания в этой мирной жизни елочек во много раз больше, чем на войне у людей.

Играла кудрявая береза своими листиками, трепетала осина, и между ними дремал молодой дуб.

Невозможно нежные создания вырастают в лесу из какого-нибудь желудя, уроненного сойкой или белкой. Нитки, не толще, чем бечевка, поднимаются от земли и расходятся тремя нитками, такими тоненькими, что удивляешься, как это они держатся.

И каждая из этих трех ниточек, поднимаясь над травами, оканчивается огромным дубовым листом.

Дуб, если попадает на опушку на просеке, не поглядит на соседние елки, а

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вывернет свои державные суки прямо по ним к свету.

Как же не обратить внимание, что в большом хвойном лесу воздух совсем другой, чем на вырубке в молодой поросли. Там вся жизнь ушла в дерево: растет сто, растет двести, даже триста лет. А здесь на солнце сколько птиц, цветов, смолистых, блестящих листьев. Там – в дерево, тут – все в песню ушло.

* * *

Сентябрь. Солнце всходило чистое. Окна в морозной росе. Грибы заметно кончаются, остаются одни поганки, мухоморы и свинухи. Зато, бывает, в это время на зеленом мху выдвинется красная сыроежка величиной с чайное блюдечко и с водой. А в воде, как детский кораблик, плавает желтый скрученный листик. Я эту воду не пропускаю и с грибной холодной губы переливаю в свою теплую. И когда пью, бывает со мной в лесной тишине, будто от этой лесной воды и холода губ люди меня забывают и не узнают. И я, оставленный, сажусь на пень, замираю в себе и через это в лесу мне становится все близким и понятным...

Удивительно! Вы знаете, как это удивительно и чудесно бывает в лесу, когда через такое раздумье станешь понимать себя самого, как дерево, а вокруг все будто люди. И знаешь тогда твердо, что все это: деревья, мох, грибы – как люди. Это сказка, но почему же тогда, если выглянешь из себя, то показывается такое, чего никак не заметишь, когда себя считаешь человеком, а лес просто дровами?

В солнечный день осенью на опушке елового леса собрались молодые разноцветные осинки, густо, одна к другой, как будто им там, в еловом лесу, стало холодно и они вышли погреться на опушку, как у нас в деревнях люди выходят на солнышко и сидят на завалинках.

* * *

Деревья стоят, ветер перебирает листики, и они болтают между собой, а ветви согласно кивают друг другу. И уже, конечно, и ветви кивать, и листики болтать могут только потому, что крепко держит их всех вместе могучий ствол.

Не было у них никогда разладу, как у людей, когда надо и между собой поболтать и надо что-то отдать на питание древесной державе. Листики, все до единого отличные друг от друга, все согласны между собой в необходимости отдавать часть себя на державу. Так они понимают эту необходимость служить каждому всем.

Гнались они друг за другом, елка и дуб, вверх к свету, кто кого перегонит.

Не по радости, или жадности, или вольности, или гордости затеяли они этот гон, а по смертной нужде: кто раньше высунется в светлое окошко, тот собой и закроет его и сойдется вершиной кроны с другими деревьями, как победитель. И все, кто останутся под пологом в полусвете, те и останутся чахнуть на всю жизнь свою. Вот почему они и гнались и тянулись вверх, елка и дуб, изо всех сил.

Шел в лесу долго и, вероятно, стал уставать. Мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой. Но вдруг я почувствовал себя внезапно радостным и возвышенным, глянул вокруг и увидел, что это лес стал высоким, и стройные прекрасные деревья своим устремлением вверх поднимали меня.

Чем выше поднимается дерево, тем и крылышки-ветки постепенно поднимаются, как будто собираясь по воздуху с силой ударить, вырвать дерево и унести его к солнцу.

А самые верхние крылышки совсем высоко поднимаются, и на самом верху пальчик елки показывает направление вверх.

Бывает, тишина приходит в лес просто, и все смолкает, – и сам где-нибудь замрешь на пеньке. А бывает, деревья, кусты, травы, птицы как будто сговорятся друг с другом, скажут: «Будем молчать!» И все делают тишину, и сам глубоко задумаешься и по-новому смотришь на далекое старое.

Не шевельнется ни одна веточка, ни один листик не дрогнет, и только по форме крон знаешь деревья стоят, как восковые. Никто не может сделать из воска все так неправильно, а в общем чтобы выходило из этого лучше правильного.

И вот чувствуешь щекой, будто кто-то из глубины леса дохнул на тебя. Или это так

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru показалось? Нет! Вот тоненький, в вязальную спицу, и длинный, почти до груди человека, увенчанный цветущей метелкой пырея стебелек пошевелился, кивнул другому, и другой нагнулся и кивнул третьему. А дальше там папоротник на одном стебельке перешепнулся с другими, и все о том же, что чувствую я своей щекой: в полной тишине наверху лес дышит изнутри, как человек.

Глава 35

Животные

Мысли и слова человеческого нет в природе, но человек, обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в ее напряженном движении к слову, и когда всякая тварь займет свое место, человек и радуется понимая во всяком звуке природы свое же усилие на пути борьбы своей за слово.

Я иногда думаю предложить эту догадку, что природа вся со всеми своими обитателями значит (знает) гораздо больше, чем мы думаем, но они не только не могут записать за собой, но даже лишены возможности вымолвить слово.

– Лада, милая собачка, что ты скажешь? Ну, собирайся, друг, шепни одно только человеческое слово – и мы с тобой победим весь мир зла!

Так я не раз говорю своей Ладке, когда она положит мне голову на плечо и страстным хрипом пытается высказать свою признательность и любовь

Земля трудом человека не насытится, сколько ни трудись, все как будто кто-то смотрит на тебя и ждет усилия особенного в понимании.

В тревоге без памяти отдаю труду до изнеможения, а собачка рядом сидит и глазами своими говорит – «Брось пустяки, не вертись, пойми, а потом делай, пойми сразу и начинай!»

Самая пустая собачонка, а вот как трудно забыть эти глаза...

...Это та наша собственная душа, которой мы стыдимся в себе, которой боимся, что она выпрыгнет в незаконное время, которой мы, глядя на детей, улыбаемся. Это душа наша бессмертная, и если ее соблюсти, то смерти не надо бояться.

Вот эта самая душа высвечивает у животных. Надо учиться уважать явления жизни животных.

* * *

Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности.

Сколько заложено в природе любви – можно видеть, когда дети зверей разлучаются с родной матерью и на место родной становится чужая.

Маленького слепого лисенка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она вслепую любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери.

Окотилась кошка, котят забросили, другая вскоре окотилась в том же лукошке, ей оставили одного. Тогда обе кошки стали кормить одного котенка: родная уйдет, лезет в лукошко чужая, как будто в молоке ее заключается повелительная сила, которая все чужое роднит.

Друг человека. Обезьяна не тем нам дурна, что некрасива, а что судит о нас по себе, и все, что нам дорого, отличающее человека от животного, принимает за свои обезьяньи естественные потребности.

Напротив, собака видит в нас высшее существо и старается заслужить нашу любовь и уважение.

Бывает, собака-щенок, играя с бумажкой, привязанной на ниточку, вдруг что-то заметит, может быть, даже разгадает секрет игры и глазами, как будто освещенными настоящим светом разума, заглянет в глаза самому человеку.

Если собака поглядела на меня человеческим взглядом, то значит, был же человек на свете, передавший собаке этот свой человеческий глаз?

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Я понимаю, если собака моя ложится на пол и прижимается непременно к моей ноге, это для того, чтобы во время ее сна я не ушел. Понимаю ее, как собаку. Но если ночью, когда идти некуда, она проснулась, ей стало не по себе почему-то, и она, взяв зубами своими свой тюфячок, подтащила к моей кровати на другой стороне комнаты, и уснула, и была довольна, что спала не с печкой, а рядом с человеком, – это у нее человеческое чувство одиночества и жажды близости, и это от человека у нее.

Мечта Жульки. Жулька сначала идет по следу, а когда потеряет, ведет по мечте. И все поле переходит в мечте.

Метель в поле страшная, наст, однако, в лесу от собаки не проваливается. Сквозь метель Жулька увидела летящую птичку и со всех ног во все тяжкие бросилась за ней по насту. Она догнала, схватила, но это не птичка, а старый сухой дубовый лист. Но ничего! Вот другой летит, и собака уже не бежит за ним.

Так и мы тоже за мечтой своей, как за птичкой, а потом научаемся мечтой своей управлять и свою птичку не смешивать с каким-нибудь сухим листиком.

Как зеленое пламя, вспыхнула береза в еловом темном лесу, и ветерок уже заиграл всеми ее листиками и будет играть всю весну, все лето и осень, пока все не сорвет и не останется береза опять одна со своими голыми прутиками.

– Ты знаешь, Жулька, – сказал я своей умнице собаке, – эта березка, может быть, так же когда-нибудь, как мы с тобой, бегала, но ей понравился ветер, и что он играет ее листиками. Вот она остановилась и отдалась ветру, и с тех пор она стоит так, и он ею играет.

Она невидимая и неслышимая шныряет в кустах, и на полянке узнаешь о ней только по цветам: цветочки, раскачиваясь после нее на своих длинных высоких стеблях, перешептывают друг другу: «Она тут шла, шла и прошла...»

В лесу много пней и есть какой-нибудь, где я когда-то сидел и писал. Жулька, забежав вперед меня, сядет около него и ждет. А когда я покажусь из кустов, напряженно глядит на меня, и я понимаю ее вопрос: «Дальше пойдем или будем писать?» В этот раз мне захотелось пописать.

– Будем писать, – сказал я.

И сел. А Жулька села, тесно прижавшись к моей коленке. Это она делает всегда, неизменно, и у меня есть два объяснения: одно – что так лучше ей будет дать знать, когда покажется враг, и второе – что так в тесноте ей отчасти можно будет участвовать в творчестве.

Домби. Когда родились щенята у моей Жизели, мы перечитывали известный роман Диккенса «Домби и сын». Жизель – английский сеттер, и нам показалось неплохо назвать одного из щенков в честь Диккенса – Домби.

Через месяц мы начали их раздавать, а последнего оставили себе. И так у нас остался самый важный, самый брыластый и смешной своей важностью, самый нахальный в борьбе за молоко матери и, казалось нам, настоящий портрет Домби-отца.

Кто забыл этот роман, мы напоминаем его. Диккенс в этом романе изображает эгоистического представителя старинного английского капиталистического общества. Ничто не могло сломить волю старинного представителя своей фирмы Домби. На все, кроме своей фирмы, был слеп этот безумец. Слепо он женился и замучил жену невниманием. Слепо воспитывал своего сына-наследника Поля и замучил своего мальчика, а дочь его, чудесная девочка Флоренс, от него убежала.

Чтобы сломить собачий эгоизм капиталиста и показать его человеком, Диккенс женит его на красавице Эдитт, похожей на великолепную кошку. Два эгоизма: собаки и кошки – вступили в жестокую борьбу, в которой фирма «Домби и сын» погибает.

Домби все-таки человек, а не собака, и Эдитт, во всяком случае, не кошка. Но жили они как кошка с собакой.

Разоренного, больного, уничтоженного гордеца подбирает выгнанная дочь, и так наконец в этой жестокой борьбе кошки с собакой побеждает человек.

Нет, конечно, не в честь самого капиталиста мы назвали щенка Домби, а в честь славного автора Диккенса. Но, конечно, наш Домби, не зная наших намерений, начал свою жизнь как несокрушимый эгоист: есть захочет – орет днем и ночью. Поест – пачкает полы, где вздумается и когда захочет.

* * *

Трясогузка. Новый квартальный столб в лесу, а рядом лежит старый, поверженный, трухлявый, разъедаемый насекомыми. На всех просеках животные, пересекающие их, столб сразу заметили, некоторые даже отпрыгнули, пока трясогузка не села на его макушку.

Когда увидели трясогузку, как она трясет хвостиком и капает на лысинку нового посланника от человеческого мира, то мало-помалу привыкли: стоит и стоит столб, – какое нам-то дело.

Гусь на солнце. Вернулось солнце. Гусь запускал свою длинную шею в ведро, доставал себе воду клювом, поплескивал водой на себя, почесывал что-то под каждым пером, шевелил подвижным, как на пружинке, хвостом. А когда все вымыл, все вычистил, то поднял вверх к солнцу высоко свой серебряный, ярко сверкающий клюв и загоготал.

Дятел. Видел дятла: летел короткий (хвостик у него ведь маленький), насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на березу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежав вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места, он увидел, что в развилке, где у него защемляются шишки, торчала отработанная и несброшенная шишка, и новую шишку ему некуда было девать. И нельзя было ему, нечем было сбросить старую: клюв был занят.

Тогда дятел, совсем как сделал бы в его положении человек, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, а освобожденным клювом быстро выбросил старую шишку, потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживленный и деловой.

Ласточка. Паводок, почти как весной, все лавы снесены давно, и некоторые береговые кусты корзиночной ивы стали островами. На одном таком островке ласточка усадила своих питомцев, чтобы никто не мешал их кормить. И люди вокруг стояли маленькие и большие.

Маленькие тужили, что никак их не достанешь, а старшие дивились уму ласточки: нашла же место – все видят, а тронуть не могут.

Водяная крыса. Это было в апреле на пойме, где разлив затопил леса. Кустиками над водой торчали верхушки деревьев. Я подъехал к ним на челноке, и тут на одной ветке в лучах вечернего солнца сидела водяная крыса. Она потеряла свою родину, и это событие в ее личной крысиной судьбе было не общее крысиное, а чисто личное: для спасения своего она не могла применить общий крысиный опыт, как делают все крысы, и как делала она сама всю жизнь, и только этим жила, и опыта этого ей было довольно.

Теперь она стала как человек и должна была для своего спасенья придумать что-то свое, личное. Она плыла, наверное, издали и до того была утомлена, что не бросилась в воду, даже когда я стал в упор смотреть на нее... Лоб ее округлялся, как у человека, и что-то прекрасное человеческое было в ее глазах, обыкновенно черных, теперь кровавого цвета в луче заходящего солнца.

Прекрасным был мне отблеск разума в крысиной судьбе, и я думал: вот и тут человек есть в этой крысе, и везде он может быть.

И тихо, боясь нарушить покой отдыхающей водяной крысы, я стал отодвигать назад свой челн.

Глава 36

Свет и тень

В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда, погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит с наших губ.

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Тогда сила этого слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях
в пространстве и времени.

Бывает, погасшая для себя звезда для нас, людей, на земле горит еще тысячи лет.

Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет
угасшей звезды во вселенной.

* * *

Солнцеворот. Композитор Н. поздравил меня с «весной света».

Нет сомнения в том, что так это и надолго пойдет от меня: весна света. Сам же я
начинаю подумывать о весне теней: только ведь благодаря теням остается жизнь на
земле.

Свет и свет! Там не бывает времен года, солнце само по себе горит и горит, а это
земля повертывается, и это движение вокруг себя порождает тени, регулирующие
свет, чтобы длилась жизнь на земле.

* * *

Солнце, вставая и уходя, приближаясь и удаляясь, определяет на земле наш
порядок: наше время и наше место. И вся красота на земле, распределение света и
тени, линий и красок, звука, очертаний неба и горизонта – все, все! – есть
явления этого порядка. Но где границы солнечного порядка и человеческого?

Леса, поля, вода своими парами и вся жизнь на земле стремится к свету, но если
бы не было тени, не могло бы и жизни быть на земле: на солнечном свету все бы
сгорало. Мы живем благодаря теням, но тени мы не благодарим, и все дурное
называем теневой стороной жизни, а все лучшее: разум, добро, красоту – стороной
светлой.

Жизнь есть воздействие света на тень, в свете все соединяется, в тени
образуется.

Все стремится к свету, но если бы всем сразу свет, жизни бы не было: облака
облегают тенью своей солнечный свет, так и люди прикрывают друг друга тенью
своей, она от нас самих, мы ею защищаем детей своих от непосильного света.

Подражание солнцу в природе на цветах для всех очевидно: на каждом лугу есть
золотые цветы с золотым солнечным кружком в сердце венчика, с золотыми лучами
вокруг во все стороны. И если цветы, если деревья поднимаются всюду на свет, то
и человек, с этой же биологической точки зрения, особенно стремится ввысь, к
свету, и, конечно, он это самое движение свое ввысь, к свету, называет
прогрессом.

Много сказано о физике света, но почему же так мало знаем мы о физике тени? Что,
если свет является первостимулом движения вверх, а тень, падающая с освещенного
предмета на землю, заставляет затененный предмет выйти из-под тени, и это и есть
начало движения вширь?

Есть существа, способные так прямо, и верно, и открыто, и сияюще смотреть, что
сами становятся похожи на солнце. Сколько есть таких светолюбивых растений с
цветком-солнцем посреди.

Но бывают цветы-мечтатели, они солнце, конечно, чувствуют, но никогда не видят,
и форма цветов у них как результат отношений света и тени. Посмотрите на ландыш...

Самолет с грохотом, бреющим полетом летел над лесом в солнечный день, и на
мгновение было как бы затемнение неба, и я, пораженный явлением теневого
великана, сел на пень и записал:

«От солнца исходит свет, и от земли падает тень, оттого и сознание человека
определяется двойственно: все вдвойне, и даже свет добра бросает от себя тенью
зло. Но солнце едино, и оно является в человеческом мире добра и зла вестником
единства и образует в нашем сознании небо – царство света, где нет места и
времени, порождающих тень при встрече со светом».

* * *

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и всем населением, как свой собственный дом.

Мы все родимся у границ безграничного, все видим черту горизонта, все чувствуем границу своего собственного тела; за ним, как за горизонтом чувствуем и даже видим безграничность природы с ее океанами, атмосферами и звездными вселенными.

Прочитал популярную астрономию Спенсера Джонса. Книга представляет нам вселенную во всем ее бездушии и жизнь как случайность. Автор отвечает на вопрос о том, есть ли жизнь в других мирах, сомнением: слишком для этого много должно сойтись случайностей. В особенности у него страшна одна огромная планета с ядовитой атмосферой, исключаяющей всякую жизнь, и покрытая огромной толщины льдом. Раздумывая об этом, в ужасе прижимаешься к образу человека с его звездами – ангельскими душками – и ясно видишь происхождение космической гармонии в душе человека («на воздушном океане хоры стройные»).

Чем больше астрономия открывает на небе мертвых миров, раскаленных солнц и планет, покрытых льдом толщиной в тысячи километров, окруженных отравленной атмосферой, тем ярче разгораются в нашей душе на нашем собственном человеческом небе глазки ангелов, глядевших в детстве оттуда на нас.

Придет время, когда мы на эти свои огоньки на нашем собственном человеческом небе будем смотреть, не пугаясь бездушного вращения и бега горячих и холодных астрономических тел.

Мало того! У нас есть надежда, что когда-нибудь мы им поможем, горячие отведем, холодные подведем к горячим, чтобы у них началась наша жизнь. Какое тогда откроется над мертвой вселенной одухотворенное человеческое небо!

Но когда еще это будет, а пока каждый из нас должен стать между своим небом и астрономическими телами и должен выбрать для себя такое место, чтобы видно было и свое небо, и то, подлежащее изменению.

Просто говоря, каждый из нас должен найти собственное полезное место в общем творчестве мира и потом держаться его.

Мир, с которым в душе мы приходим, в миллион раз прекрасней того, что мы потом узнаем о нем из книг. Разве можно чудеса звездного неба в какой-нибудь мере сравнить с тем, что открывает нам астрономия? Но знание тем хорошо, что открывает нам силу человека, не такого отдельного, как я и мои знакомые, а всего соединенного законами жизни человека.

После нашей луны, как являлась она нам среди деревьев в аромате лугов и садов, что скажут нам открытые на ней мертвые бесчеловечные пустыни? Этот глаз соединенного знанием человека, пронзающий пространства, и этот ум одного великого человека, переходящий по наследству к другому, нарастающий в культуре, как лавина, в ужасающей силе, и просторы возможностей в будущем...

Когда же наконец педагоги начнут нашим детям рассказывать о знании, не обманывая их в открытиях чем-то лучшим, а открывая им перспективу нарастающей мощи восходящего в единстве своем человека, способного в будущем повелевать вселенной?

Проснулся в два с половиной утра, когда на востоке внизу явно светлело, а повыше, в кулак величиной, горела звезда. Пробудилось во мне знакомое чувство космоса в борьбе его ужасной с нигилизмом науки. Как будто вся жизнь была истрачена в этой борьбе на то, чтобы гармонию космоса вернуть себе: я ее породил, я ее распротранил на небо, и я же теперь ее возвращаю себе и назначаю туда, где нет ученых и где совершенство никто не возьмет у меня.

Так была звезда утром на рассвете. А сейчас в десять утра я пишу о ней. На листике цветущего картофеля блестит крупная капля росы, и она для меня сейчас лучами своими поднимает такую же радость, как и та утренняя звезда. Только там, я знаю, это не звезда была, а небесная планета Венера, слишком нагретая солнцем, чтобы можно было на ней предполагать жизнь. А эта росинка неразоблачима, и ее

Незабудки. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
теперь мне совершенно достаточно, чтобы ощутить ту же самую радость, какую в детстве давала планета.

И вот это-то и есть прогресс человека: не в том, значит, что он энергией мысли своей, познавая, гасит миры, а в том, что, погашая те, он смыслом мысли своей зажигает новые.

Купался и встретился первым глазом с незабудкой. Не знаю, что и думать, я ли на нее обратил внимание, или она сама заставила меня обратить на себя внимание после чтения страшной книги о бездушье вселенной?

В этой незабудке, с ее желтеньким солнцем внутри и с небом голубым о пяти лепестках, я встретил живую вселенную, побеждающую существом своим внутреннее бессмыслие ее вертящихся органов.

И пусть нет звездочек на небе, как «ангельских душек», зато есть на земле незабудки.

Примечания

1 Французское выражение (дословно: лестничный ум), соответствует русскому: «задним умом крепок». В данном случае: замедленное восприятие.

2 В романе «Осударева дорога».

3 Повесть напечатана под заглавием «Повесть нашего времени»

4 Персонажи будущей повести «Корабельная чаша», впоследствии получившие другие имена.

5 Роман «Осударева дорога»

6 «Царь природы, или Осударева дорога».

7 Последняя повесть М. М. Пришвина «Корабельная чаша».

8 Попутные записи во время работы над повестью «Корабельная чаша».

9 Слова Достоевского.

10 Деревня Ярославской области, где М. М. Пришвин жил во время войны.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!